

Художественная литература

Плачущий ангел — свящ. Александр Дьяченко

Тут, в рассказах, вся Вера, биография и личная жизнь Александра Дьяченко, иерея (священника) Бога Всевышнего.

[Диаконское искусство](#)

[Немного о главном](#)

[Чудеса](#)

[Жертвоприношение](#)

[Иван](#)

[Подарок \(Тренажёр для попов\)](#)

[Новый год \(О смерти\)](#)

[Поминки](#)

[Образ](#)

[Вечная музыка](#)

[Про Серёгу](#)

[Спас Оплечный](#)

[Разговор с собакой](#)

[Мои университеты](#)

[Интересный вопрос](#)

[Звонок](#)

[Плачущий Ангел](#)

[Милость Божия](#)

[Старики и мы](#)

[Большой Гена](#)

[Рабоведение](#)

[Лучшая песня о любви](#)

Кузьмич

Суд совести

Пять минут

Лоскутки

Начало

Посвящение

Пересечения

Машинка времени

Чудеса (Запах бездны и говорящий кот)

Плоть едина

Пророчество игумена Нафанаила

Диаконское искусство

О том, что у меня бас и хорошие перспективы при правильной постановке голоса, мне ещё в школе говорил один мой приятель. Когда по его просьбе я что-то прохрипел в телефонную трубку, он в восхищении заорал мне в ответ: – Да тебе в консерватории учиться надо, Шура, – поверь мне, – в этом деле я не ошибаюсь! Но у меня тогда было невысокое мнение о музыкальных способностях моего одноклассника, и я ему не поверил, и напрасно. Сегодня друг моего детства один из известных белорусских музыкальных продюсеров, имеет свою студию звукозаписи и несколько коллективов, с которыми разъезжает по миру, и, даже исполняет под гитару песни собственного сочинения. Поверил бы другу, сейчас бы, глядишь, – в Большом солировал... Когда стал ходить в храм на службы, то тихонько подпевал, стоя за клиросом. Думаете, что никто тебя не слышит? А нет, как раз-то в храме любое параллельное хору пение очень даже слышно, и меня вычислили. Но вместо того, чтобы наказать, пригласили на клирос. Вот тут-то я и пожалел, что не слушался маму, которая всеми силами пыталась меня, тогда ещё лопухого второклассника, заставить играть на пианино. Я принципиально и категорически отверг все её попытки: – Танкистам не нужно играть на пианино! – Ладно, – в конце концов устав от наших баталий сказал папа: – Танкист, да ещё с боевым стажем – не хочет, – так не мучай ребёнка. Откуда мне тогда было знать, что как раз-то танкист из меня и не получится, а получится священник, для которого знание нотной грамоты есть первейшая необходимость?

На клиросе я и стал понемногу учиться всей этой певческой премудрости. Бабушки пели не по нотам, а на слух. Под их руководством я постигал церковные гласы. И до сих пор не понимаю, что меня, тогда ещё молодого парня, задержало в этом старушечьем коллективе? Помню своего первого псаломщика, она же и регент в одном лице, бабушку Анну. Человек пришёл на клирос ещё в 1944-ом, как вернули верующим храм – так и пришла. За долгие годы беззаветного служения ко времени моего прихода от её голоса уже ничего не осталось. Баба Аня выдавала такие звуки, что мой ребёнок периодически пугаясь, только жалобно спрашивал: – Мама, зачем так страшно поют? Со временем мне доверили читать Апостол. Моя первая в этом деле наставница – послушница Мария, человек суровый и неразговорчивый. Во время службы она преображалась, её многочисленные морщинки исчезали, а глаза сияли. И вообще, лица моих товарок, людей простых и неучёных, бывших прядильщиц, уборщиц, крестьянок во время пения молитв становились такими возвышенно прекрасными, что я понимал: ничего подобного за стенами храма не встретишь. Мария учила как нужно читать Апостол, где должно играть голосом на повышение, где снижаться и прочитывать фразы на полурезких выдохах. До сих пор я встречаю такую практику возглашений у старых дьяконов. – Ты должен читать так, чтобы люди, слушающие тебя, – проговаривали бы вслед за тобой слова, что ты произносишь, и не только понимали бы смысл прочитанного, но и плакали бы от умиления. После её смерти в память о ней мне досталась бумажная иконка преподобной Марии Египетской, в грубом окладе, сделанном ею самой в те далёкие годы в страшных сибирских лагерях, при помощи одного только топора. Она вообще владела топором мастерски. Это я понял, когда помогал ей собирать иконостас для возрождаемого ею (в одиночку) женского монастыря. Пробовали меня впоследствии задействовать и на правом клиросе, но отсутствие необходимых музыкальных навыков не позволило мне влиться в стройные партесные ряды. Потом к нам на клирос

пришла смена – юная поросль, выпускницы регентских епархиальных курсов. Хорошие девчонки, можно даже сказать, самоотверженные. Наш второй священник, отец Нифонт получил благословение служить на праздники в одном из отдалённых сельских храмов. Батюшка уталкивал нас в свой жигулёнок и мы после службы у себя в храме мчались в ту маленькую церквушку. Помнится, как-то на Троицу в его машинку набилось, кроме водителя, ещё 8 человек. Кто бы только знал, как благодатно было ездить с отцом игуменом. Иисусова молитва так и лилась, так и лилась. Будучи по природе неисправимым холериком, батюшка всякий раз садясь за руль, мчался, словно в последний раз, выжимая из машины всё, на что она была способна. Я продолжал петь басом, но вторую партию, поскольку подобрать басовую у меня не хватало умения. Сейчас понимаю, как со мной было трудно, но девочки певчие терпели, как и прежде терпели мои бабушки. А я был уверен, что чем ниже мне удастся прорычать, и чем более мой рык будет походить на буддийское горловое пение, тем лучше. Как я был восхищён, когда при возглашении протодиаконом многолетия в гродненском кафедральном соборе (это ещё при владыке Валентине) в храме задрожали стёкла. Как мне мечталось достичь таких высот. Может и пропел бы я счастливо всю свою жизнь на клиросе родного храма, если бы не случай в лице моего знакомого, по имени Николай. Коля, как говорится, "прошёл суровую школу жизни", и к своим двадцати пяти годам уже дважды побывал в местах заключения. Но Бог милостив, и мой знакомец пришёл в церковь. Мало того, что пришёл, он ещё и трудиться начал. У него в голове постоянно появлялись какие-то благочестивые прожекты: то он задумал строить часовенку тогда ещё не прославленной матушке Матроне, то решил издавать православную газету. Но все его инициативы (это я уже потом анализировал) были неизменно связаны с кампаниями по сбору пожертвований на благие дела. Сперва ему со всех сторон нашего отечества шли денежные переводы на часовню, но часовня так и не появилась. Потом тоже самое произошло и с газетой, хотя, правда, три номера ему всё-таки выпустить удалось. Шальные деньги, собранные на Святое дело, но ушедшие не по назначению, словно древоточец, подточили и разрушили моего товарища. Хотя, уверен, желания у него были искренними – но не совладал с собой человек. Коля стал пить и быстро втянулся в эту пагубу. Тогда же для повышения авторитета своей газеты он решил получить благословение правящего архиерея. И предложил мне, как помогающему в её выпуске, съездить вместе с ним в митрополию. Я согласился и мы поехали. По дороге Коля хвастал, что знаком со всем руководством епархиального управления, и получить благословение для него пара пустяков. Когда мы приехали и шли по областному центру, Николай мне всё о чём-то оживлённо рассказывал. Неожиданно он остановился возле ларька и, извинившись, купил бутылку пива, которую здесь же и выпил, не отрываясь, из горлышка. – Ты что делаешь, – спрашиваю, как же мы теперь в епархию пойдём? Он улыбнулся: – Ничего страшного, – прорвёмся, – и снисходительно похлопал меня по плечу. Мы ещё прошли метров двести, мой спутник чуть отстав от меня, снова покупает бутылку пива, и не смотря на все мои протесты, и уже без всяких извинений, вливает в себя её содержимое. Потом он, не обращая на меня внимания, чему-то улыбался, скалясь словно пёс, а потом и вовсе куда-то пропал. Короче говоря, я остался в одиночестве стоять у ворот епархиального управления. Что было делать? Идти просить благословения для газеты, которую не я издавал, или возвращаться домой "не солоно хлебавши"? Ладно, думаю, зайду, – ведь для чего-то я сюда ехал. Зашёл в управление и попросил проводить меня к отцу секретарю, про дружбу с которым мне всю дорогу хвастал несчастный Николай. Батюшка оказался на месте, и он действительно вспомнил моего шального друга. Мы с ним поговорили о Коле, а потом он меня спросил: – Чтобы издавать православную газету, нужно много чего знать, и тем более, много знать в области самого Православия. Приятель твой бывший уголовник, а ты-то – что из себя представляешь? Когда он узнал, что я учусь уже на последнем курсе Свято-Тихоновского богословского института, и несколько лет провёл на клиросе, его скептическое отношение ко мне мгновенно изменилось. Он велел мне подождать в кабинете, а сам куда-то вышел. Потом вернулся, и, не говоря ни слова, взяв меня за руку, повёл, как потом оказалось, к самому владыке. "Епарх" (в смысле – иерарх, глава епархии) принял меня радушно. Поговорив со мной и особенно не интересуясь моими собственными планами на будущее, представил сидящим в кабинете: – Вот отцы, готовый дьякон, и с образованием, и с опытом клиросного послушания, просто замечательно. Так что, готовься, дорогой, к хиротонии! Вот так, как снег на голову... Ехал за одним, а приехал за совершенно другим. Но легко сказать – готовься! Ведь теперь мне нужно было в кратчайший срок освоить премудрость диаконского искусства. Перед моими глазами стоял гродненский протодиакон и стёкла храма, дрожащие от силы его могучего голоса. Других примеров диаконской практики на моей памяти почитай что и не было. Пошёл к отцу Нифонту: – Батюшка, мне велено готовиться к хиротонии, и есть необходимость в кратчайшие сроки научиться диаконскому искусству, а учителя нет. Может, вы меня послушаете и что-нибудь посоветуете? Отец игумен оживился и решил меня здесь же и немедленно испытать. – Так-так, – забегал он вокруг, – а произнеси-ка нам первый возглас малой ектеньи. Я набрал в грудь воздуха и добросовестно пробасил: – Паки и паки... Батюшка, как мне показалось, посмотрел на меня, то ли с испугом, то ли с удивлением. Потом, словно собираясь с мыслями, он быстро-быстро потёр руку об руку, и, подняв вверх указательный палец правой руки, глубокомысленно произнёс: – Надо тренироваться! И я стал тренироваться. Понятно дело, что дома басить несподручно, и большей частью тренировался приходилось на работе (на железнодорожной станции). Особенно удобно это было делать по ночам. Ночью все спят и лишние люди по горке не ходят. Оставшись на рабочем месте в одиночестве, можно было тренироваться безпрепятственно. И только лесной филин был единственным свидетелем и слушателем моих экзерциций. Горка наша создавалась искусственно. Её намывали при помощи специальных приспособлений, из за чего вокруг, насколько хватало глаз, раскинулось огромное болото. Деревья большей частью погибли, но кое-где оставались стоять. Вот на такой высоченный ствол мёртвой берёзы с обломанной верхушкой, повадился по ночам прилетать большой лесной филин. Он садился на него сверху, и подолгу не улётал, несмотря на окружающий шум и

яркий свет прожекторов. Со временем мы к нему привыкли, и даже дали ему прозвище – «Ушастый». Иногда он начинал «ухать». И, даже зная, что это кричит наш Ушастый, становилось немного не по себе. Как-то в разговоре с одним машинистом, я услышал, что про горку стали поговаривать, как про место, не то, чтобы нечистое, но беспокойное. – Рассказывают, что там у вас по ночам слышат какие-то непонятные звуки, и от этих звуков людям становится не по себе. – Так это наш филин кричит, успокоил я коллегу, ничего страшного, он ласковый. Но в тоже время, после разговора с товарищем, когда работал в ночную смену, я стал как-то непроизвольно и всё чаще и чаще посматривать у себя за спиной. А, оставаясь на горке в одиночестве, в ответ на непонятные шумы, – словно невзначай начинал читать 90-й псалом. Такое моё поведение стало меня раздражать: "И это без пяти минут диакон, – стыдил я самого себя, – и впадает в какие-то примитивные суеверия – в тоже время тревожно всматриваясь в сторону окружающих нас непроходимых болот. Однажды, как обычно ночью, я снова тренировался произносить ектеньи. Для разминки решил начать с уже привычного «паки и паки...». На улице было темно и тихо, лёгкий морозец, но совсем неколючий. Для начала я попробовал голос в нашей будке для обогрева. Будка была старая, и окна в ней держались кое-как. Всякий раз, когда мимо проходили вагоны, стёкла начинали дребезжать. Вспоминая того протодиакона из гродненского собора, я за критерий подлинного диаконского профессионализма брал именно его способность заставить дребезжать оконные стекла. Конечно, маленькая будка, это вам не огромный кафедральный собор, но и я, простите, не протодьякон. Всякий раз, начиная распеваться, я в надежде прислушивался к нашим стёклам. Но это очень трудно: басить и одновременно с этим фиксировать ещё и какие-то сторонние звуки. Хорошо бы было, конечно, подключить к процессу тренировки кого-нибудь из наших ребят, чтобы тот следил за состоянием окон, – но мне было неудобно (боялся насмешек). Не зажигая света, я встал с лавки и протрубил возглас! Неожиданно рядом с будкой раздался визг и шум падающего на асфальт тяжёлого предмета. Потом визг, как мне показалось, перешёл в поросычье хрюканье и звук быстро удаляющегося топота копыт. И хотя, на улице была зима, но возле нашей будки территория расчищалась до асфальта, а звук поросычьих копыт я знаю, и не спутаю ни с чем. Вот тогда-то мне и вспомнилось предупреждение машиниста. Вот оно, началось! Нечистая сила... Немедленно, откуда-то из глубин памяти стали угодливо всплывать гоголевские жующие свиные рыла, Вий с подельниками и красная свитка. Да и как им не появиться, если человек готовится к принятию священного (дьяконского) сана!? Враг ходит вокруг каждого из нас, а уж вокруг завтрашнего диакона, – их точно целый хоровод. Запугивают, но, вишь ты – как возгласа-то испугались! И я, по правде говоря, тоже испугался. В тот момент, мне стало понятно, что означает выражение – волосы встали дыбом. Не помня себя, я мгновенно оказался сидящим на столе. И, поджавши под себя ноги, в голос читающим «Да воскреснет Бог...». Как, однако, полезно знать такие молитвы!.. Потом прислушался. За окном вновь тишина. И тогда я решил осторожно выйти из будки, чтобы поглядеть вслед умчавшимся бесам. Тихонько слезаю со стола и, подойдя на цыпочках к двери, медленно, чтобы ничто не скрипнуло, начинаю её открывать. Так же крадучись выхожу на улицу, и тут мне в спину бьёт жуткое, душераздирающее уханье филина. – И ты ещё тут, Ушастый! – закричал я в негодовании. – Молчи, и без тебя тошно! Скорее бы уж кто-нибудь из ребят приехал... Стал изучать следы вокруг нашего домика, но всё было чисто, никаких отпечатков копыт. Ну и дела. Ладно, думаю, рассказывать никому ничего не стану, лучше в следующую ночь я здесь вокруг будки святой водичкой окроплю. Недели через две мне пришлось выйти с другой сменой в сортировочный парк. Когда во время работы я зашёл в пункт обогрева попить чайку, то кроме дежурного охранника, лежащего на лавке, в помещении никого не было. Узнав, что я с горки, он сразу же сел, и с интересом переспросил: – Ну, да, с горки? Вот так-так! – А что тут особенного, – спрашиваю? Охранник подсел ко мне с заговорщицким видом: – Да местечко у вас там не-хо-ро-шее, – он делает ударение на последнем слове и проговаривает его отчётливо по слогам. И моё сердце замирает в предчувствии прикосновения к тайне: – А кто это говорит? – Да я тебе говорю, – он даже привстал от волнения. Ты понимаешь, недели две назад я проводил груз и возвращался на дежурный пункт. Ночь изумительная, тепло, тихо. Работы почти нет. Тишина... Иду в собственных мыслях. И вдруг! Возле самой будки у вас на горке кто-то как заорёт! И так страшно, не по-человечески. И от этого крика у меня в груди всё задрожало, зарезонировало. Мужики и раньше про горку предупреждали, что там, мол, чего-то не то. Но от неожиданности меня прямо-таки подбросило, и я поскользнулся и упал. Попытка кричать, а от страха горло перехватило, я на четвереньки и побежал. А тут ещё, словно филин какой, в след по-сумасшедшему он захохотал. Короче, еле ушёл! Потом уж только про пистолет вспомнил. Да разве в таком деле пистолет поможет? Здесь серебряные пули нужны... Слушаю его и начинаю понимать, что передо мной сидит жертва моего диаконского искусства, тот самый «поросёнок», что от страха захрюкал у меня под будкой. Так это значит – я от него святой водой спасался! И, что же получается? Старался, тренировался, а в результате чуть было человека до инфаркта не довёл, да и по станции про горку нехорошие слухи пошли. Хорошо, что есть Ушастый, существо безсловесное, если что, всё на него свалим. Уже потом, во время сорокоуста, я пришёл к выводу, что и в большом храме, и в алтаре, наглухо отделённым от всего остального пространства иконостасом, меня не слышно. Мой низкий бас утонул, в зимних одеждах прихожан. И тогда по наитию я стал возглашать ектеньи всё более и более высоким голосом. У меня открылся тенор, и недурной. Более того, к концу сорокоуста я был способен перейти уже чуть ли не на фальцет. Но, через какое-то время меня снова стал занимать всё тот же вопрос: – а от высокого тенора стёкла могут дрожать, или нет? Понятно, что во всём нужна тренировка... И даже уже было подумывал начать, но велели готовиться к священнической хиротонии. А для священника, дрожат ли стёкла во время его проповеди, или нет – вопрос непринципиальный.

Немножко о главном

Звонит телефон, в трубке женский голос: - Батюшка, у меня брат умер некрещёным, 64 года. Нужно хоронить, а там, где он жил, священник «земличку» не даёт, ругается, что вовремя не позвали, родных из храма прогнал. А маме уже 86, очень скорбит, боюсь, как бы сама не померла. Ты уж выручи, родной, дай нам «землю», маму жалко. Она же не виновата, что так получилось. Его бы тогда, в детстве окрестить, да церкви рядом не было. А когда вырос, стал коммунистом. Бога не признавал, и креститься отказался. Но, батюшка, человек он был хороший, даже очень хороший. Вот, что бы его не отпеть? Ведь таких, бывает, негодных людей отпеваете, только потому, что когда-то в детстве их окрестили, а брата моего не соглашаетесь, так хоть, «земельку» дайте. Я не стал с ней спорить, чем бы я её переубедил? Её уверенность в то, что эта «земелька» поможет - пускай не брату, так хоть матери, - была непоколебима. Эх, если бы отпевание, совершаемое мною, спасало человеческую душу, то я бы, наверное, только бы и делал, что отпевал, отпевал. И некрещёных, и самоубийц, и всех подряд, лишь бы спасти их от страданий. Только спасает-то не батюшка, и не «земелька», спасает Христос. Ради этого спасения, человек и присоединяется к Церкви через крещение. Только что же, неужели для спасения души достаточно так вот, однажды в глубоком детстве - быть принесённым мамой в храм? Человека младенчиком крестили, а потом, после прожитой им жизни, точно так же принесли всё в тот же храм, но только уже для отпевания. А что между этими двумя событиями? Ну, может быть человек заходил в церковь и ставил Богу свечку, и может даже не одну, а много свечек: - Господи, дай мне то, что я прошу, а я Тебе за это буду ставить свечи, много свечей! Когда-то в детстве, и я точно так же торговался с Ним перед тем, как впервые войти в самолёт: - Господи, я тебе две свечки поставлю, Ты только дай мне благополучно долететь, - а когда стали взлетать, так готов был «раскошелиться» и на три... Словно наш Господь, как сладёна конфетами, «объедается» - реже восковыми, а так всё больше дешёвыми парафиновыми палочками. Смешно. Вот, если от того времени, как всё того же человека младенцем крестили, а потом взрослым отпели, больше ничего с Богом не связывало, то, честное слово, люди напрасно тратят - и силы, и нервы, и деньги. Даже, если человек был хорошим, но далёким от Христа, он не спасается, и никакая «земелька» здесь не поможет, хоть ведрами её сыпь. Читая жития святых, обратил внимание: а ведь многие святые так никогда и не успели принять водного крещения. Когда бы они это сделали, если были казнены сразу же, как исповедали свою веру перед гонителями? Про таких людей говорят, что они крещены кровью. Вместо крещения водой и Духом они крестились кровью и Духом. Для древних христиан умереть за веру было так же естественно, как и жить в ней. Мы называем таких людей мучениками, или свидетелями, свидетелями веры. Их готовность вынести страдания и принять смерть, нежели отказаться от Христа и свидетельствовать о том, что без веры сама земная жизнь теряет для них всякий смысл... Интересно, а мы сегодняшние, понимаем что делаем, когда крестим своих детей или крестимся сами? Мы способны стоять за свою веру до конца, или для нас это только игра в традицию? Конечно, кто-то скажет: - Так извините, причём тут это? Мы, слава Богу, уже в 21 веке живём, и эта дикость осталась в прошлом. Но кто в начале девятисотых мог подумать, что всего-то через несколько лет, начнутся невиданные своими масштабами за всю историю человечества казни христиан, да ещё и с пытками, как в средневековье? В моём понимании, крещение для взрослого человека - это пересечение им некоего духовного Рубикона, после которого нет возврата назад. После крещения многое из того, что делал раньше, должно быть забыто, и жить теперь нужно - по Христу! Во время крещения я всякий раз предлагаю крестным «дунуть и плюнуть» на сатану. Это предложение почти неизменно вызывает у людей если не смех, то хотя бы улыбку. А ведь дуновение - это самый распространённый ещё в древности экзорцистский приём! Вспоминаю, как крестил в своё время одну молодую женщину. Мы были в храме втроём я, она и её друг. Так вот, когда я подул на неё, колени у той подкосились, и она стала терять сознание. После того, как мы привели её в чувство, я ещё дважды совершал дуновение, и она всякий раз падала в обморок... А как-то, прежде чем плюнуть на сатану, один студент, который длительное время готовился к крещению, вдруг на полном серьёзе и заявляет: - А может не нужно на него плевать? Зачем мне с ним отношения портить? Первый раз я тогда столкнулся с так мыслящим человеком. И сразу же вспомнился анекдот... Помните, как бабушка ставила свечку перед иконой Георгию Победоносцу? Георгию - свечу, а змею, старушка неизменно показывала фигу. И вот, во сне видит она змея, а тот и говорит: - Ничего, бабушка, я ещё подожду, а потом мы с тобой поквитаемся. С тех пор бабушка уже ставила две свечи перед иконой: перед святым, и перед змеем, на всякий случай... Во время крещения человек посвящает себя или своего ребёнка служению Добру, и навсегда отрекается от зла. Хотя, кто как... Однажды после службы, к амвону подходят две женщины, у одной на руках ребёнок: - Батюшка, покрестите нам малыша, нас «бабушка» без крещения не принимает. Я отвечаю: - Вы понимаете, о чём вы меня просите? Мы дитя окрестим, посвятим его Богу, и вы тут же его отнесёте к ворожее? Для колдуньи я ребёнка крестить не стану! - Какой ты злой, батюшка, - отвечает одна из женщин. - А «бабушка» добрая? Почему бы не «помочь» некрещёному ребёнку? Ей не ребёнок нужен, ей над святыней поглумиться нужно! Вот вам, и «плевок» в обратную сторону. Русская женщина обращается ко мне: - А не могли бы вы окрестить ребёнка из мусульманской семьи? Родители таджики, здесь у нас на заработках. Родилось дитя, и они хотят его крестить. Отвечаю: - Конечно, можно, но зачем? Мы девочку окрестим и отдадим на воспитание родителям нехристианам, и кто её будет потом вере учить? Пройдёт время, и никто и не вспомнит, что её крестили! Ведь мы должны крестить детей из верующих семей. А уже родители обязаны учить детей вере, воспитывать их на основе заповедей, и самое главное, причащать своих ребятишек. И чем чаще, тем лучше. Если ничего этого не делать, то и крестить детей незачем. Иногда в самих семьях между родителями нет согласия по вопросу крещения. Мне кажется, что в таком случае не нужно другому родителю спешить и тайно крестить ребёнка. Нельзя с обмана

начинать воспитание будущего христианина. Сегодня гонений нет, вырастет - сам решит. Всё будет зависеть от той же мамы христианки, сумеет ли она воспитать дитя так, чтобы ребёнок пошёл по её стопам... Перед крещением, раз в неделю, провожу встречу с теми, кто собирается крестить детей. Помню, приходит пара молодых родителей. Я им рассказываю об их обязанностях по христианскому воспитанию: - В храм, - говорю, - нужно чаще ходить. А те мне докладывают, что мамочка не может в храме стоять, в обмороки падает, а папа крест не носит, он его душит. Вот, такое повреждённое поколение... Или случай с крёстной. Перед крещением - смотрю, у крёстной мамы на шею висят множество подвесочек, а крестика нет. Интересуюсь: - А где же ваш крест? - Батюшка, не ношу, простите великодушно, но он меня душит. Вот так крёстная! Люди не понимают, какой тяжеленный крест кладут на свои плечи, становясь крёстными родителями. Ты ещё своего ребёнка в вере не вырастил, а уже за чужого отвечать берёшься. Осилить? Если не будешь хотя бы молиться за крестника, то придёт время и ответишь за необдуманные слова. Тебя же никто насильно не заставляет крёстным становиться... Обещать Богу, а потом заведомо не исполнять обещанного - зачем? Иногда в качестве крёстных приглашают католиков, а то и мусульман. Спрашиваю: - Разве станет католик учить вашего сына православию, и уж тем более мусульманин? - Батюшка, это мой деловой партнёр, мне с ним для бизнеса хорошо бы породниться, - и копеечку пытается незаметно сунуть. А однажды, приводят на крещение крестного папу. Молодой человек в шортах, в несвежей майке и сандалетах на босу ногу. Правда, на шею соответствующая цепь и золотой крест - чуть меньше моего наперстного! Спрашиваю родителей: - Что же, для такого ответственного момента вы никого приличнее не нашли? Крёстный услышал и взорвался. Ругается, и блатной распальцовкой у меня перед носом размахивает. Снова обращаюсь к родителям: - И вам, действительно, подходит такой крёстный? Те мне тихонько: - Батюшка, крести, у него денег куры не клюют. Понятно. Надо - берите. Я в таких случаях с родителями не спорю, зачем? Разве мне их переделать? Только обозлятся. Пускай жизнь учит... Порой люди не могут преодолеть себя и причащаться с одной ложечки со всеми. - Стану я со всех ртов заразу всякую собирать, - нечего, обойдёмся, мол... Я сам человек - по природе брезгливый, и никогда не стану в кафе или столовой есть из использованной кем-то тарелки и облизанной кем-то ложкой. Ругаться не стану, просто пойду и помою... А в храме причащаю всех одной ложечкой. И мало того, потом за всеми, всё то, что остаётся в чаше, потребляю после службы. Омываю сосуды и ложечку кипятком, и, опять-таки, всю эту воду не выливаю, а - в себя. Ничто, даже самая малая капелька святости, не должна пропасть! И если люди не представляют состояние здоровья тех, кто пришёл на причастие, то я его представляю очень хорошо. Сегодня путь человека в церковь всё больше лежит через болезни и страдания. Вот после всех больных и онкологией, и СПИДом, и гепатитами священник последним потребляет дары. И я не знаю ни одного случая, когда бы кто-нибудь из нас, священников и клириков - заболел. А если бы это было не так, всеобщие СЭС (санитарно-эпидемиологические станции) «размазали» бы в советские годы и последние наши храмы, когда искали любую зацепочку, чтобы найти предлог. И всё потому, что Святые Дары, имея земную природу, по освящению начинают подчиняться небесным законам, и всё то недоброе, что попадает от нас в Чашу, немедленно прекращает существовать! Часто людей заботит: - А как нам нужно одеться, идя на крещение. Всегда отвечаю: - Одевайтесь прилично, а уж как, - ну как сможете. Никогда не прогоняю женщин в штанах. Помню, разговорился с одной девушкой. А у неё, оказывается, в гардеробе юбки уже и нет, как таковой! Ничего, кто решит в храме остаться, тот со временем и юбочку себе пошьёт, а заставлять никого не нужно, Христос никогда не действовал через насилие (за редким исключением). Почему-то у нас распространена мысль, что в храме самое главное для женщины - иметь на голове платочек. Посмотришь, по лету заходят дачники, а вместо косынки покрывают темечко носовым платком. словно женская макушка для мужчины самое соблазнительное место. Встанет перед иконой такая красотка в миниюбке с платочком на головке, помолится, поклончик положит. А всем, сзади неё стоящим мужикам, куда глаза девать? Это только святые ничего не видят, а мы, грешные, всё замечаем... И вместо того, чтобы молиться, мужская половина начинает злиться... Покрыться для женщины - значит никак не обращать на себя внимания, тем более мужского, а не только головку чем-то прикрыть... Посмотрите, как на иконах изображаем Пресвятую Богородицу. Так в Её время одевались женщины: просто, и в то же время величественно... Иногда слышу такой вопрос: - Батюшка, как часто нужно в церковь на службы ходить, и достаточно ли будет придти раз в месяц, или, всё-таки, почаще заглядывать? Не знаю, что и ответить. Верующего человека всегда тянет в храм, ему без дома Божия невоготу... И, потом, день воскресный мы так и так должны начинать с молитвы в храме. Зачем? Да очень просто, ты после двух часов в храме уйдёшь в мир на целую неделю, и какой ты на самом деле христианин, проявится именно вне храмовых стен. В церкви мы все дружелюбны, радушны, улыбаемся и любим друг друга. А в миру мы такие, какие есть. Так вот, чтобы иметь силы быть христианином, нам и нужно надыхаться святости за эти два воскресных часа, иначе, где силёнок набраться? Женщина лет сорока плачет в храме: - С дочкой что-то происходит, как выписала себе паспорт на другое имя, так всё и началось. Дерзкая стала, непослушная, покуривает, домой вовремя не приходит. Батюшка, может, давай её перекрестим, может она вновь станет доброй и любящей девочкой? - Эх, мать, - думаю, - если бы всё было так просто, то мы бы наверно так и поступили... Только крестят человека один раз, а потом учат его быть Человеком, и начинают учёбу сразу же по рождению и без отрыва от маминой веры и маминой молитвы. Поговорили мы с ней, рассказал ей про то, что сейчас вам рассказываю. Посочувствовал матери: - Теперь мужества тебе, сил и любви к дочери, что бы преодолеть то, что сама же в ней и вырастила. - Батюшка, мне же никто об этом ничего никогда не рассказывал. Если бы я это тогда, сразу же по крещению знала, то и с дочкой у меня было бы сейчас всё по-другому! Вот я и рассказываю...

Чудеса

То, что Причастие поднимает человека с одра, в этом нет сомнений вообще! И как чудо такие примеры в рассказах вообще не выделяю... Чудом же для меня в этих историях является реакция человека на чудо исцеления... Тебя из могилы достали, а ты всё равно не веришь Богу. Вот где чудеса! Тетя Валя, моя бывшая соседка, всякий раз как ложилась в больничку, так и звала меня её причащать. Сама она в храм не ходила, не могла выстоять службу. Однажды, она, уже, будучи в зрелом возрасте, пришла в храм и простояла всю службу, не сходя с места. Подошвы ног у неё потом горели, и после этого она не смогла себя заставить ещё хотя бы раз придти на службу. «Разве можно объять необъятное»? Спрашивал я её тогда. В Церкви нельзя на «забег», рассчитанный длиной в целую жизнь, выбегать как на стометровку. Как и нельзя с ходу насकोком постичь Бога нашим поврежденным сердцем, и судить о Церкви пораженным страстями умом... В больницу, считала тетя Валя, батюшка уже сам обязан идти. Каждый год тяжелейший бронхит укладывал её на больничную койку, и всякий раз, только причащаясь Святых Христовых Таин, она возвращалась к жизни. Так было несколько лет подряд, раза 3-4 точно, а в итоге подвело сердечко, прямо на Благовещение... В одно из таких посещений захватил с собой лишнюю частичку запасных даров. Спрашиваю медсестру: «Нет ли у вас кого-нибудь безнадежно больного, но только, чтобы в разуме был человек»? Думаю: «Всё равно мне потом его отпевать, может, кого и подготовить получится». С этим делом у нас в больнице плохо, не хотят люди уходить из жизни по-христиански. Откладывают исповедь и причастие на такое "потом", что мне остаётся только руками разводиться. Боятся батюшку пригласить, примета, мол, плохая. Если пригласишь, - помрёшь, а без него, так может и выкарабкаешься, а с попом - ты уже точно не жилец на этом свете! Иногда слышишь, отказ причащаться мотивируется тем, что брезгуем, мол, с одной ложечки. Старенькая бабушка, годов за 80, болеет онкологией, страдает от водянки, разлагается уже при жизни. «Мать, давай батюшку пригласим, покаяться тебе нужно, святыню принять». «Нет», отвечает, «брезгую я, из одной ложки». А то, что это тобой нужно брезговать, до ума человека не доходит. Провели меня в палату. В ней отдельно, чтобы видимо, не смущать других больных, тихо умирал человек. Женщина. Звали её, помню, Нина. Взгляд безучастный ко всему, голос еле слышен. Сестра говорит мне: «У неё пролежни уже до костей». Я потом видел их, Нина сама мне показывала. Сзади от копчика до поясницы, и на пятках, словно полосы из широкого офицерского ремня. Поскольку человек угасал, то ничего у неё не было развлекающего: ни газет, ни книжек, ни телевизора не было, не было и обычных в таких местах маленьких иконочек на тумбочке. Я спросил разрешения присесть рядом и спросил Нину: «Вы верите в Христа»? Она сказала, что много слышала о Нём, но конкретно не знает. Я рассказывал ей о Христе, о Его любви к человеку, о Церкви, которую Он основал, и за которую умер. Она внимательно слушала меня, и когда я спросил её, не хочет ли она принять Святое Причастие (а тянуть с предложением было нельзя, никто не знал: доживёт ли она до завтрашнего дня?), - Нина согласилась. Она действительно принесла покаяние (как смогла, конечно) и причастилась. Перед причастием я предупредил её, что Бог волен оставить её на земле, но она должна обещать Ему, что оставшаяся часть её жизни пройдёт в храме. Нина обещала, если выживет, то будет жить совсем другой жизнью, и заплакала... Потом я приходил к ней ещё раз, принес Евангелие. Когда вошёл в палату, то увидел Нину стоящей у окна. Удивительно, но после Причастия её состояние совершенным образом изменилось. Она внезапно и резко пошло на поправку, ей осталось только удалить пролежни и выписаться домой. Наши медики не могли объяснить причину столь непонятного выздоровления фактически обречённого на смерть человека. На их глазах произошло настоящее чудо. С тех пор я встречал Нину несколько раз в посёлке, и ни разу в храме... Я напоминал ей о её обещании перед Причастием, но она всякий раз находила причину, почему она до сих пор не нашла времени даже просто зайти в храм. Почти год она докладывала мне о своих успехах на даче: «У меня трое мужиков, батюшка, мне их всех кормить нужно, вот и тружусь, не покладая рук!» Где бы не происходила наша встреча, Нина всегда бурно приветствовала меня. Обнимала и целовала у всех на виду, что, понятное дело, было неправильно (так приветствовать священника), но я не показывал виду, - для того, чтобы напомнить о её словах, данных Богу на смертном одре. «Неужели ты не понимаешь, что если не исполнишь своё обещание, то умрешь»? Нина на мои слова всегда как-то легко отшучивалась, пока, уже поздней осенью, после окончания всех сельхоз работ, она не сказала мне жестко и определенно: «Я никогда не приду к тебе в храм. Неужели ты этого до сих пор не понял? Я не верю, ни тебе, ни в твоего Христа!» Не знаю, как сейчас живёт Нина, и живёт ли она вообще. Но я больше не встречал её в поселке. Никогда больше после тех слов не встречал... * * * А недавно друзья привезли в храм одну мою старую знакомую, назову её Надеждой. Мы пересекались с ней года три назад... Надежда по-человечески очень несчастна. В своё время болезнь истончила её кости, и практически каждое падение приводило к какому-нибудь перелому. А потом ещё и онкология, в довершении всех её бед. Муж её к этому времени уже умер, детей не нажили, да и родственников практически никого не осталось. Надежда была обречена на одинокую и мучительную кончину, если бы на её пути не появился гастарбайтер из Узбекистана по имени Камил. Не понимаю, что могло привлечь Камилу в Надежде, но сам он, будучи человеком немолодым и одиноким, взял на себя заботу об этой женщине. Камил я знал хорошо, он целый сезон отработал у нас на ремонте колокольни. И не видел я в нём тогда тех качеств, о которых узнал потом. Так вот, именно Камил заявил Надежде о необходимости пригласить к ней на дом «отца», так меня называли наши строители узбеки. «Отец помолится, и тебе станет легче», - убеждал он Надежду. - «Нужно молиться, Надя. Я буду молить Аллаха, а ты молись Христу, и Он тебе обязательно поможет!» Надежда мне потом рассказывала, как Камил убеждал её начать молиться, и как ей было трудно преодолеть своё неверие и решиться на разговор со священником. Прежде она никому и ни во что не верила, зализывала в одиночестве свои раны и готовилась умирать. Всё в её жизни было жёстко и определённо, а тут какая-то

ирреальность... Друзья привезли меня в дом к Надежде. Она знала, что я буду предлагать ей принять Причастие, а для этого ей нужно было, хотя бы, не курить с утра, но она, конечно же, выкурила пару сигарет. Помню, как суетился Камил, как он был рад принимать «отца» в качестве гостя в своём доме. Надежда лежала в постели с переломанной на то время ногой. На удивление легко мы нашли с ней общий язык. Она всю жизнь работала простым маляром на стройках, а я десять лет рабочим - на железной дороге. Это обстоятельство нас, наверно, и сблизило. Она думала, увидит перед собой что-то из другого мира, а пришел такой же работяга, как и она сама, и нам было о чём поговорить! Я рассказывал ей о Христе и Его страданиях, а она мне о своих болячках и болях. В конце концов, я услышал от неё то, чего ждал. Она сказала, что хотела бы верить Христу, и, наверно, даже бы стала христианкой, но не судьба. «Надежда», ответил я ей тогда, «если ты действительно Ему поверишь, то Он может сохранить тебе жизнь и поставить на ноги. Но потом, ты уже не выйдешь из храма. Если ты на это твёрдо решишься, всё так и произойдёт». И она обещала... Удивительное дело, но думаю, что по вере мусульманина-гастарбайтера, Надежда исцелилась. Её кости, словно цементным раствором, налились, нога немедленно срослась, и женщина впервые за несколько лет вышла из дома без костылей. Дальше - больше: её сняли с учёта, как онкобольную. Она ходила по городу, делала визиты друзьям, но так и не нашла времени приехать в наш храм, и даже больше. Прошло больше года, а она ни разу не зашла в храм, что стоит рядом с её домом. Чудеса... Чем можно объяснить такую неблагодарность тому, Кто только что, так волшебным образом - дал тебе ещё пожить на нашей земле? Понятное дело, не для просмотра телевизора с его безконечными сериалами, и прочей ерунды, а на покаяние! Я знал по опыту, что её болезнь вернётся. И вновь больничная койка, кучи лекарств, спасибо, что хоть Камил не оставляет, вот уже 10 лет живут вместе. И вот на первой неделе Великого Поста её привезли к нам на службу. Снова мы разговаривали с Надеждой о грехе, снова готовил её к Причастию. Она знала, что будет причащаться, знала, что ей нужно, ну хотя бы утром воздержаться от курения, но она, конечно же, накурилась, как я с сожалением и предполагал. Тем не менее, я допустил её к Причастию, потому что, может больше у неё и не будет такой возможности - побывать в храме. Причащал и думал, а вдруг Господь даст ей ещё один шанс? Кто знает, но я в этом почему-то сомневаюсь...

Жертвоприношение

Мой приятель Серёга работал у нас на станции в путевой бригаде. И ходил точно так же, как и остальные работяги, в грязном оранжевом жилете, вечно засаленном машинной отработкой или перепачканным вонючим кузбаслаком. Правда, в отличие от других, Серёга никогда не раздражался и не заводил разговоров про зарплату, а ещё он был верующим. Мой товарищ не просто заходил по обычаю в церковь свечку поставить, а верил глубоко и как-то по-детски искренне. Мне всегда интересно, почему человек начинает верить, тем более, если это мужчина. Сегодня вижу мужчину на службе, особенно молодого, и понимаю, что пришёл он не просто так. Представляю, какую огромную мыслительную работу проделал, чтобы, в конце концов, решиться стать христианином. Для нас обычна именно такой путь к Богу - через разум, это женщина принимает решение сердцем, чутьём, интуицией. Мужчина - головой. Спросите верующего человека, почему он пришёл в храм, представитель сильного пола, скорее всего, пустится в пространные рассуждения, а женщина просто пожмёт плечами. Я не говорю, что путеец Серёга не способен на сложный мыслительный процесс - ещё как способен! - но чтобы иметь такую живую веру как у него, мало одной только работы мысли, нужен ещё и опыт живой встречи. Уже потом, после того, как мы с ним подружились, мой товарищ рассказал, что ещё в шестилетнем возрасте он однажды услышал голос. Просто голос, сам по себе, без всякого рядом присутствующего человека. Скорее всего, голос звучал у него в голове. Ребёнку бы испугаться, но он не испугался, а вступил с ним в диалог, и этот диалог продолжался у них несколько десятилетий, до той поры пока Серёга ни пришёл в храм. Кому принадлежал этот голос? Возможно ангелу хранителю, который и привёл мальчика к вере, а может, искусителю, вынужденному замолчать, потому что человек пришёл к вере. Попробуй тут разберись. Можно предположить, что ребёнок внезапно заболел, и эти беседы списать на какую-нибудь форму шизофрении, но только голос часто рассказывал мальчику, что ждёт его в будущем, показывал людей, которые потом сыграют в его жизни важную роль. Малыш даже выпросил у хозяина голоса, чтобы тот помог ему выиграть автомобиль в денежно-вещевую лотерею. И тот согласился. Поэтому Серёга знал заранее, в какой день и в каком году ему следует придти в нужное отделение связи, чтобы купить билет, который принесёт ему главный выигрыш. А однажды, будучи подростком лет двенадцати, он неожиданно услышал: - Хочешь увидеть свою будущую жену? Станный вопрос, кто же этого не хочет? - Тогда смотри, - продолжил голос, - вон она, прыгает через верёвочку. «Помню свою первую реакцию: - За что, Господи?» - рассказывал он. Мальчик, сам не понимая почему, именно так обращался к голосу. - Мы же такие бедные, несчастные. Живём шестером в одной комнате. Я так надеялся, что хоть жена у меня будет богатенькой, и хоть немножко красивой. А эта, Ты посмотри на неё, Господи, она такая же бедная, как и мы. Ручки, ножки тоненькие, словно ниточки, рыжая, вся в канапушках. Не надо мне такой жены, Господи, дай кого получше! «Правда, вскоре я напрочь забыл об этой встрече и ту рыжую девчонку в прохудившихся сандаликах. Наш городок совсем маленький, и я, будучи предупреждённым, наверняка бы сделал всё, только бы наши пути в дальнейшем не пересекались. Но тогда не случилось бы того, что должно было произойти. Как-то уже накануне нашей свадьбы мне в руки случайно попал семейный альбом моей невесты. Помню, сижу, листаю, и вдруг меня, словно ошпарило, вот же она та маленькая девочка из моего детства в канапушках и порванных сандаликах. Я всё вспомнил и ту нашу с ней встречу, и тогдашний разговор с голосом». - Серёжа, а в церковь ты как пришёл? Расскажи. - Ты понимаешь, это произошло так быстро и необъяснимо чудесным

образом, что я даже ни с кем об этом не делюсь. Боюсь, ты мне, просто не поверишь, – а потом предложил: - Знаешь, если это тебе действительно интересно, то в ближайшие выходные мы с женой будем рады видеть тебя у нас дома, Надежда сама всё и расскажет. Так впервые я оказался в их городе. Зашёл в большой, тогда ещё восстанавливающийся храм, там и познакомил меня Сергей с его Надеждой. Пишу и представляю себе её смеющиеся голубые глаза на лице, густо усеянном веснушками. А после службы мы вместе отправились к ним домой. И уже за обеденным столом я услышал удивительную историю. - Серёжу я знала задолго до замужества. Он тогда уже был взрослым, а на меня, малышку, внимания не обращал. Всюду они появлялись вдвоём со своим братом Костиком. Оба невысокие, но крепко сбитые спортивные ребята, несколько лет занимались боксом, Серёжка, тот вообще мастер спорта. У них на двоих был один мотоцикл. Любили они подъехать к открытой танцплощадке, и как бы невзначай затеять с кем-нибудь ссору. Вставали спиной к спине и дрались, невзирая на число противников. Потом Серёжа ушел в армию, за ним Костя. После службы ребята посерьезнели, остепенились. Тогда мы и познакомились, а вскоре Сергей сделал мне предложение. Он мне нравился, смелый надёжный парень, без вредных привычек. Одно смущало: мне всегда казалось, что мой жених, как бы это сказать, человек несколько жёсткий. А уж когда мы поженились, поняла, что Серёжа не просто жёсткий, а жестокий. Не помню, что бы он меня когда-нибудь пожалел, проявил внимание, или просто приласкал. Даже когда беременная была, детей носила, даже тогда. Родилось двое деток, а он и с ними так же, по-солдатски, орёт на них, руку поднимает. Я уже не знала, что и делать. Стала в постели от него отворачиваться, так он с вьетнамками связался. Их тогда много из самого Вьетнама к нам на ткацкую фабрику прислали. И главное, одних только девушек, без парней. Вот и были они доступные, а нашим мужикам всё в диковинку. Мой Серёжа стал к ним ходить. Утром домой заявится, и давай рассказывать, с кем он мне изменяет. Спокойно так, даже, вот на столечко, – показала мне пальчиками, – не смущаясь. Ладно, если бы пил, можно было бы всё на водку списать, так он же спортсмен, абсолютный трезвенник. Вспоминаю то время, как мне было тяжело, родители уже умерли, и поплакаться ни к кому не пойдёшь. Тогда я впервые попала в нашу церковь. Она ещё только – только начала восстанавливаться, но службы уже шли. Познакомилась с прихожанами, а потом и с батюшкой. Научили они меня молиться, Евангелие читать, детей на причастие приводила, только Серёжа мой всё крутил пальцем у виска, мол, совсем я уже рехнулась. А мне хорошо, может, только там и было. Время шло, а дома совсем житья не стало. Он не скандалил, нет, просто иногда молча зажмёт меня в каком-нибудь в углу и смотрит испытующим взглядом, и, наконец, однажды ударил головой мне в лицо. А когда ударил, то, всё. Поняла я дальше так жить невозможно. На что уж у нас соседи народ незаметный, так и те мне в один голос советуют: - Надежда, бросай его и уходи, убьёт тебя этот злыдень. - Сама боюсь, а куда идти, ещё и с детьми? Да и человек-то он был ну, не совсем уж плохой, ведь не пил, и для детей старался. Однажды прихожу в церковь на вечернюю службу, стою и чувствую, всё, не могу я так больше. Не знаю как оказалась у иконы Пресвятой, стала на колени и молюсь. Слёзы льются, а я не замечаю, только кричу Ей безмолвным криком: «Матушка, дорогая, помоги, сил больше нет! Столько времени молюсь о своём Сергее, а он только хуже становится. Забери меня, Матушка, я человек верующий и знаю, у Тебя там хорошо, мне туда хочется, где любят. И ещё, чтобы Серёженька мой стал добрым, он же неплохой человек, Матушка, помилуй его. Я согласна умереть, только пускай он изменится. Жизнь за жизнь, Матушка!» Всё это время, пока Надежда рассказывала мне их историю, Сергей сидел молча, обхватив голову руками. А потом продолжил: - И ты понимаешь, я вдруг почувствовал, что-то со мной происходит. Будто взял меня кто-то, словно кусок теста, в свои большие ладони, и давай месить. Чувствую, другим становлюсь, слышать стал то, что раньше не слышал, запахи новые появились, и главное, вот здесь, – показывает глазами на сердце, – будто плотину подмывает. Я же ничего тогда не знал о её просьбе к Пресвятой Богородице, что условилась она за меня свою жизнь отдать. Вечером иду домой, прохожу мимо церкви, и чего-то вдруг подумалось, зайду, свечку, может, поставлю. В храме покойно, молящихся совсем немного, тихо поют на клиросе. Взял свечу, решаю к какой иконе подойти, и взгляд упал на образ Пресвятой, тот самый, возле которого всегда молилась моя Надюша. Подошёл, перекрестился и думаю, что бы такое сказать, ведь возле иконы как-то принято молиться. И тут-то плотину окончательно прорвало. Не знаю, как это можно описать только в одну секунду увидел себя таким, какой есть на самом деле. Я ведь до этого считал себя неплохим человеком, а увидел и ужаснулся. Сколько же я горя приношу, и самое главное, своей семье. Стою у иконы глотаю слёзы, и ничего не могу с собою поделать, хорошо, что темно было, и никто меня не видел. Домой прихожу, встречает меня моя половинка, в глазах привычный страх, что наору сейчас или ударю. Упал перед ней на колени, словно перед иконой, и снова заплакал, а она мою голову к себе прижимает и тоже плачет, так мы с ней и стояли. - Утром, – продолжает Надежда, – я пошла в церковь. Подошла к Пресвятой, благодарю Её и говорю: «Я согласна, Матушка, как условились, жизнь – за жизнь». Смотрю на лик, а глаза у Неё улыбаются, никогда такими я их больше не видела. Не приняла Она мою жертву, а помощь помогла. С тех пор Серёжа совершенно изменился, это же другой человек. У него радость в глазах появилась, молиться стал, в храм ходит. Батюшке теперь в алтаре помогает. Удивительная история. Порою жизнь так человека закрутит, в такое положение поставит, что слетает с него всякая наносная шелуха, обнажая подлинное человеческое. И всё в одночасье становится на свои места. Это как во время атаки, поднялся солдат, пошёл на пули и победил. Или не нашёл в себе мужества встать во весь рост предал близких своих и умер от подлости и страха. С Верой, смуглой симпатичной женщиной лет сорока, мы раньше уже были знакомы, когда в субботу вечером увидел её стоящей ко мне в очереди на исповедь. Я знал, что она работала отделочницей в строительной фирме, только прежде никогда не замечал, что у неё такие большие глаза, большие и блестящие. И только когда она подошла к аналою, стало понятно, что этот блеск от непрерывно набухающих слёз. – Верочка, что случилось? И женщина, уже не имея сил сдержаться, заплакала в голос: – Батюшка, у меня всё очень плохо, очень. Велено в понедельник немедля лечь

на операцию, а надежды на выздоровление почти нет. - Ты только не отчаивайся, раз врачи от тебя не отказываются, значит, надежда ещё есть. Положись на волю Божию и молись. Раньше когда-нибудь была на исповеди? Нет? Тогда давай поговорим о заповедях, а завтра ты приедешь на причастие и после службы я сразу же тебя пособорую. А потом почему-то спросил: - Вы с мужем венчаны? Нет? Тогда я вас обязательно обвенчаю. Когда? А вот как выздоровеешь, так и обвенчаю. И не смотри на меня так, если я обещаю, значит делаю. Зачем я ей это сказал? Наверное, просто чтобы, приободрить. Потом она приезжала уже после операции, ей предстояло пройти длительный курс химиотерапии. Я видел, что Вера ухватилась за причастие, словно за спасительную соломинку. В течение короткого срока реабилитации она успела раза три подойти к чаше. Исповедовалась, причащалась и потом долго ещё продолжала стоять возле образа целителя Пантелеимона. Спустя ещё какое-то время, недели может через две, подхожу к храму и вижу, сидит женщина на лавочке. И прошёл бы мимо, но та меня окликнула, и только после этого, приглядевшись, я с трудом узнал в ней Веру. Судя по внешним чертам, это была она, но только очень измученная и внезапно постаревшая лет на двадцать, в платочке, прикрывавшим совершенно лысую голову. Я помог ей подняться, и мы пошли в храм. И уже там, пытаюсь улыбнуться, она сказала: - Батюшка, видимо ты ошибся тогда, пообещав обвенчать нас с мужем. Не выдержу я лечения, лучше уж сразу умереть. Мне всё равно, и нет никакого страха. Я верю в Бога, и знаю, Он там меня встретит, я готова к этой встрече. Только одно меня тревожит, мой муж. Представляешь, что он сказал? «Если ты умрёшь, я тоже уйду. Дети выросли, обойдутся и без нас». Думала, просто пугает, мужики народ капризный, а на днях у него сердце так прихватило, пришлось скорую вызывать. Кардиолог его смотрел, говорит, дело очень серьёзное, и жить ему с таким сердцем осталось месяца три. А он, словно, и рад. Что же делать, батюшка, как детей одних оставлять? - Ты можешь попросить его приехать ко мне? - Да он постоянно со мной приезжает, он же таксист. Я в храм иду, а он никак. Сидит в машине один. Не созрел, говорит, а я знаю, сидит там и места себе не находит. Уж лучше бы вовсе не ездил. - А если я сам к нему подойду? - Нет, лучше не надо, а то напугается, вообще замкнётся. Разговариваем с Верой, а я всё думаю, что же делать, как им помочь? Как заставить её надеяться, поверить в исцеление? И вспоминаю моего давнего приятеля Серёгу и его Надежду, однажды в момент отчаяния, решившую в обмен на спасение мужа предложить Небу собственную жизнь. - Вера, я знаю, что нужно делать. Жертва нужна, понимаешь, подвиг. Да, тебе очень тяжело, не хочется жить, вообще ничего не хочется, умереть бы и только. Но если умрёшь ты, умрёт и он. Жизнь за жизнь, Верочка. Значит, делаем так, служим молебен святителю Луке Крымскому, мы как раз собираемся в его честь строить у нас в посёлке большую часовню. И ты обещаешь, что будешь бороться за свою жизнь, чего бы тебе этого не стоило, пройдёшь через все муки, а в обмен будем просить Господа сохранить жизнь твоему мужу. Согласна? Я видел, как ей было тяжело решиться. Ведь это же очень трудно, смирившись с мыслью о смерти, и приняв решение прекратить лечение, вновь возвращаться в больницу и проходить оставшиеся семь курсов химиотерапии. Ещё семь раз умирать и возвращаться к жизни, без всякой гарантии, что действительно встанешь и вернёшься к обычной человеческой жизни, к той самой, которую, будучи здоровыми, так часто не ценишь. Но это был единственный шанс спасти мужа и не оставить детей одних, и она согласилась. Мы помолились, я причастил её запасными дарами и проводил на выход. Уже у самой двери она обернулась ко мне: - Как ты думаешь, а, может, нам сейчас обвенчаться, пока ещё не поздно? Думаю, мне удастся его уговорить. Конечно, я венчал людей и перед самой их смертью, но ей почему-то отказал. - Вот выздоровеешь, и обвенчаю. Весь год я ежедневно поминал её на молитве, да и не только я один. Наши прихожане, зная историю Веры, радовались её очень редким, но таким знаменательным для всех нас приездам в церковь, переживали за них с мужем и тоже молились. Иногда она шла сама, порой её кто-то сопровождал. Всякий раз Вера брала из храма святую воду, дома пила и с её помощью приходила в себя после очередного приёма лекарств. Ей было очень тяжело, но она не сдавалась и всегда помнила наш уговор: жизнь за жизнь. И ещё, возвращаясь в те дни, я не помню, чтобы женщина плакала или как-то себя жалела. Когда, наконец, был завершён курс химиотерапии, приезжать она стала реже. Только однажды заехала попросить у меня «церковного вина» и я на радостях отдал ей бутылку массандровского кагора, берёт его на какой-то праздник. Я не заговаривал с ней о муже, понимал, если ему будет хуже, то мы об этом узнаем первыми. Просто продолжал молиться о них обоих, даже когда Вера практически исчезла из поля зрения и прекратила приходить в храм. По опыту уже знаешь, если человек перестаёт на тебя выходить, значит, ему стало лучше, и нет причин для беспокойства. Прошло ещё сколько-то времени, и, наконец, она объявилась. - Батюшка, уже два года, как я дала обещание. Помнишь, тогда, жизнь за жизнь? Так вот, вчера ездили в областную больницу, меня сняли с учёта как онкобольную. - Это прекрасное известие. А как твой муж? В ответ она снова улыбается: - Сейчас у него не подтверждается ни один прежний диагноз. Сердце как будто ему всего двадцать. Но тот знакомый кардиолог, сказал, если бы я умерла, его бы сердце остановилось. Такая вот между нами непонятная взаимосвязь. Слушал я Веру и не переставал удивляться. Вот две истории, казалось бы с абсолютно разными сюжетами. В одной из них человек соглашается умереть ради спасения мужа, в другой, наоборот, - соглашается жить. А итог один и тот же, люди приходят к Богу, спасая не только тело, но и душу. - Ты снова одна, где твой таксист? Он что, всё ещё «дозревает»? Вера уже смеётся: - Батюшка, мой «Фома неверующий» начал молиться, правда, при мне ещё немного смущается, говорит, что научился этому, когда сидел и ждал меня возле храма. Сначала просто сидел и горевал, а потом от безвыходности попробовал обо мне молиться. Кстати, вот и он, - она повернулась в его сторону. Мужчина тут же подошёл к нам. - Батюшка, - продолжила Вера, - во-первых, мы приехали узнать, как обстоят дела со строительством часовни святителю Луке? - Стены уже стоят, на следующий год планируем отделывать. - Шпатлёвка и покраска за мной. - Договорились. - А, во-вторых, хочу напомнить ещё об одном нашем уговоре. Я выздоровела, и своё обещание исполнила, теперь очередь за тобой. Сперва я не сообразил, чего она от меня хочет,

но Вера продолжила: - У нас скоро серебряная свадьба, и мы хотим, наконец, повенчаться. Она смотрела на мужа, а тот на неё. И я убедился, что от радости тоже плачут, даже самые сильные люди, и вовсе не факт, что только женщины.

Иван

Помню, как он впервые пришел к нам в храм: такой забавный мужичок-лесовичок. Небольшого роста, полный. Робко подошел ко мне и попросил поговорить с ним. Сказал, что тяжело болен, и жить ему осталось недолго. «Если сделать операцию, врачи говорят, проживу еще шесть месяцев, а если не сделать, то полгода», невесело пошутил он. «За свои 66 лет, я как-то никогда не задумывался ни о жизни, ни о смерти, а вот сейчас хочешь, не хочешь, а нужно готовиться. Помоги мне, батюшка!». Он стал часто приходить на службы, читал Евангелие. Регулярно причащался, но одного я никак не мог от него добиться. Очень уж мне хотелось, чтобы он покался. Не так, как часто говорят люди, приходя на исповедь. «Грешен». Спросишь: «В чем». Ответ: «Во всем». И молчок, «зубы на крючок». И как ты его не раскачивай, – ну не видит человек в себе греха, хоть ты его палкой бей. Мы каждый день молимся молитвами святых. А они себя самыми грешными считали. Читаешь: «Я хуже всех людей». Думаешь: «Что, даже хуже моих соседей»? Не понимаем, что чем выше поднимается в духовном плане человек, тем больше ему открывается его несовершенство, греховность природы. Это как взять листок белой бумаги и поднести его к источнику света. С виду листок весь белый, а в свете чего только не увидишь: и вкрапления какие-то, палочки. Вот и человек, чем ближе к Христу, тем больше видит себя дрянью. Никак я не мог этой мысли Ивану донести. Нет у него грехов, и все тут. Вроде искренний человек, старается, молится, а ничего в себе увидеть не может. Долго мы с ним боролись, может, и дальше бы продолжали, да срок поджимал. Начались у Ивана боли. Стал он в храм приходить реже. По человечески мне его было жалко, но ничего не поделаешь. Бог его больше моего пожалел, – дал такую язву в плоть. Неужто было бы хорошо, если бы он умер внезапно, – во сне, например? Пришел из пивной, или гаража, лег подремать – и не проснулся. Болезнь дана была Ивану во спасение, и мы обязаны были успеть. Однажды звонок: «Батюшка, Иван разум потерял. Можно его еще хоть разочек причастить»? Всякий раз после причастия ему становилось легче. Поехали в его деревеньку. Дом их стоит на отшибе, метров за сто от всех остальных. Захожу и вижу Ивана. Сидит Иван на кровати, он уже не мог вставать, доволен жизнью, улыбается. Увидел меня, обрадовался, а потом задумался и спрашивает: «А ты как попал сюда? Ведь тебя же здесь не было». Оказывается метастазы, проникнув в головной мозг и нарушив органику, вернули его сознание по времени лет на тридцать назад: Он сидел у себя на кровати, а вокруг него шумел своей жизнью большой сибирский город, в котором он когда-то жил. Он видел себя на зеленом газоне в самом его центре, кругом неслись и гудели машины, сновал поток людей. Все были заняты своим делом, и никто не обращал внимания на Ивана. И вдруг он увидел напротив себя на этом же газоне священника, к которому он подойдет только через тридцать лет: «Неужели и ты был тогда в моей жизни»? Я решил немного подыграть ему и сказал: «Да, я всегда был рядом. А сейчас давай будем собороваться, и я тебя причащу». Он охотно согласился. За эти полгода Иван полюбил молиться. Через два дня, утром в воскресенье перед самой Литургией я увидел его, входящим в храм. Он был в полном разуме, шел ко мне и улыбался: «Батюшка, я все понял, я понял, чего ты от меня добиваешься». И я, наконец, услышал исповедь, настоящую, ту самую, которую так ждал. Я его разрешил, он смог еще быть на службе, причастился, и только после этого уехал. Перед тем, как уехать, он сказал: «Приди ко мне, когда буду умирать». Я обещал. Наверное, через день мне позвонила его дочь: – Вы просили сообщить, – отец умирает. Он периодически теряет сознание. Я вошел к нему в комнату. Иван лежал на спине и тихо стонал. Его голова раскалывалась от боли. Я сел рядом с ним и тихонько позвал: – Иван, ты слышишь меня? Это я. Я пришел к тебе, как обещал. Если ты меня слышишь, открой глаза. Он открыл глаза, уже мутные от боли, посмотрел на меня и улыбнулся. Не знаю, видел он меня или нет? Может, по голосу узнал. Улыбнувшись в ответ, я сказал ему: – Иван, сейчас ты причастишься, в последний раз. Сможешь? Он закрыл глаза в знак согласия. Я его причастил и умирающий ушел в забвение. Уже потом его вдова сказала мне по телефону, что Иван пред кончиной пришел в себя. «У меня ничего не болит», сказал он, улыбнулся и почил. Отпевал я его на дому, в той комнате, где он и умер. Почему-то на отпевании никого не было. Видимо время было неудобное. Когда пришел отпевать, посмотрел на лицо Ивана, и остановился в изумлении: Вместо добродушного простоватого мужичка-лесовичка, в гробу лежал древний римлянин, и не просто римлянин, а римский патриций. Лицо изменилось и превратилось в Лик. Словно на привычных узнаваемых чертах лица, проступило новое внутреннее состояние его души. Мы успели, Иван... О, великая тайна смерти, одновременно и пугающая, и завораживающая. Она все расставляет по своим местам. То, что еще вчера казалось таким важным и нужным, оказывается не имеющим никакой цены, а на то, что прежде и внимания не обращали, становится во главу угла всего нашего бытия – и прошлого и будущего. Не нужно плакать об умерших, дело сделано, жизнь прожита. Нужно жалеть живых, пока есть время. А оно обманчиво, течет незаметно, и заканчивается внезапно. Там времени нет, там – вечность. Родственники Ивана почти не заходят в храм. Никто не заказывает в его память панихид и поминальных служб. Но я поминаю его и без них, потому что мы с ним за те полгода стали друзьями, а друзей просто так не бросают.

Подарок (Тренажёр для попов)

Этот рассказ – шутка! На самом деле, мы прислушиваемся к нашим матушкам и их советам в житейских делах. Без

хорошей матушки нет хорошего батюшки. Аксиома.... Иногда хочется посмеяться над собой, а отец Нафанаил – мой очень близкий друг и изумительного сердца человек. Таким образом я послал ему поклон! В дни Рождественских праздников ("Святок") ко мне приехал мой друг, отец Виктор. Я радуюсь его приездам еще и потому, что мы всегда находим общие темы для разговоров. Еще бы они не находились: мы все-таки земляки! А еще и потому, что батюшке частенько привозят гостинчики из Белоруссии. Сам он родился в селе, где его хорошо помнят, и поэтому ему порой перепадают разные деревенские вкусности. Иногда это полендвица (польское: филейная вырезка), иногда – домашняя колбаска, и неизменно – белорусское сало. О сале всякий белорус может говорить долго, содержательно и информативно. Он знает, как его нужно солить, сколько добавлять перца, и почему опасно экспериментировать с чесноком. Без заминки укажет, как долго сало должно выдерживаться в собственном соку или солевом растворе, и где его потом лучше хранить. Здесь нужен опыт. А разве не важна структура самого сала? Мы с моим другом предпочитаем брюшинную часть с мясными прожилочками, так называемый, "бекон". Такое сало имеет привкус вяленого мяса, но в сочетании с жирком всякий раз получается такая неповторяемая вкусовая гамма, что подлинный гурман смакует его так же, как вдыхает в себя винный букет настоящий дегустатор. Не подумайте, что мы с отцом Виктором обжоры! Нет, мы с ним – просто любители и знатоки этого продукта-деликатеса, и еще немножко – его поэты. Нам важен сам процесс дегустации, порой он напоминает мне японскую чайную церемонию. Разве на таких церемониях выпивают двухведерные самовары чая? – Нет, так учатся утончаться вкусом. Кто-то попытается обвинить нас с батюшкой в грехе ларингобесия (или гортанобесия, страсти гурманов – в отличие от чревобесия, быстрой набивки утробы по-полной, под завязку), но как объяснить строгому судье, что даже вкус простого черного хлеба, испеченного на родине и привезенного за тысячу километров, несомненно лучше вкуса такого же хлеба местной выпечки. Хлеб вроде будет тот же, но в привезенном с родины будет присутствовать почти уловимый запах твоего детства. Вот его-то и нужно определить, отделить и насладиться им. Моя юность мне давно уже неинтересна, а вот запахи и вкусы детства меня волнуют до сих пор... Конечно, сало – не ириски (которых много не съешь), и в случае плотного приема этого деликатеса обреченно обнаруживаешь, что в области живота начинают появляться предательские свидетельства твоего увлечения. Хотя почему многим, почти всем – нравятся худые изможденные лица и такие же тела? А знаете ли вы, что еще Юлий Цезарь не доверял худым и маленьким людям, вполне обосновано полагая их слишком честолюбивыми (а их худоба – есть свидетельство того, что огонь неудовлетворенного самолюбия сжигает их внутренности). Тщедушные и низкорослые люди почти всегда мечтают о власти – и поэтому, как правило, являются частыми участниками всевозможных заговоров. То ли дело люди, чьи фигуры пускай медленно, но верно стремятся к шарообразной форме. Скажу вам по секрету: таких не нужно бояться, ибо они удовлетворены собой, своим положением в обществе и обрели внутреннюю гармонию. Вспомним кстати, что еще древние греки говорили о шаре как об идеальной геометрической фигуре... Отец Виктор шумно поздравил меня с праздником и заговорщицки сообщил, что привез гостинчик. Я уже мысленно представил кусочек сала с мясными прожилочками, но вместо этого батюшка неожиданно вытащил из багажника своего обширного автомобиля спортивный тренажер фирмы "Кеттлер" ("Kettler" – это брэнд, известная немецкая фирма). После демонстрации немого восхищения, я, наконец, спросил у него о предназначении этого замечательного снаряда. Рассказывая о достоинствах тренажера, отец Виктор напоминал мне заправского менеджера по реализации спортивного инвентаря. Он сноровисто забрался на тренажер, и со знанием всех тонкостей его устройства рассказал и показал, как нужно правильно эксплуатировать эту недешевую заграничную штучку. – Но, самое главное, – заявил он, – добросовестный пользователь тренажера может в кратчайшие сроки вновь вернуться чуть ли не к юношеским формам. – Короче, – долой гиподинамию, вперед к спортивным вершинам! – такими словами мой друг закончил свой вдохновенный монолог. Слушая отца Виктора, я невольно сравнивал наши фигуры, и пришел к выводу, что тренажер, пожалуй, все-таки больше необходим ему, чем мне. И его подарок, в таком случае, – несомненная жертва с его стороны. Совесть стала обличать меня, и я возразил батюшке, что не могу бесконечно пользоваться его добротой, а столь замечательный тренажер нужен ему самому. И, наверное, мы бы еще долго препирались, если бы отец Виктор вдруг не заговорил умоляющим тоном: «Отченька, прошу тебя, забери ты его! Ведь скажу откровенно, – как только пришла эта штука в мой дом, – житья мне никакого не стало! Матушка, всякий раз видя меня сидящим или лежащим, начинает упрекать: мол, о твоём здоровье позаботились, такую замечательную вещь подарили, а ты к ней и не подходишь! Немедленно вставай, жми на педали, и сбрасывай лишние килограммы! Долго я все это терпел, а сегодня вернулся со службы пораньше, и, пока жены не было дома, забрал его и привез вот тебе». И я понял, что должен выручить друга. Мы затащили тренажер ко мне на пятый этаж и оставили его в прихожей. Через какое-то время домой пришла моя матушка и обнаружила подарок отца Виктора. И уже мне, в свою очередь, пришлось рассказывать ей о достоинствах столь замечательного приобретения. Матушка осталась довольна, все занялись своими делами, и я забыл о тренажере. Но вскоре моя половина напомнила мне о его существовании. Уже через несколько минут, мне пришлось протирать пыль со снаряда, которая скопилась на нем в доме отца Виктора, и на деле приступать к его освоению. Через несколько дней я стал обращать внимание на тот факт, что все то, о чем рассказывал мне мой друг (а именно – реакция его матушки на тренажер), стало происходить и в нашем доме. С тревогой я фиксировал те же самые слова упреков, о которых поведал мне батюшка. И понял я, что все это – симптомы одной и той же болезни, которая развивается у матушек, и которая явно связана с присутствием в доме тренажера. Нужно было на что-то решаться, и в случае необходимости – спасать свою матушку. И продумать пути отступления, а именно: куда девать снаряд, если уж совсем станет неможуту. Все-таки отец Виктор нашел не самый лучший вариант. Если уж даришь вещь, – то дари так, чтобы не было у принимающего дар нежелательных последствий. Я перебрал в уме всех своих знакомых отцов.

При нашем образе жизни почти все страдают гиподинамией, но за каждым из них маячит тень его верной подружки. Зачем же я буду нарушать покой в семьях друзей? И вот, после некоторых раздумий, спасительное решение было найдено. Когда станет совсем плохо, и болезненное отношение матушки к тренажеру достигнет своего апогея, я, пожалуй, подарю его игумену Нафанаилу, ибо: 1. Во-первых, аппарат ему уже давно нужен для приобретения юношеских форм. 2. А самое главное – он монах, и синдром раздражения матушки на присутствие снаряда в его келье ему не грозит! А пока, радуясь счастливо найденному решению, со спокойной душой за состояние здоровья своей супруги, я налег на педали замечательного спортивного тренажера фирмы "Кеттлер".

Новый год (О смерти)

Растил, одевал, учил детей и думал, наверное, что это самое главное. А этого мало, человек ведь не поросенок. Ведь это же самое основное: из человека вырастить человека, а не едока. Человек, кем бы он ни был, и чем бы он не занимался, всегда будет человеком... Новый год, 2 января, вечер. Иду на отпевание усопшего. А сам думаю, а куда ли я иду? Адрес специально на бумажку не записал, понадеялся, что запомню. Номера телефона тоже нет, подтвердить вызов мне никто не сможет. Так что приходится полагаться только на память, ну и на интуицию, разумеется. Пятый этаж, ни на входе в подъезд, ни возле квартиры никаких свидетельств о присутствии покойника. Хотя, сейчас это обычное дело. Боятся люди разных неожиданностей. Мне знакомый батюшка рассказывал: у них в городке люди не стали заносить домой крышку от гроба, и оставили её на ночь у входа в подъезд. А какие-то шутники решили позабавиться и утащили эту крышку. Утром хватились, а крышки нет. Что делать, где искать? Хоть плач. И тут звонок: это не вашу крышку несут наши факелоносцы? У них возле дороги ещё в советские годы поставили несколько таких привычных всем нам фигур. Как обычно, тётка с веслом, кто-то там с ядром, и бегущие факелоносцы. Несколько бегунов, все вместе, несущие один на всех горящий факел. Тётка с веслом и метатель ядра уже рассыпались и исчезли со своих постаментов, а бегуны всё ещё бегут. Вот туда, к факелоносцам эти клоуны и затащили крышку от гроба. Когда несчастные плакали и снимали крышку, вокруг памятника стояли и смеялись какие-то люди. Прежде чем позвонить в дверь прислушался, а вдруг я ошибся? Представьте себе картинку: вы весело, ничего не подозревая, отмечаете праздник "Новый год", а к вам вваливается батюшка в черной одежде и при этом совершенно трезвый: "Это у вас тут покойник?" Легко с ума можно сойти, да еще при нашей всеобщей мнительности и суеверии. Помню, это ещё в годы моей юности к нам в военный городок привезли из Афгана "Груз 200", причём перед самым Новым годом. У нас тогда молодой офицер погиб, снайпер застрелил. И непонятно: то ли, случайно он высунулся, то ли, из-за того письма, что про жену из дому получил. Причём, не знаю уж по чьей вине, но родителей о том, что сын погиб и его домой везут, заранее не предупредили. Те готовятся праздник праздновать, стол накрыли, шампанское охлаждать поставили. Слышат им в дверь звонят, думали, соседи поздравлять пришли. Открывают, а за дверями такая беда... Вот ведь как в жизни бывает... Прислушался, действительно за дверью поют, громкие радостные голоса. Точно ошибся. А что делать? Другого адреса у меня всё равно нет. Может рискнуть? Спрашивать ничего не буду, а только поздравлю народ, словно я "дед Мороз", и скажу: "Ой, простите люди добрые, ошибся", – а дальше стану действовать по обстановке. Звоню, открывают. Смотрю: из кухни в коридор тянется длинный стол за столом человек пятнадцать, все выпившие и довольные. Сразу видно, времени зря не теряют. Я выпаливаю заготовленную тираду, а мне в ответ под общий восторг: – Нет-нет, – не ошибся! Помогают раздеться и, протиснувшись между столом и стенкой, я иду в зал. Вхожу, действительно, в большой комнате в полнейшем одиночестве стоит на столе гроб, и в нём тело пожилого мужчины. Это дед и отец тем, кто в это время пьёт и веселился за дверью. Приглашаю народ помолиться, думаю: сейчас все встанут и пойдут, – но не тут-то было! Никто даже не шелохнулся, и уж тем более, не стал вставать. Только, как-то все поскущнели и враз замолчали. Веселье оборвалось, наступило тягостное молчание, и это на Новый-то год! И я почувствовал себя тем крокодилом, из детского стишка, который у детей солнышко отобрал. Родственники стали переглядываться между собой и о чём-то шептаться. А потом ко мне подошел молодой мужчина, ростом выше меня на голову с большими, и без сомнения, сильными руками. Он вежливо, но крепко обнял меня за плечи и попросил пройти с ним в другую комнату. Мы сели на диван, и тогда он спросил: – Батюшка, сколько тебе надо? Я его сперва не понял, но потом сообразил. Вопрос о пожертвовании за исполняемую требу всегда для меня неприятен, хотя служу уже давно. Как и во сколько можно оценить молитву? Для меня это всегда остается загадкой. Потому никогда не назначаю плату, а принимаю пожертвование, – и только в том случае, если меня об этом спрашивают. Как правило, все требы оформляются за свечным ящиком и не мною, но эти люди телефонным звонком вызвали священника на дом, и заранее в церковь не приходили, – оно и понятно – Новый год. Я сказал об обычной сумме пожертвования, принятого у нас в храме. Мужчина, видимо сын усопшего, достал внушительную пачку крупных купюр и отсчитал деньги: – Батюшка, вот здесь в два раза больше. И у меня к тебе просьба: – ты уж сам там чего придумай, только, пожалуйста, иди отсюда, не порти нам праздник... Я шел по улице и не знал, что мне делать, плакать или смеяться? Жалко было умершего старика. Еще не закопали, а уже забыли. Если ты не нужен даже самым близким тебе людям, то кому ты вообще нужен? Закопают, как старую ветшь и забудут. Никто за тебя никогда не помолится... Хотя, кого здесь винить? Скорее всего, сам и виноват: растил, одевал, учил детей и думал, наверное, что это самое главное. А этого мало, человек ведь не поросенок. Ведь это же самое основное: из человека вырастить человека, а не едока. Человек, кем бы он ни был, и чем бы он не занимался, всегда будет человеком, а едок, каких бы он жизненных высот не достиг, так никогда и не поднимется выше уровня едока.

Поминки

Чаще чем кому бы то ни было приходится входить в соприкосновение со смертью священнику. Конечно, можно указать на врачей, или работников ритуальных услуг, они то уж точно чаще нас соприкасаются с телом человеческим. Но я говорю о другом, о духовной стороне этого феномена в нашей жизни. Почему феномена? А потому, что человек бессмертен. Появляясь в мир он вовсе не собирается умирать, и, тем не менее, умирает, а в болезни и в глубокой немощи даже сам просит смерти. Мы все ее боимся, более того, человека, который искренне доказывал бы обратное, можно смело отдавать в руки психиатров. И, тем не менее, мы не можем обойти слов Христа: что смерти нет – и ее не нужно бояться. Знаете, Он вообще не обращает внимание на физическую смерть человека, но постоянно предупреждает нас об ответственности за вечность, и о страхе загубить эту вечность еще в нашей земной жизни. Более того, смею утверждать, что сродство с вечностью заложено в нас изначально, оно действует в нас независимо от нас. Только мы не знаем, что нам делать с этим призывом, а душа, как малое дитя, плачет, и мы ее пытаемся успокоить чем угодно, и как правило, суем пустышку, а не то, что ей нужно, – отсюда и страх. Помню, пришел в один дом на отпевание еще совсем нестарого мужчины. Народ уже собрался, все было готово к выносу тела, ждали только священника. Захожу и вижу такую картину: мать, жена усопшего и другие женщины (мужчины слабее женщин и поэтому бегут от запаха смерти подальше) сидят вокруг гроба и, не поверите, – вслух разгадывают кроссворд! Я оторопел, что за цинизм! Первым желанием было обличить и уйти, но удержался. Смотрю в лица этих женщин – а они аж черные от горя. И понял, что если бы они не нашли для себя хоть какого-то стороннего дела и остались бы со своей бедой один на один, то просто сошли бы с ума. Они не умели молиться, не знали о вечности, а значит думали, что потеряли любимого человека раз и на всегда!.. Потому соломинкой для них стала эта книжка с кроссвордами. Многое раньше не понимал. Помню при схожей ситуации, отпевал на кладбище летом человека, привезенного издалека. Понятное дело, в храме отпевать было невозможно. Дети покойного, а это были люди еще совсем молодые, плакали в голос, глядя на них, даже взрослые мужики украдкой смахивали слезу, и у меня, грешного, что-то в горле запершило. Однако вскоре, как по команде, это проявление чувств вдруг резко прекратилось. Дети усопшего по-открывали сумки и из них достали заранее заготовленную водку с закуской, и так же дружно как плакали, стали поминать. Вскоре зазвучали отвлеченные разговоры, а потом, слышу, даже кто-то стал смеяться. Помню, дочка покойного заправски отшвырнула пустую бутылку из под газировки в кучу с мусором... И с першащим горлом, похоже, остался только один батюшка... Через секунду я уже убежал от народа, хотя меня и предлагали подбросить до храма. Не мог физически оставаться с ними... Сейчас-то я понимаю, что люди маловерующие так прячут свой страх перед смертью, а тогда, грешен, не понял их, осудил. Больно уж страшно на все это смотреть со стороны...

Образ

За время своего служения я заметил, что даже если человек и не подозревает о своем предназначении, и живет порой нечисто, Образ Божий, все равно, в любой момент может в нём проявиться! * * * Главным делом для любого священника естественно является молитва. Это и молитва в храме, и молитва вне храма. Любая молитва освящает мир, делает его немного чище, спокойнее. Она освящает всю жизнь человеческую от рождения ее в мир до ухода из него. 1. Важно родиться в мир человеку физически здоровым, что бы иметь способность жить и реализовывать своё предназначение. 2. Важно быть готовым и к рождению в вечность. От того здорова ли душа, зависит ее пребывание в вечности. Нам, священникам, принципиально важно подготовить человека к этому рождению. Как повитухи помогают родиться в наш мир, мир учебы, малышу, так и мы священники такие же повитухи только при рождении души уже во взрослое подлинное бытие. Чаще всего люди не ценят жизнь временную, не думают о вечном. Поэтому мы, священники, обычно призываемся тогда, когда уже все кончено, и очередная попытка взлететь в небо, увы, завершилась падением. Как правило, силенок не хватает, не скопились за жизнь. Мы, люди верующие, часто касаемся этой темы потому, что она для нас не конец бытия человека, а напротив только ее начало. Как говорится, с твоим земным концом – все самое интересное для тебя только начинается. За время своего служения я заметил, что даже если человек и не подозревает о своем предназначении, и живет порой нечисто, Образ Божий, все равно, в любой момент может в нём проявиться. Иногда такое выражение присутствия в человеке Неба принимает совершенно неожиданный оборот. Об одном таком случае мне и хотелось бы рассказать. Несколько лет назад меня попросили совершить отпевание на дому. Умерла одна одинокая женщина, много лет проработала она кондуктором на рейсовом автобусе. Личная жизнь у неё не сложилась, не было любви, а женщине без любви, сами знаете – никак. Женщине семья нужна, надежный мужчина, и чтобы детей любил. Вы думаете, феминизм- это от того, что женщины нам мужикам что – то доказать хотят? Трактор им, видишь ли, хочется водить? Да нет, им детей хочется, семью хочется, а все от неустроенности, да еще и от душевной пустоты которую и начинают по нашей привычке заливать спиртным. А спиваются они куда быстрее нас, в этом мы действительно сильный пол. Прихожу к ней в дом, а на отпевании одни мужики, ни одной женщины, обычно всё бывает наоборот, а тут с десяток мужичков и все пьяненькие. Стоят покачиваются, но одеты хорошо, кое-кто даже в костюмах ещё из той, прошлой советской жизни. Обычно мужчины стараются улизнуть от присутствия на отпевании, всё у них дела какие то срочные находятся. А как выйдешь из дому, так вот их дела: под дверью у подъезда стоят курят. Боятся наш брат смерти и не хочет о ней даже думать, а потому, что тот страус, всё в землю от неё головой закопаться пытается. А эти никуда не бегут, даже странно, как-то. Повел молитву и вижу: через какое-то время подходит

один из них ко гробу и начинает вытворять что-то непонятное. Даже и описать это трудно: Гляжу, сперва он, широко раскинув руки, становится на одно колено, потом резко прыжком меняет коленку. Затем, всё так же оставаясь с расставленными руками, ложится на живот, потом переворачивается на спину и пытается ногами в ботинках хлопнуть так же, как хлопают в ладоши. Все это выглядело так неуместно и смешно, что мне пришлось приложить немислимые усилия, что бы не расхохотаться над гробом: "Ну, думаю, совсем свихнулся народец, чудит даже в таких обстоятельствах". Но на удивление, остальные зрители оставались спокойны, и ни тени улыбки не возникало на их лицах, даже напротив – улавливалось сочувствие. Короче говоря, этот акробат все время, пока шло отпевание, продолжал свои странные телодвижения, то они мне напоминали какой-то неуклюжий танец, то статические фигуры "на счет", какие любили представлять в тридцатые годы. Я не стал ему мешать, думаю – пьяный, не буду связываться. Уже уходя, и одеваясь в прохожей, я, все-таки, не утерпел, и спросил у одного из присутствовавших, что означали все эти кульбиты, если они, конечно, имели смысл? – Да у него, батюшка, видишь ли, чувства к ней были, – ответил мужчина, – а так он, ничего, мирный. Вот тебе раз, подумал я, получалось, что на моих глазах, этот пьянчужка исполнял танец, словно тот лебедь, который, потеряв подругу, поднимается, говорят, в небо и танцует, прежде, чем упав вниз, разбиться о землю. Танцевать он точно не умел, двигался как мог, повторяя то, что где-то раньше видел. Да и понимал ли он вообще что делает? Он не умел молиться, а что умел уже забыл, и остался только этот смешной танец... Танец неустроенной, несчастной и никому ненужной одинокой души, в которой в этот трагический для нее миг, под влиянием зазвучавшей молитвы – внезапно пробудился Образ.

Вечная музыка

«Подойди ко мне поближе, чтобы лучше слышать...» «Музыкант», Константин Никольский В то утро, отслужив молебен, я тут же принялся готовиться к отпеванию. Умер совсем ещё молодой учёный, недавно блистательно защитивший кандидатскую диссертацию. Болезнь проявилась год назад, как раз незадолго перед защитой. Городок у нас маленький, и о его беде люди сразу узнали и заговорили. Кто-то и меня просил молиться об этом молодом человеке, правда, прежде я не был с ним знаком, и в церкви никогда его не видел. Наши прихожане – народ всё больше простой, неискушённый, а людей учёных в храме редко встретишь. Зови – не зови, всё равно не приходят, но здесь случай особый. Смертельно опасная болезнь делает человека куда как сговорчивее, а по-настоящему неверующих на самом деле почти не бывает. Вот и передал я ему приглашение зайти в храм пообщаться со священником. И он пришёл. Вспоминаю его осунувшиеся плечи, блуждающий взгляд. Сам только-только узнав, что опасно болен, он никак не мог придти в себя и думать о чём-то ещё, кроме как о своей болезни. Чтобы спрятаться от этих мыслей, он каждый вечер напивался. И в тот день пришел выпивши... – Ты веришь в Бога? А о вечности когда-нибудь задумывался? – Я не могу думать ни о чём, кроме как о моей девушке, моей маме, моих друзьях. Не могу представить, что вот ещё пройдёт совсем немного времени, и от меня ничего не останется. Этот мир будет существовать, всё так же будет начинаться утро, идти дождь, а я исчезну, растворюсь в земле. Мне страшно, святой отец. Ты спрашиваешь о Боге, но Бог – это что-то такое, о чём начинают думать в старости, а я никогда не буду старым. Мы проговорили с ним около часа, и мне всё же удалось убедить его придти на воскресную службу и даже причаститься. Пришёл он спустя месяц после нашего разговора, немного успокоившись и смирившись с обстоятельствами. Исповедовался очень кратко, больше для проформы, раз по-другому никак нельзя подойти под причастие. Причастился один раз, а потом пропал, и больше у нас в храме не появлялся, но я продолжал о нём молиться. Вынимая частичку на Проскомидии, вспоминал ту нашу с ним единственную встречу, снова видел его затравленный взгляд и печаль в глазах, которая не покидала их до самой его кончины. Я знал, что молодой человек лечился и продолжал работать над диссертацией, отдаваясь работе всем своим существом. Наверно, уходя с головой в исследования, учёный забывал о своих собственных проблемах. Иногда мы случайно пересекались с ним на улице. Здороваясь, я всякий раз справлялся о его самочувствии и приглашал на службу. В ответ он улыбался и уверял меня, что у него всё замечательно. Почти никогда он не оставался один, кто-то обязательно был рядом, или его девушка, или кто-нибудь из родственников. Они тоже весело кивали мне головами, подтверждая, что у Юры всё хорошо, и что они обязательно придут за него помолиться, но никто так и не пришёл. После проведённого курса лечения на самом деле ход болезни только усугубился, а все в один голос заверяли, что ещё немного, и он обязательно поправится. Но больной понимал, что близкие лгут, потому что боятся, что в отчаянии он снова начнёт напиваться. И от этого всем станет только невыносимее. Он делал вид, что верит им, и тоже улыбался, глядя на меня своими серыми печальными глазами. Всякий раз, встречаясь с Юрой, я замечал, как молодой человек теряет в весе, его лицо становится всё меньше, но глаза остаются теми же, и казалось, что теперь они занимают уже пол-лица, и от этого печали в них только прибавлялось. Но однажды я встретил его рано-рано утром, когда спешил на Литургию. Он был один и шёл мне навстречу откуда-то со стороны леса. Мы остановились, и я почему-то сказал: – Если ты не придёшь, я больше не стану о тебе молиться. – Нет-нет, пожалуйста, не переставай, я обязательно приду. Действительно, он пришёл на Литургию этим же утром, только под самый её конец. Встал возле колонны у Царских врат и смотрит на меня. Я как раз причащал, а закончив, подозвал его и сказал: – Юра, подойди, хочу тебя причастить. Он с готовностью подошёл к чаше и сложил руки на груди. В тот момент мне показалось, что привычные печаль и страх, всё это время наполнявшие его глаза, отступили куда-то там далеко на второй план, а в них наконец появился покой. Хотя, возможно, мне это только показалось... Готовлюсь к отпеванию, расставляю на столике всё, для этого необходимое, и жду, когда привезут усопшего. Неожиданно за спиной слышу радостный женский голос: – Отец Александр, как хорошо, что я тебя застала! Поворачиваюсь, передо мной Ирина, старая моя

знакомица. Когда-то, очень давно, мы с ней даже немного дружили, потом наши пути разошлись, она вышла замуж и уехала в Москву. Узнав, что я стал священником, Ирина возобновила прежнее знакомство, иногда наезжая к нам всем своим семейством. Года три назад она почему-то пропала и перестала бывать у нас в храме, только иногда звонила и, ничего не объясняя, очень просила молиться о дочери. И вдруг такая неожиданная радость. Честное слово, в других обстоятельствах мы бы с ней не задумываясь и обнялись бы, и расцеловались, но в храме и "при кресте" - я не мог себе этого позволить. - Ну, наконец-то появилась, пропащая душа. Думал всё, обиделась за что-то на нас с матушкой и совсем не приезжает. Ирина смотрела на меня безконечно счастливыми глазами и радовалась вместе со мной: - Что ты батюшка, какие обиды. Просто всё последнее время я практически не отходила от дочери. Только сейчас, наконец, могу говорить об этом спокойно. А вообще, эти три года - самое чёрное время моей жизни. Ты же знаешь мою Полину. Умная порядочная девочка, с отличием окончила университет, вышла замуж. И словно гром среди ясного неба, приходит ко мне и объявляет: - Мама, я сделала анализ крови, мне ставят ВИЧ. Представь, что я пережила. В одно мгновение рухнуло счастье моей дочери. Выяснилось, что заболела от мужа, понятно, что жить с ним после этого она не могла и ушла. Ну, это ещё ладно, вокруг рушится множество семей и это не смертельно, но такая болезнь... Однажды в минуты отчаяния Полина попыталась с собой покончить. С того времени я от неё не отходила. Нужно было что-то делать, заставить дочь хоть немного отвлечься от мыслей о болезни, чем-то заполнить свободное время, и я предложила ей получить второе высшее образование. И ещё мы стали вместе ходить в церковь. Раньше я, если и молилась, то очень редко, даже приезжая к вам приходила больше из любопытства, а грянула беда - и мы пошли к Богу. Со временем Полина начала ездить в один храм в Подмоскowie, а я молилась у себя недалеко от дома. Помню, в первый раз пришла, встала у Распятая и прошу Христа исцелить мою дочь. И понимаю, что мало только просить, нужно что-то ещё и от себя отдать, пожертвовать, пострадать что ли, вот, как Он страдал. И надумала... - Помнишь, как я раньше курила? Действительно, Ирина ещё тогда, в первые годы нашего знакомства, дымила как заправский мужик, выкуривая в день чуть ли не по пачке сигарет, и даже страшно было представить, сколько она выкуривает теперь. - За эти годы курение стало частью моей сущности. Никто не мог представить меня без сигареты. И тогда я подошла к Нему и сказала, всё, бросаю курить, а Ты, пожалуйста, исцели мою девочку. Не так, чтобы сперва исцели, а потом брошу, но наоборот - я бросаю курить ради её спасения. И вдруг откуда-то прямо-таки уверенность появилась: да, через три года она исцелится. Три года уже не курю, хотя далось мне это очень нелегко, но ради Полины я готова была и не есть, и не дышать. Она лечилась, и каждый год врачи отмечали положительную динамику. Этим летом дочь закончила второй институт, но самое главное - у неё прекрасные анализы. Батюшка, представляешь, ВИЧ больше нет! В своё время я просмотрела множество материалов об этой болезни и знаю: такого не бывает. Но его на самом деле нет! Вот, всё бросила и поехала к тебе, мне нужно с кем-нибудь поделиться моей радостью. А с кем поделиться, как не с тобой? Ты же молился о нас. Я не скажу, что рассказ Ирины меня потряс. Когда становишься священником, перестаёшь удивляться чудесам и начинаешь воспринимать их точно норму. Что удивительного в том, что Господь исцеляет человека от неизлечимой болезни, на то Он и всемогущ. Удивительно, когда после оказанного тебе благодеяния, когда ты, умирая от страха и безнадёги, неожиданно, будто преступник, стоящий на эшафоте, получаешь помилование и тут же забываешь того, кто тебя пожалел. Удивляет наша неблагодарность, с Богом так нельзя. Помню, уже закончил причащать, выхожу давать крест прихожанам, а моя алтарница шепчет: - Батюшка, люди на причастие опоздали, больного ребёночка привезли. Причастите? Никогда не отказываю причащать опоздавших младенцев. Очень уж взрослые расстраиваются оттого, что дитя не причастилось. Однажды бабушка вот так принесла причастить младенчика, а уже поздно. Ссыпал частички в чашу, вся Кровь, её оставалось очень мало, впиталась, и потому причастить младенца не было никакой возможности. А бабушка не уходит, стоит рядом с амвоном и как заклинание повторяет: - Батюшка, миленький, причасти внука, - и через пять секунд снова, - причасти внука. Объясняю ей, как могу, мол, нет у меня возможности малыша причастить, прошу в другой раз подойти, а она будто не слышит, всё твердит и твердит: - Батюшка, причасти... До сих пор у меня этот голос в ушах стоит... и её умоляющие глаза вижу. Крепкий ещё мужчина подносит ребёнка, мальчика лет шести и держит его на руках. - Поставьте мальчика на пол, - подсказывает алтарница. Дедушка, извиняющимся тоном: - К сожалению, он не может ни стоять, ни ходить. Спрашиваю: - Это с ним от рождения? - Нет, это случилось всего с полгода назад, и никто не может объяснить, что с внуком. В трапезной после службы ко мне подсел один из наших клирошан: - Батюшка, ты знаешь этого дедушку, что приносил на причастие неходячего малыша? - Нет, первый раз его вижу. - А я знаком с ним и уже давно. Когда-то мы вместе учились в музыкальном училище. Он неплохой музыкант, хорошо держит басовую партию. Они живут, - и он назвал место недалеко от нас. Несколько лет назад его положили в областной онкодиспансер, а когда вскрыли, пришли к выводу, что пациент неоперабелен. Зашили и отправили домой. Тогда же кто-то из врачей ему сказал: - Увы, в вашем случае мы безсильны, теперь вы принадлежите только Богу. Самое главное, - продолжал собеседник, - что однокашник мой не был даже крещёным. А тут такие дела. Но одумался, поспешил в церковь, окрестился, стал ходить на службы, молился, причащался. Вместе с ним в церковь пришла дочь. Время наступает, ему по всем срокам уже помирать пора, а он всё живёт, и неплохо живёт. Прошёл новое обследование. Посмотрели, метастазы исчезли, а больной орган восстановился, правда, не в полной мере, так что ему теперь приходится принимать гормоны. Все его поздравляют, вот, мол, чудесное выздоровление произошло. Теперь тебе, ох, как нужно Бога благодарить. А он понял, что вылечился, и сделал вывод: значит, в церковь ходить больше не нужно. Вернулся на работу, одно воскресенье пропустил - в храм не пошёл, второе. А там уже и вовсе крест с себя снял. Только человек-то он неглупый, понимает, что Бог его для чего-то оставил. Для чего? Для покаяния, наверно. Стала моего приятеля совесть одолевать, так он, чтобы она его не мучила, убрал от себя

всё, что напомидало бы ему о Христе. Иконы попрятал, церковный календарь со стенки снял. Помню, по делам заезжал в их места, и мы с ним случайно пересеклись. А он в своё время, как и я, пел там у них на клиросе. Мы и раньше, как встретимся, так и давай друг друга расспрашивать, какие песнопения поёте, нотами менялись. Встречаемся, значит, я его по привычке о клиросе расспрашиваю, а он отворачивается от меня и кривится так, будто у него зубы болят. Оказывается, бросил петь и о прошлом ничего слышать не желает. И тут на тебе, другая беда: внучек утром просыпается, а встать не может. Ножки свело и всё тут. Звонил он мне недавно, мучается очень. Всё понимает, и что дети по нашим грехам страдают, тоже понимает. Вот, на причастие мальчика принёс, а у самого нутро продолжает упорствовать и никак не покается. Рассказал я Ирине эту историю и предупреждаю: - Если Бог тебя оставляет жить, то это не значит, что Он тебя особо отличает, просто ты ещё не сделала того, что должна. И тебе по какой-то причине даётся вторая попытка. Чудо не означает, что ты уже спасена. Нет, это значит, что тебе ещё предстоит спастись - всю оставшуюся жизнь. Она внимательно слушает: - Получается, что дедушке этому Бог даже не вторую, а уже третью попытку предлагает, словно в лёгкой атлетике в соревнованиях по прыжкам в длину. - Если уж сравнивать с лёгкой атлетикой, то скорее по прыжкам в высоту. Пока мы так разговаривали, внесли тело усопшего, это был Юра, и мгновенно храм наполнился множеством людей. Всегда так, когда хоронят человека молодого, многие приходят проводить его в последний путь. С одной стороны, очень жалко, когда умирают молодые, а с другой, наверно, таким образом мы подсознательно выражаем смерти свой протест. Человек вечен и, даже будучи не особо верующим, он об этом догадывается, и тогда земная кончина ему представляется какой-то нелепицей. Против торжества этой нелепицы мы и восстаём. Странно устроен человек. Рождаясь в мир, все знают, что настанет день, и каждый из нас пойдёт дорогой отцов. Жить на земле нелегко. Мы вынуждены постоянно трудиться, в поте лица добывая хлеб свой насущный. А ещё нам нужно так много всего, и одежда, и жилище. Стремимся найти верного спутника жизни, родить и воспитать детей. Разве это просто? Сколько проблем и у супругов между собой, а ещё и с детьми. Мы постоянно боимся заболеть ещё сильнее. И, несмотря на множество трудностей, постоянно цепляемся за эту жизнь, а когда человек уходит в столь раннем возрасте, минуя все эти житейские тревоги и проблемы, жалеем усопшего. Наверно, это ещё и оттого, что мы не знаем, что там нас ждёт в вечности, не знаем её законов и правил. Потому всеми силами стремимся задержаться здесь, во времени. Мне тоже жалко Юру, ведь ему не достались и те маленькие радости, что мы испытываем здесь же, на земле. Он не познал любовь женщины, не успел стать отцом, не порадовался внукам. А главное, его душа не созрела для Царства Небесного, ведь по-настоящему самой главной встречи на земле, встречи человека с Богом у него так и не случилось. Хотя и об этом мы можем рассуждать только предположительно. Во время каждения я смотрел на Юриных родственников, что стояли вокруг гроба, на его друзей и коллег. Повторюсь, их было очень много, и мало кто из них не плакал. Видно, что они скорбят по-настоящему. Мой взгляд скользит поверх голов, и я вижу Ирину. Почему-то она не ушла и осталась помолиться о незнакомом ей человеке. Ещё совсем недавно и она точно так же могла бы хоронить свою собственную дочь, но не позволила ей погибнуть. Встала между смертью, между множеством непреодолимых, казалось бы, препятствий и своей единственной дочерью. Встала и победила. Продолжаю отпевать и ловлю себя на мысли, что среди такого множества замечательных, умных, грамотных, красивых людей, в жизни, окружавших молодого учёного, не нашлось никого, кто взял бы на себя подвиг ради сына, любимого, друга. Хоть бы кто-нибудь начал ради него поститься, молиться, отказался бы, ну, хоть от того же телевизора (в наше время это уже поступок). Никто не взял его за руку и не пришёл вместе с ним в храм. Найдись бы такой человек, как знать, может, и не было бы сегодня этого отпевания. Ещё отчетливее стало понятно его одиночество. Оно не покидало юношу и будто навсегда поселилось у него в глазах. А может, встреча с Богом у него всё-таки состоялась? В момент, когда он причастился и печаль в глазах сменилась на покой? Как хочется в это верить. После отпевания, глядя в это множество замечательных, умных глаз, я стал говорить им о Христе, рассказывал о добре и о зле, "о лютой ненависти и святой любви". Наверно, я увлёкся и не следил за временем, но мне так хотелось, чтобы эти замечательные глаза меня услышали. Проводив процессию до катафалка, возвращаюсь в опустевший храм. Одна из Юриных родственниц дожидается у входа: - Батюшка, прости, но должна тебе высказать, нельзя так. Родные устали, почитай, всю ночь никто не спал. А ты всё говоришь и говоришь. Потом, и в ресторане у нас к определённому часу заказано. - Прости, матушка, действительно, про ресторан я и не подумал. Молча приняв моё извинение, женщина поспешила присоединиться к печальной процессии из родных и близких. С того дня в храме я их больше не видел.

Про Серёгу

Первым по-настоящему верующим человеком, с которым я познакомился, оказался баптист. Мы работали с ним в одной бригаде составителей поездов. Звали его Сергеем, но все называли его Серёга. Был он человеком больших форм и соответствующей силы, и очень добрым. Над ним можно было смеяться, подтрунивать, он всё терпеливо сносил и лишь отшучивался в ответ. «Вы что там: баб-тисты, - баб тискаете?» - ржали наши остряки. Одного он не терпел, если кто-нибудь переходил в своих шутках границы и начинал смеяться над его верой. Серёга никогда не пускал в ход свои кулаки, а пустить было что, уж вы мне поверьте, и только отходил от «шутников». Серёга корнями происходил из Ивановской губернии. Его мать многие годы была прихожанкой православного храма, в одном из тамошних районных городов. «Двадцать лет простояла у иконы Георгия Победоносца, - говорил Сергей, - и всё время думала, что это Христос. А потом, приехал к ним баптист-миссионер и создал свою общину, по большей части перетянув в неё прихожан этого же самого храма. Он стал с ними Библию читать, Слово Христово принёс.

Люди за ним и пошли, ведь Евангелие не только целовать нужно, но и исследовать его и жить по нему». Мама его была человеком тёмным, неграмотным. Она так наставляла сына: «Твой отец был рабочим, твой дед был рабочим, и тебе, сынок, быть работягой. Так что, ты головку-то слишком в школе не напрягай. Научился читать да писать, и хватит с тебя». В детстве он, сколько себя помнил, всё пытался раздобыть денег. Бутылки вдоль путей собирал, макулатуру сдавал, на дачах у стариков подрабатывал. Рос он крупным парнем, поэтому всегда есть хотелось, а мама не могла заработать на еду досыта, поэтому и трудился. Много умел и никогда не чурался никакой работы, даже самой грязной. Спокоен был, как удав. Помню, он рассказывал, как к нему в квартиру ломались двое пьяных мужиков, всё какую-то Аллу требовали. Серёжа из-за двери им объяснил, что такая здесь не проживает, – а разве им докажешь? Они дверь ему вместе с коробкой и вынесли (повалили). – А как дело то было, Серёжа? – Они дверь ломали, а я отошёл подальше и ждал. – Что же ты милицию не вызвал? – Ну, хоть какую-нибудь активность проявил там, пугнул бы их. – А зачем? – отвечает, – я давно хотел дверь металлическую поставить. Вот, думаю, и пускай они мне эту вышибут забесплатно. – Всё польза будет. – Ну, вышибли, а потом что? – А потом они меня увидели. Протрезвели. На колени попадали. Дверь на место поставили и сбежали. – А ты? – А я позвонил и назавтра новую дверь привезли. Так что всё удачно получилось... Серёга был человеком внутренне очень чистым и молитвенным. Всё свободное время читал Евангелие и размышлял над ним. Кстати, именно он и научил меня относиться к Слову Божьему как к Святыне, которую нужно знать, и которой нужно жить. Приглашал он меня к ним на служения. Люди эти мне понравились, но через какое-то время почувствовал, что мне скучно с ними, нет движения вперёд. Словно подвели меня к открытым вратам храма и говорят: «Смотри, как там хорошо», а внутрь не вводят. А потом я ещё и в Свято-Троице-Сергиеву Лавру попал. Так что, мы с Серёжей оставались друзьями, но я выбрал Православие.

Вспоминаю, как наш товарищ женился. Вместе с группой молодых единоверцев они поехали в Иваново, в тамошнюю общину. Поехали вроде как бы помолиться, а на самом деле присмотреть себе невест. Вот там наш Серёга и влюбился. Девушка была высокая ростом, с простым лицом и добрыми глазами. Понятное дело, что по природной своей застенчивости, он не посмел сказать ей ни слова, а только молча поедая её глазами, на что девушка обратила внимание. Потом, уже приехав домой, он написал письмо одной знакомой из общины, куда они ездили. И попросил её спросить у понравившейся ему девушки, не будет ли она возражать, если он напишет ей письмо. Сложность была в том, что Серёга не узнал имени девицы, и действовал, получается, наобум. Девушка разрешила ей написать, и мы с Серёгой вдвоём писали письмо, уж очень он был тогда неграмотен, хотя, думаю, он и сегодня не прибавил в знаниях. Сперва он писал о делах в своей общине, а потом попросил разрешения приехать к ним в гости. Родители дали добро, Серёжа сложил свой чемоданчик и поехал. Потом он мне рассказывал, как боялся встретить другую, поскольку фотографии своей заочной пассии он не имел, и вполне могло так случиться, что и приехать мог бы не к той. Но всё оказалось благополучно, его хорошо приняли в доме невесты, а потом и она, в свою очередь, вместе с мамой приезжала в дом будущего супруга. Девушка уехала домой, и Серёжа вдогонку письменно сделал ей предложение. С каким волнением наш товарищ ожидал ответа. Он весь осунулся, похудел, безпокойно ходил взад и вперед по горке, где мы работали. Потом он рассказывал, как сошёл с автобуса, а к нему подходит незнакомая старушка и говорит: «Не волнуйся, сынок, завтра жди письмо». И действительно, на следующий день мой друг Серж получил согласие. Свадьбу справляли в общине в молельном доме. Перед этим молодые расписались в ЗАГСе. На прозвучавшее там предложение поцеловать невесту, Серёга ответил просто: «Погодите, пока она мне ещё не жена, вот как пресвитер нас благословит, вот тогда и поцелую». Вот такой с нами работал замечательный парень. Люба, так звали Серёжину жену, была консервативна и на дух не переносила телевизор. Когда муж под предлогом просмотра благочестивых видеокассет, приобрёл «злое око» (а сам прилип к экрану и смотрел боевики), Любаша проходила в комнату, только повернувшись к телевизору задом. В конце концов, Серёжа вынужден был отдать его в воскресную школу. Вы знаете, что баптисты не употребляют спиртных напитков? – Но это еще не значит, что они не могут выпить. – Могут, и ещё как! Кстати, когда Сержу надоели приставания наших коллег выпить с ними водочки, а пили уже не ворованный спирт, а покупную водку. Серёга молча взял у них бутылку и налив себе полный стакан, спокойно его выпил. Потом оглядел умолкшую публику, налил второй стакан и точно так же отправил его вслед за первым. А затем, не закусывая, и даже не покачнувшись, пошёл домой. Больше я потом уже не слышал, чтобы кто-то из ребят предложил ему выпить с ними. Так вот, приехали к Серёге в гости четверо Любашиных братьёв, понятное дело, – тоже баптистов. А Люба в это время уже с двумя детишками и свекровью поехала навестить своих родителей. Братья были все как на подбор, они приходили к нам посмотреть, чем занимается их сродник. Все они были метра по два ростом, и в плечах хороши, так что Серёга на их фоне даже слегка терялся. Пятеро мужиков в одном доме. Разумеется, сколько ни молись, а в магазин они пойдут обязательно. Взяли по бутылочке на брата и посидели вечерком. На следующий день ребята собирались уезжать обратно. А Серёга, наводя порядок, обратил внимание на количество пустых бутылок и не досчитался одной. «Братья, где ещё один пустой сосуд? Если Люба его найдёт, то всем нам мало не покажется». Народ подумал, представил последствия, и стал методично осматривать каждый уголок в квартире. Представляю, как пятеро здоровенных мужиков ползали на коленках по полу в поисках компрометирующей их бутылки. Вот так сестричка держала братцев в руках. Одновременно с восстановлением нашего храма и Серёжина община стала строить у себя в городе дом молитвы. Серёжа приспособился торговать по электричкам книжками, изданными «библейским обществом», продавал их и на работе. Все до единой копейки из заработанного, он отдавал на стройку. К этому времени у него уже было трое ребятешек. Кстати, он рассказывал мне об их американском благодетеле. Тот раза два в год приезжал к ним, показывал фотографии своих домов, подробно рассказывал об их стоимости, хвалился, что внучке машину купил за 300 тысяч долларов, а на стройку выделит 2-3 тысячи в год, да

потом справками и отчётами мучает. Вот Серёжа и искал заработать на молельный дом. – Серёга, – спросил я его, – а ты не боишься, что дом, который ты строишь, лет через пятнадцать превратят в какой-нибудь клуб собаководства? И он мне ответил так, что я запомнил его слова на всю жизнь, и до сих пор руководствуюсь ими: «Меня Бог не спросит за то, во что этот дом превратят люди, но он меня обязательно спросит за то, что я строил». Через несколько лет, давно уже уволившись со станции (железной дороги, "железки", где трудился будущий батюшка Александр Дьяченко 10 лет), я на улице встретил одного из наших ребят. Мы обрадовались друг другу, разговорились, и стал я расспрашивать о сослуживцах. – Живём хорошо, – отвечал он мне, – кредиты сейчас дают на (ж/д) станции всем старослужащим. Я вот машину себе новую взял, другие расширились, кто в двушку, кто в трёшку переехали, один из наших сейчас коттедж строит. – А как Серёга? – спрашиваю, – он-то в трёшку наконец перебрался? Товарищ, вздохнув, сказал: – А Серёга сошёл с ума. У меня сердце ёкнуло: «Как сошёл? – А как же Любаша, дети?» – Серж на днях уже шестого из роддома привёз. Представляешь? Люба, понятное дело, с детьми нянчится, а Серёга один работает. Какой ему кредит? Мы тут и так, и так прикидывали, ничего не получается. Так и живут вдвётером в двушке. А он и седьмого родит, я тебе точно говорю, – совсем тронулся мужик. Я слушал моего товарища и с радостью думал: «Господи, как хорошо, что у нас ещё остались такие «сумасшедшие», как наш друг Серёга».

Спас Оплечный

Чем дальше идёшь, тем больше поражаешься, а потом привыкаешь, и больше не поражаешься, потому чтоходишь в параллельно идущий поток земного и Небесного. Как говорит мой знакомый батюшка: "мы живём на земле, а работаем на Небе" По-разному приходят в храм иконы, и в связи с радостными событиями, и в связи с грустными. У каждой своя история, и тоже, иногда радостная, а порой грустная, как и у людей, с судьбами которых они связываются неразрывно. Икона в интерьер не вписывается – Батюшка, Вас просят выйти, – это зовет меня алтарница, матушка Вера, – там молодая пара пришла, хотят с Вами поговорить, по-моему, они икону принесли, – уточняет она. Выхожу из алтаря. Молодой человек показывает мне образ Пресвятой Богородицы середины XIX века в старинном киоте. Образ хорошей сохранности, словно написан всего с десяток лет назад. – Батюшка, – обращается он ко мне, – у нас бабушка умерла, а её икона нам досталась. Вот мы и решили принести её в храм. Конечно, радостно, что приходят такие замечательные образы, но почему они принесли её нам, а не оставили у себя как память о родном человеке. В ответ слышу: – Эта вещь, к сожалению, не вписывается в интерьер нашей квартиры. Мы уж и так и так смотрели, ну нигде не подходит. – Ребятки, а ведь эту икону держали в руках как минимум ещё пять – шесть поколений ваших предков. Она связывает вас с ними. Может, всё-таки передумаете, оставите у себя? – спрашиваю с робкой надеждой. – Нет, нет, батюшка, мы уже решили, ну не выбрасывать же нам её, правда? Так что забирайте, – категорично завершили они разговор. И ещё один образ обретает пристанище в нашем храме. Семейная реликвия и другие иконы – подкачали и наказаны Как-то соборовал ещё нестарую женщину, лет сорока. Она умирала, и я понимал, что дни её сочтены. Муж показывал мне иконы, что хранились у них в доме, и среди них – маленький металлический образ Пресвятой Богородицы. «Это не просто иконочка, батюшка, это наша семейная реликвия, с ней мой дед прошёл ещё первую мировую войну и ни разу не был ранен. Его мать, а моя прабабушка, благословила его перед уходом на фронт. А потом уже моя бабушка благословляла моего отца, когда его призвали воевать с фашистами. И ведь тоже, смотрите, как ему повезло, за всю войну ни одного серьёзного ранения». Было видно, что он сам-то человек нецерковный, да и неверующий на самом деле, но мой приход к ним, видимо был для него последней надеждой. После исповеди, соборования и причастия умирающей, когда я уже уходил, Геннадий, так звали её мужа, протягивая мне пожертвование на храм, с надеждой спросил: – Ну что, батюшка, она останется жить? – На всё воля Божия, я ничего не могу вам сказать определённо, но думаю, что то, с каким сердцем причащалась ваша жена, позволяет надеяться, что её душа будет жить. Деньги я у него не взял. Женщина умерла, а через несколько дней, проходя мимо их дома, я увидел Геннадия. Он жёг костёр. Люди обычно сжигают личные вещи усопших. Он заметил меня и крикнул, чтобы я подошёл. Когда я подошёл к костру, то увидел, что горят иконы, те, что стояли в их доме. – Не знаю только, что делать с этой «железкой», – он протянул руку, на ней лежала их семейная реликвия, тот самый образ Пресвятой. – На помойку выбросить, рука не подымается. Утопить? – Не знаю. – Отдайте её мне, попросил я. Он легко, и даже как-то с видимым облегчением избавился от образа. – Он будет находиться у меня в алтаре, и в любой момент вы сможете его забрать назад. Как хорошо, что я не взял тогда его деньги. Где-то, спустя год, я увидел его на велосипеде, он ехал мимо храма на дачу. – Геннадий, – окликнул я его. – Ваша иконочка у меня, не хотите ли забрать? Он отрицательно помотал головой. – Тогда я отдам её в надёжные руки, вы не против? – Делайте с ней что хотите, – ответил он, не останавливаясь и не сходя с велосипеда. Сейчас она находится у одного моего друга. Ему приходится много ездить, встречаться с людьми. Когда я передавал ему образ, то рассказал его историю. Мой друг взял в руки икону, благоговейно поцеловал её и положил в карман пиджака напротив сердца. Я знаю, что он с ней никогда не расстанется. Возлюбленная тихо скрылась, оставив нелюбимого мужа умирать от тоски. А однажды, по дороге из храма в посёлок меня остановил мужчина лет 35-ти. – Батюшка, нам икону продали, очень дёшево. Такая большая старинная икона, как нам сказали, это «Спас оплечный». Надеялись, что дома у нас получше станет, а только наоборот всё ухудшилось. Может она ворованная? – Всё может быть, – отвечаю. – Я хочу икону «Спаса» принести в храм. Возьмете? – Конечно возьмём – приносите. Потом, время прошло, я уже и забыл о том разговоре, но, вновь столкнувшись с этим человеком – вспомнил. Правда, только после того, как он снова первым заговорил со мной. – Батюшка, совсем у нас плохо. Я скоро обязательно принесу «Спаса».

Принёс он его только месяца через два. Меня в это время в храме не было, но мои матушки мне рассказали: как этот мужчина поставил образ на столик и произнёс, обращаясь к нему, словно к живому: - «Ну вот, ты снова в храме, я думаю, что тебе здесь будет хорошо, это будет твой новый дом». А потом, повернувшись к моим помощницам, сказал: - Попросите батюшку помолиться об Ольге, это моя женщина, она пропала. На расспросы он вновь повторил, словно сомнамбула: - Ольга пропала, ушла из дома и не вернулась, документы, деньги, вещи на месте, а её нет. Мы молились об Ольге, но только тот мужчина в храм больше не пришёл. После этого события прошло наверно года три, и я как обычно по вторникам поехал в область в семинарию начитывать лекции своим студентам. Утром был небольшой туман, да ещё торфяники горели, поэтому ехал осторожно. У меня тогда был ижевский москвич ("Каблук"), так что и при желании на нём особенно не разгонишься. Уже отъехав от дома более тридцати километров машина внезапно вошла в полосу сплошного тумана. Никогда: ни до, ни после - я не видел такого тумана. Он действительно был совсем как молоко - такое впечатление, что лобовое стекло мне оклеили белой светонепроницаемой бумагой. По инерции, резко скинув скорость, я ещё ехал вперёд, но куда ехал на самом деле, - понять не мог. Вдруг вижу, навстречу мне появляются контуры горящих фар, и понял, что вышел на встречу. Резко повернул руль вправо и пополз в сторону кювета. Интересно, что я не мог различать границу асфальта и гравийной отсыпки обочины. Остановился, горят все огни, думаю, пережду, но не тут-то было. Вижу, прямо в меня дрейфует такой же бедолага. Пришлось выйти из машины и лечь ему на капот, чтобы он меня увидел и отвернул. Потом я снова поехал потихоньку вперёд, стоять при таких обстоятельствах было ещё опаснее, чем ехать. Вдруг слева меня обгоняет высокий белого цвета автобус с метровыми «стопами». Я пристроился за ним, как за маяком, и мы «помчались» со скоростью километров в двадцать в час. Потом он вдруг резко затормозил, - остановился и я. А на свет огромных фонарей автобуса встали и те, что шли за нами. Образовался затор, мы стояли и видели, как проехали скорые, пожарные. Пока ждали, я достал канон своему святому и стал читать. Только окончил молитву, как моя дверь со стороны пассажира открылась, и я увидел голову местного жителя: - Мужик, - говорит он мне, - ехай назад, там впереди, - он махнул рукой, - разгрести на целый день, - так что ехай! - Как же я поеду? Ведь меня по встрече снесут? - Не снесут, вся трасса перекрыта. Потом из новостных сообщений я узнал, что в этом месте столкнулось более пятидесяти автомобилей. А мы с автобусом были первыми, на ком прекратился этот счёт, правда, слава Богу, жертв было (для такой аварии) немного. Разворачиваюсь и снова еду в тумане, но уже в противоположную сторону. Хорошо, когда кто-нибудь идёт у тебя перед носом и указывает путь, но я был один. И вдруг, мне на капот точно так же, как и я делал, ложится мужчина. - Друг, довези до Н., - он назвал районный городок, - в ГАИ надо. Я тут в аварию попал, документы на страховку оформляю. Я обрадовался, и мы общими усилиями благополучно выбрались на свежий ветер. - Представляешь? За месяц я три машины разбил. И все на левых поворотах - вот не везёт. - А ты бы их освятил, машинки-то, да как на поворот вставить, ещё бы и помолился. - Да я в Бога верю, ты не подумай. В церковь иногда захожу, а года три назад так даже икону старинную пожертвовал в храм, - и он назвал наше село. - А какую? - спрашиваю. «Спас оплечный», - отвечает. Мы едем, и я вспоминаю этого человека, и у меня всплывает имя Ольги. - Слушай, - говорю, - а Ольга нашлась? Он медленно повернул голову ко мне и посмотрел на меня широко открытыми глазами, то ли от удивления, то ли от ужаса. - Нет, нет, не подумай, я не фокусник и не колдун, я священник того самого храма, куда ты передал икону. Мы молились о ней, ты же просил. Так нашлась Ольга? Он вздохнул, и заговорил. Было видно, с каким трудом ему давались эти слова: - Где я только её не искал, все больницы от областного центра до Москвы прошёл, все морги, всех неопознанных погибших. Не нашёл, отчаялся уже, волком выл. Потом подсказали, на телевидение артисту Кваше написать. И через год ночью она позвонила и говорит: «Не ищи меня. Я просто ушла, не могу я так больше, без любви. Прости, но я не вернусь». И положила трубку. Даже документы не попросила выслать. Мы подъехали к месту, куда направлялся мой попутчик. Он вышел из машины, и пошёл было, но потом вернулся и протянул мне бумажку в сто рублей. - Зачем, спрашиваю, не нужно, мне же всё равно по пути. - Да нет, это помолился за Ольгу, не знаю как это у вас в церкви называется - сорокоуст? Твоя молитва быстрее дойдёт. И, пожалуйста, поставь свечу нашему с ней «Спасу» - пускай у неё всё будет хорошо. PS: "Почему им с иконой Спаса не жилось? - Она была краденая что ли?" - Я не видел Ольги, да и с мужчиной её мало разговаривал на эту тему. Но понял, что они и раньше стояли на грани развода, может когда предложили им икону, то понадеялись на вмешательство высших сил. А семья уже трещала по швам, отсюда они могли предположить, что образ украден, раз нет улучшений в семье... В конце концов разрыв произошёл, - кто там был виноват, - один Бог знает... Ольга (я не менял её имени) - ушла и пропала. Может уже где-то было подготовлено место. Да, скорее всего - подготовилась и было куда ехать. Я встречал таких людей: помню одну молодую женщину из Украины, находящуюся под подпиской о невыезде, взял ее молодой купец, да и увёз безо всяких документов, да ещё и женился на ней - сегодня можно всё! Муж Ольгу не смог найти. Он любил, а она - нет. И он за эти годы, тоскуя по ней, не стал её осуждать и ненавидеть, а продолжал любить. И честно говоря, мне бы хотелось, чтобы Ольга прочитала этот рассказ, - может одумается и вернётся, он-то, видимо, до сих пор один, ждёт её.

Разговор с собакой

«...Ветер. Ветер. Осень, рот разинув, Лёт и ждёт, когда же мы уйдём. Слякоть. Холод. Двое, я и псина, Души свои лечим под дождём» Иеромонах Роман Осенним вечером бегу, как обычно, по посёлку по своим поповским делам, а навстречу мне, по своим собачьим делам, бежит пёс. Я заметил его ещё издали. Отмечаю про себя, что-то он в пасти несёт. Наверное, косточку. Сближаемся, пригляделся, странная косточка, нетипичная, больше на бутылку

похожа. И точно, стеклянная бутылка из-под пива объемом 0,33 л. Знаю, что псы играют пластиковыми бутылками, или пивными жестянками, но чтобы стеклянные бутылки носили, такого ещё не видел! Остановился в удивлении, а пёс спокойно проследовал дальше. «Ну, и дела», думаю, «людей испортили, так уже и до скотины добрались»... И так мне захотелось поговорить с этой собакой, предостеречь её, что ли. Говорят, что с животными легче договориться, чем с людьми... Вот, одна моя знакомая, частный зубной врач, почти весь свой заработок переводит на кормёжку бездомных кошек. У неё дома их порой больше двадцати собирается, да ещё две собаки. Воют с ней все, кто только может воевать, а она всё продолжает подбирать покалеченных животных, выхаживает, стерилизует их и кормит. Ей говорят: «да ты больная на голову», а она отвечает: «Нет, ребята, это вы больные, а я ещё пока в порядке»! Наверно действительно, с животными легче. Помню, захожу в магазин. Там две молоденькие мамочки с малышами что-то покупают. На выходе из магазина, на внутренней стороне двери, висит рекламный плакат про какое-то пиво. Малыш указывает пальчиком на плакат и говорит маме: «Пиво». Мама одобрительно смеётся. - Годы три, небось, вашему мальчику? - интересуюсь. - Два с половиной, - гордо отвечает молоденькая мамочка, польщенная вниманием батюшки. - Смотрите-ка, - замечаю, - всего два с половиной, а про пиво уже в курсе. - Так, всё-таки, мужик растёт, - всё тем же тоном отвечает мамочка. Да, действительно, если достоинство мужчины мерить его знаниями сортов пива и водки, то чем же тогда измеряется в этой системе координат достоинство женщины? Время бежит быстро. И не приведи Бог, мамочка, лет этак через пятнадцать-двадцать тебе постаревшей и подурневшей от тревог и бессонных ночей, плакать перед иконой святого мученика Вонифатия о своём спивающемся сыне, или муже, или обо всех вместе. Сегодня это самая обычная картинка в нашем, и не только в нашем, храме. Жалко, что ты убежал, пёс, а то бы я рассказал тебе о том, как ходил в один из классов начальной школы в соседнем с нами городке. Меня попросила директор этой самой школы пообщаться с её детьми. В тот месяц я приходил почти каждую неделю в какой-нибудь из классов этой школы... О чём я мог говорить с такими малышами? Ну, понятное дело, о послушании родителям, бабушкам и дедушкам. Приводил в примеры сказочных героев. Мы смеялись, читая про двух жадных медвежат, о журавле и лисице. Такой малышне не нужно доказывать бытие Бога, они в этом вовсе и не сомневаются. Им только нужны примеры для подражания, а с этим у нас сегодня напряженно. Нет в современной России положительных героев. Раньше были, сейчас нет. Вот и пытаешься действовать от обратного. Берёшь отрицательный типаж и учишь ему ни в коем случае не подражать. Но это сложно, и не всегда достигает цели. Порой, говорят, даже превращается в рекламу греха, поэтому здесь нужно быть очень осторожным... Так вот, псинка. Прихожу я однажды в эту самую начальную школу, там классов-то, знаешь, всего раз-два, и обчёлся. А меня провели в помещение, где за партами сидело ребятшек, наверное, около сорока. Сейчас классов таких и не бывает, ну двадцать, максимум двадцать пять учеников, а здесь все сорок! Интересуюсь, видимо спаренный класс, нет, отвечают, такой большой. Потом уже мне растолковали, что в нём собраны дети, из так называемых, «пьяных» семей. Оказывается, в каждом годовом потоке в школе существовали такие классы, и они, как правило, были самыми большими. Но меня об этом не предупредили... Моим слушателям было на тот момент лет по восемь-девять, все такие хорошие, глазастые, смотрят на меня с интересом, а кто это к ним пришёл? Люблю такую ребятню, у них, что на уме, то и на языке. Как-то, иду по этому же городу в подряснике с крестом, а меня увидели двое пацанов, лет этак шести-семи. Увидели и застыли от удивления. Один другого спрашивает: «Ты знаешь, кто это?» - «Не а», - отвечает другой. «А я знаю. Это - мусульманин»! Может, и эта братва меня за мусульманина приняла? Я же не знаю. Начинаю разговор, как обычно подхожу к теме о послушании родителям. Меня внимательно слушают. Я уже «растекаюсь мыслью по древу», дохожу до отрицательных героев и начинаю громить тех непослушных детей, которые подбирают на улицах окурки, и потом дымят ими в кустах. О, моё золотое детство, мне даже ничего и придумывать не нужно! Забирайся в глубины памяти и черпай. Про плохие слова тоже поговорили, а потом, знаешь, пёс, дёрнуло меня сказать им такую примерно фразу: «А знаете, дети, что есть на свете такие несчастные люди, которые любят пить пиво и вино. Они не слушались своих родителей, а сейчас, вы можете на них посмотреть. Они ходят по улицам и качаются, и даже порой падают и остаются лежать на земле. Вы наверно видели таких людей, и как мы их назовём?» - хотел подсказать, «грешниками», а услышал дружный хор из сорока детских глоток: «алкаши»! И немедленно одна малышка вскакивает с места и кричит мне: - А бабушка говорит, что моя мама алкашка! Другой кричит: - А у меня папа спился! В классе ещё какая-то видимость порядка, но моим слушателям уж очень хочется вступить со мной в разговор, рассказать батюшке, или мусульманину, да всё равно - кому, о том, что им хорошо знакомо. - А я с дедушкой и бабушкой живу, у меня и папа, и мама пьяницы! - А мой папа от водки удавился! - А у нас только бабушка не пьёт! - А у нас папы нет, а мама пьёт! - А у меня родители по пьянке в машине угорели! Я только сижу и с ужасом слушаю эти крики. А они, словно хлесткие щелчки от пастушьего кнута, взрываются в воздухе. Детвора повскакивала с мест, они уже вышли в проходы между рядами и тянут вверх свои ручонки, чтобы я спросил их, а они бы одной фразой поведали бы мне о трагедии их ещё совсем коротенькой, но уже такой несчастной жизни. Я уже никого и ни о чём не спрашивал, а они, все сорок человек, продолжали кричать, и их крики просто били меня, взрослого человека, и по лбу, и по щекам, и поддых. Какое послушание, кому? Родителям? Участковому милиционеру? Инспектору по делам несовершеннолетних? Парадокс... Как бы не страдали от пьянства родителей их дети, но какой-то неумолимый рок, под условным названием «следствие родительских грехов», приведут к гибели всё от той же водки, которая начнётся пивком, большинство этих ещё таких милых созданий... «Кто пойдёт за «клинским»? Да сегодня только ленивый не идет за «клинским». Я смотрел на ребятню и понимал, что они обречены. Уже лет через несколько первые из этих ребят сложат свои головки в борьбе с зелёным змием, а к годам к сорока-сорока пяти, пожалуй, падут и остальные. Я смотрел на них и задавался вопросом, а у нас, у народа-то нашего, есть оно, это самое

будущее? Сколько нам ещё осталось? Так что, ты неправильно ведёшь себя, собака, ты не должна таскать бутылки, ищи косточки, на худой конец, обёрточную бумажку, пропитанную вкусным жиром. Не надо бутылки, собака, не становись на этот скользкий путь. Ты же не «гомо сапиенс», ты разумная скотинка, пусть хоть твои щенки останутся жить на этой земле... Когда я после рассказал хорошему знакомому про мою встречу с собакой, он весело предположил: - А может она бутылки собирает, а потом в приемный пункт сдаёт? Ты бы её, батюшка, расспросил. Мы посмеялись: «сдаёт». Хотя, время сейчас такое, непредсказуемое. Всего можно ожидать, даже и от собак... Может и действительно сдаёт? Интересно, а почём? Ладно, в следующий раз встречу, обязательно поинтересуюсь.

Мои университеты

В самом начале 1990-х годов я поступил работать на железную дорогу. Семью нужно было кормить, а платили там хорошо и всегда своевременно. Работал простым рабочим и прошел хорошую школу смирения, которая длилась для меня целых 10 лет. Работая среди людей простых, и иногда бывших уголовников, я понял, что они, в подавляющем числе своем, люди хорошие и даже очень хорошие, только не всегда задумываются над тем, что такое хорошо, и что такое плохо. Не привили им в свое время. И поэтому, иногда казалось, что, по их мнению, хорошо только то, за что впоследствии можно избежать наказания рублем, или сроком. Поскольку работать на "железку" я попал в годы начала всеобщего распада, то дисциплины там уже тогда почти не было, а уж потом началось такое! Тогда врачи нас перед сменой не проверяли, и народ пил. Пойло следовало через нашу станцию в многочисленных цистернах. Спирт и вино лились рекой. В нашей будке обогрева стояло ведро, только не с водой, как на сенокосе, а с крепленным вином. Любопытный мог зачерпнуть кружечку и, как у нас говорили, «причаститься красненьким». В результате таких системных «причастий» с моими товарищами стали происходить печальные метаморфозы. И я бы даже сказал, беснование. Как-то работали ночью. Меня вызвали в чужую смену и откомандировали в помощь на один участок. В перерыве сижу на скамейке в углу большого помещения. Вокруг по стенкам тоже расположились рабочие, отдыхают. Мы все что-нибудь читали, кто книжки, кто газеты, ну а я, как правило, Новый Завет. У меня было такое карманное издание, которое было удобно носить с собой. Заходит в помещение охранник. Он должен был принять под охрану ценный груз и ожидал команду. Человек был хорошо выпивши, и пил он, чувствуется, уже не один день. Из всех, находящихся в комнате, он выбрал почему-то меня и спросил: - Ты чего там читаешь? Я ответил. Охранник заинтересовался: - Это что, книжка про евреев? Говорю, «В принципе, да»... Хотя как-то никогда не рассматривал Новый Завет под таким углом зрения. Помолчав, он с подозрением посмотрел на меня, и вновь спрашивает: - А ты сам-то тоже, небось, еврей? Я засмеялся: - Нет, я не еврей. Снова помолчали, охранник, вновь пристает: - А я думаю, - еврей! И так продолжалось достаточно долго. Чувствую, не угомонится человек, надоел уже, и читать мешает. Говорю ему: - Ну ладно, пусть будет по-твоему - еврей, - только отстань. - Ах, так ты все-таки еврей?! - возмущенно закричал охранник, и достает револьвер. Наша охрана ходила с револьверами выпуска времен Гражданской войны, мы ещё смеялись над ними, говорили: «Вы у нас как красные стрелки, орлы революции». Так вот, этот "орел" дрожащей пьяной рукой и выстрелил мне в лицо, не целясь, с расстояния двух метров. Выстрелил, тут же протрезвел и испугался. Ребята, кто отдыхал, вскочили, подлетели к охраннику, отобрали пистолет и стали его бить. Били страшно. Потом приехало непосредственное начальство стрелка, и вновь его били. И все это на моих глазах. Я отказался писать заявление: пусть сам своих детей кормит. Достали пулю из стенки, уволили «юдофоба» по-тихому и забыли об этом происшествии. И действительно, потом об этом никто ни разу и не вспомнил. Не знаю почему, но, когда охранник стрелял, я не испытывал страха. Всегда удивляюсь, как могут люди столько выпить? Кажется, выпей бы я столько - и не откачают. А здесь - столько, и каждый Божий день. В дневную смену, сижу за столом пишу контрольную по Новому Завету. Я тогда в Свято-Тихоновском учился (ПСТГУ в Москве, дает и богословское образование). Передо мной раскрытое Евангелие, и я переписываю из него в тетрадку какие-то стихи, проговаривая их вслух, чтобы не наделать ошибок. Напротив меня и немножко сбоку спит, положив голову на стол, мой пьяный товарищ. Все спокойно, мирно. Внезапно он вскакивает из-за стола, хватается за нож, и бьет меня им сверху вниз. Хорошо у меня реакция неплохая, мне удалось выбить у него нож, и самого свалить на пол. Быстро подбежал к нему, думая, что придется вязать. И что вы думаете? Лежит мой товарищ на полу и спит, аки голубь. Я посмеялся и продолжил писать. Ножик я его спрятал, а потом уже, перед следующей сменой смотрю, он все что-то ищет. Спрашиваю его: «Потерял что?» - Нож свой, - говорит, - никак не найду». Отдал ему нож, и рассказал о том, при каких обстоятельствах он его «потерял». Понятное дело, что он ничего не помнил, и ему самому, по-моему, стало страшно. Удивительный человек, ему постоянно везло. Он должен был у нас погибнуть ну раз двадцать, но на удивление, всегда выходил сухим из воды, даже из немыслимых, казалось бы ситуаций... Поразила меня однажды и неожиданная реакция другого моего товарища на молитву. Если человек просто спит, то, даже услышав молитву, он или никак не реагирует на неё, или спит ещё спокойнее и дышит ровнее. Помню, ночь, все дремлют. Моя очередь, я дежурю и жду надвига вагонов на горку, чтобы начать сортировать их по разным направлениям для дальнейшего следования. Сижу на стуле, ожидаю состав и повторяю про себя Иисусову молитву. Вдруг один из моих товарищей, лежащий от меня справа, вскакивает с лежака и хватается за меня одной рукой за грудки, а другой замахивается своим неправдоподобно большим кулаком. Смотрю ему в глаза, а они белые, в них ничего нет вообще, и смотрит он не на меня, а поверх моей головы. И так страшно говорит мне: «Убью». Сложность моего положения заключалась в том, что рукой, которой он захватил мою телогрейку, он одновременно и ухватил меня за бороду, и сковал мои движения полностью. Мне оставалось только

молиться. Его захват постепенно ослабел, потом он что-то запричитал, заплакал и вновь лег на место. Понятное дело, что и этот мой товарищ пил уже долгое время. После того случая, я больше не ношу длинную бороду. А вот случай, когда я по-настоящему испугался. У нас работал рабочий, его звали Сергей. Душа у него была добрая и отзывчивая. Но, как многие наши мужички, – любил он выпить. Обычно как русские люди пьют? Пока деньги не закончатся, – или вино, а у нас оно тогда не заканчивалась (с деньгами дела у нас обстояли по-разному, зато уж вино никогда не переводилось). Вот и в тот раз рабочий день закончился, а вино – нет, и он, Сережа, остался и пил ещё сутки. Потом вышел из своей будки обогрева и решил проползти под составом. Тот тронулся, а пьяный не успел отреагировать, попал под колеса, и ему отрезало ногу под пах. Вызвали скорую, а ребята бегом несли его к машине навстречу. Никто не смог оказать ему помощь, и Сережа умер. В тот день, а это был январь месяц, я работал на этом же участке, но свидетелем самой беды не был. Попал на место трагедии только часа через два. Его будка, это такой небольшой домик для приема пищи и обогрева рабочих, стояла с открытой дверью, в ней никого не было. На скамейке ещё лежали Сережины вещи. Я зашел, закрыл дверь и включил отопление. Дверь изнутри была покрыта фанерой и покрашена в ярко-голубой цвет. Становилось тепло. Смотрю на дверь и вижу, как на ней медленно появляется красная капля, которая, увеличиваясь на глазах, – потом начинает стекать вниз. Буквально одновременно появилось еще с десятков капель, и они тоже стали стекать вниз. Я понял, что это кровь. Через несколько минут, практически вся дверь покрылась сплошными потеками крови, которая, достигая пола, собиралась в лужицу. Мне стало жутко. Я пулей вылетел из будки и закричал товарищу, чтобы тот подошел. Он, посмотрев на дверь, вначале тоже отпрянул, но потом, сообразив, с облегчением сказал: «Ну, да. На этой двери Сережу несли, а потом её навесили назад. За то время она кровью и напиталась. Потом её снегом омыли и оставили». Кровь замерзла, а когда я включил тепло, она и потекла. Все оказалось просто, а я уже было 90-й псалом читать начал. Хотя я не видел Серёжиной гибели, но косвенно через эту дверь, тоже стал участником драмы. Я тогда убирал кровь, чтобы по ней никто не топтался, и ещё не знал, что Сережина смерть стала первой в длинном ряду бессмысленных пьяных трагедий, произошедших в тот год с моими товарищами. Но об этом я писать не хочу.

Интересный вопрос

Меня всегда занимало отношение пьяных людей к священнику. Спросите, почему? Да потому, что один и тот же субъект в зависимости от своего состояния может относиться к тебе совершенно по-разному. Ты знаешь его в лицо, здороваешься с ним кивком, и так годами, безо всякого развития отношений. И вдруг встречаешь того же человека, только перебравшего. В этом случае, скажу вам по опыту, священнику лучше сделать вид, что он его не узнал и поскорее ретироваться от греха подальше. Из сказанного отнюдь не следует, что подвыпившие люди мне когда-либо угрожали. Совсем нет. Речь идет совершенно о другом: просто человек в таком состоянии раскрепощается, оставляет какие-то условности, заставляющие его ограничиваться кивками при встречах. У него появляется острая необходимость рассказать обо всех своих бедах, проблемах и даже просто сообщить о том, что ему плохо. А многим из нас и вправду очень плохо. Когда человек трезв, ему не легче, но тогда он об этом кричать не может — стыдно. Мы — люди гордые и потому одинокие. Мы разучились любить, даже если когда-то и умели. Мир, который мы для себя создали и в котором пытаемся выживать, это мир греха. Он не рассчитан на сентиментальных людей. После вечерней службы мы пили чай в трапезной, согреваясь после купания в ледяной крещенской воде. Один из наших московских знакомых — удачливый бизнесмен — вдруг говорит: «А я вот только вас одних и люблю, а всех остальных просто ненавижу!..» И в этой ненависти он не одинок. Ненависть как зараза поражает сегодня души людей. Особенно это заметно у детей — они гораздо непосредственнее выражают свои эмоции. Причем нередко родители сами задают им такие психологические установки. Несколько лет тому назад мы пытались ввести в первых классах нашей общеобразовательной школы предмет «Основы нравственности». Поскольку планировалось факультативное преподавание, обратились к родителям за согласием. Так вот, суть по меньшей мере трети ответов сводилась к одному: «Наше время — время волков, а вы хотите нашим деткам, которым придется жить в стае, притупить клыки. Не позволим! Наш девиз — „выживает сильнейший“!» Процентом сорок ответили: «А нам все равно. Хотите — преподавайте, хотите — нет». То есть им безразлично, какими вырастут их дети. И лишь четвертая часть родителей думают не столько об остроте клыков своих чад, сколько о чистоте их душ и сердец. Только на этих детишек мы и можем рассчитывать в будущем. Завтра им придется сражаться с волками, а, значит, уже сегодня мы должны их к этому подготовить, иначе всем нам вскоре придется или бежать в серой стае, или лежать с перерезанным горлом. Когда говоришь с пьяненьким, он, как правило, плачет, хочет покаяться, просит отпустить грехи, обещает завтра же непременно быть в храме, всю жизнь начать с чистого листа. Но я-то знаю, что ни завтра, ни послезавтра в церковь он не придет. Еще не известно, кивнет ли он мне при встрече протрезвевшей головой. Ему будет мучительно за проявление минутной слабости. Потому и бежит батюшка от всех этих слезливо-сопливых словоизлияний, предупреждая завтрашние угрюмые взгляды своих знакомцев. Таково отношение к священнику обычного выпившего человека, так сказать, рядового гражданина. Записные выпивохи, как правило, встречают батюшку бурным восторгом. Если в компании есть женщина, то обычно она стыдливо отворачивается или прикрывает лицо ладонью. Женщины, даже опустившиеся, все-таки помнят о том, что они — женщины. Перед священником им как-то неудобно. Кстати, выпившие женщины никогда не станут разговаривать с иереем о личном. Они начинают истово креститься на батюшку, как на ожившую икону, оставляют свою трапезу, подбегают, экзальтированно целуют руки, просят благословения. При этом не помню, чтобы кто-нибудь из них в такие моменты попрошайничал. Но вот что я заметил: как бы они ни выражали свою радость от встречи со священником, в какие

бы разговоры ни вступали, никогда ни одна не предложила мне вместе с ней выпить. Однажды вечером пришлось мне совершать требу на дому. Освящал чье-то жилище. И вот, выхожу я из подъезда, в одной руке у меня — саквояж, в другой — кадило. Очищать кадило от сгоревшего ладана необходимо только на улице. Нельзя выбрасывать его содержимое в канализацию или в мусорное ведро. Вижу, что на скамейке, на которую я рассчитывал поставить свой саквояж, уже «набросана», как говорит наша староста, нехитрая закуска, расставлены бутылки и одноразовые стаканчики. Мужички, увидев меня, смекнули, что мне нужно, и тут же потеснились, освободив половину лавки. Я поблагодарил их и стал укладывать свои вещи. Один из выпивающих принялся извиняться передо мной, что вот, мол, они здесь распивают, мешают мне... Затем в разговор вступил его собутыльник, и вот уже они оба говорили мне, что живут, конечно, грешно, но без бутылки на этом свете — совсем тоскливо. Искренний тон моих новых знакомых подкупил меня. Я ответил, что и сам — человек грешный и ни в коем случае не осуждаю их. Мои собеседники поняли мои слова буквально, применив их к конкретной ситуации. Они сразу же прекратили жаловаться на жизнь и на свое беспробудное пьянство. — Нет, батюшка! — заявили они мне. — Это мы — грешники и алкаши, а ты — святой и должен оставаться святым. Так что завязывай ты с этим делом... Тогда-то я и понял, почему мои знакомые пьянчужки никогда не предлагали мне выпить. В их глазах священник — это ниточка, связующая их с тем особым миром надежды, где живет правда, где действительно никто никого не обижает, где царит любовь. И он непременно существует где-то там, тот таинственный град (град-Китеж). Китеж — город-сказка, город-мечта, где эти надорванные алкоголем души вместо презрения и побоев обретут мир и покой. Конечно, они недостойны его, но все же... Если же священник станет пить вместе с ними, то и сам окажется отринутым от того горнего мира, а все их чаяния, которые они, может быть, никогда и не сформулируют, но обязательно таят в себе, окажутся лишь зыбким фантомом, пустышкой... Может быть, и народ наш, который мы считаем неверующим и частенько осуждаем, терпит нас, священников, закрывает глаза на наши грехи, прощает нас и кормит на свои трудовые копейки, чтобы дожидаться наконец из нашей среды настоящего человека — такого, как преподобный Серафимушка или отец Иоанн Кронштадтский, в котором проявится и отразится Небо. Тогда можно будет подбежать и благодарно припасть к этому реальному свидетельству святости, порадоваться рядом с ним, уподобившись детям в ликующей надежде на то, что Небо, несмотря на всю нашу нечистоту, примет нас, потому что Оно есть и способно любить и прощать.

Звонок

Вечером звонок: «Батюшка, это ты? Виктор беспокоит»... Виктора я знал несколько лет. Он иногда заходил в храм, и, по-моему, один раз даже подходил на исповедь. Жил он хаотично, от одной женщины уходил к другой, попивал запойно. Помню, он ещё приглашал меня его старенькую маму причастить, та в 1941-ом служила в Москве в подразделении противозвушной обороны, запускала в небо аэростаты. Так вот, звонит Виктор и говорит мне: - Всё, надоело! Решил с собой покончить! Я ответил: - Рад за тебя. Вот это действительно мужское решение! Как ты, кстати, собираешься это сделать? Мой собеседник замолчал. Видимо, его несколько обезкуражил мой ответ. Он наверно думал, что я буду его отговаривать от «неразумного шага», а я напротив, его одобрил... - Не знаю ещё, может повешусь? Или застрелюсь? - предположил Виктор. - Ну это, конечно, не эксклюзив, хотя в наших условиях наиболее подходяще. Только вот мой тебе совет, Виктор: если будешь вешаться, сперва сходи в туалет, а то потом, ты, голубчик, сам понимаешь... Кто тебя отмывать будет? Так и ляжешь... Мой собеседник молчит, я продолжаю: - А если надумаешь стреляться, то стрелять можно, во-первых, в сердце. Но в такой ситуации порой промахиваются, а это тебе не подходит. Ты мужик серьёзный, тебе нужно наверняка. Так что давай, парень, суй пушку в рот. Правда в таком случае у тебя от башки ничего не останется, будешь лежать в гробу без башки. Хотя она тебе уже и не понадобится. Пить-то ты ею уже все равно не будешь... Молчит. Ладно. - Ещё, Вить, ты подумай о тех, кто останется, им же потом придется всё отмывать, и кровь твою и грязь. Ты уж лучше иди куда-нибудь в лес и удавись там по-тихому... А то вот у нас в поселке жил один карточный игрок, он ещё подженился на одной моей знакомой, - так не смог отдать долг и умудрился повеситься у неё дома на дверном косяке. Так вот эта женщина мне тогда сказала: - Не мужик, а дрянь. О нас с дочкой совсем не подумал! Хочешь вешаться, - иди, вешайся в лесу, там деревьев полно! А так ребенка, сволочь, напугал! Ну тут Виктор уже не выдержал, и меня спрашивает: - Тебя послушаешь, так ты как будто ждешь, чтобы я удавился? - Конечно, Вить, мне же тогда и отвечать тебя не придется, хоть за это тебе спасибо скажу! - Нет, батюшка, ты неправильно себя ведешь, - поучает меня мой собеседник, - ты должен меня отговаривать!.. А я так понимаю, что ты как бы и за! Короче, я передумал, - не дождёшься, не увидишь меня без башки! - закончил пьяный человек и бросил в сердцах трубку... Ну, слава Богу, этого отговорил. Сколько у меня было таких звонков, кто считал? А сколько их мне так и не позвонило... Недавно разговаривал с одним монахом высокой духовной жизни. Спрашиваю его: «Почему у нас сегодня так по-скотски умирает множество людей»? Старец (говорят он наизусть знает всю Псалтирь) ответил мне стихами 54 псалма: «Да постигнет их смерть, и да сойдут они живыми во ад, ибо лукавство в жилищах их, среди них». А что, разве люди, о которых ты спрашиваешь, были живы? Что есть понятие «жизни» в Церкви? Жизнь Духа. Жив тот, кто очнулся, пришёл в себя, как в притче о блудном сыне, и вернулся к Отцу. А кто продолжает жить по закону мира сего, по сути своей мёртв, он уже во аде. Рай и ад начинаются на земле, а в вечности только продолжается выбор человека, сделанный им ещё в земном бытии. Боязни смерти в том понимании, в котором мыслит мир, в Священном Писании нет. Дочь Иаира, сын Наинской вдовы, Лазарь, они только «спали», а смерть для Христа — это смерть от греха. Церковь это лечебница, в которой происходит исцеление от греха, и спасение от смерти. Другого пути спасения,

кроме как через Церковь, у человека нет. Так что, формулируй свой вопрос иначе». Действительно, грех опускает человека на уровень животного мировосприятия, а порой и вовсе превращает в «овощ», безвольный и безсовестный. Одно время, в нашей школе преподавал иностранные языки мужчина. Мужчина-учитель сегодня явление редкое, поэтому Иван Ивановича знал весь поселок. В перестроечные годы учителя у нас стали постепенно опускать планку требовательности, и в первую очередь к самим себе. Я даже слышал о случаях распития учителями вместе с учениками... Не знаю, может, болтают, но Иван Иванович действительно, "оседлав зеленого змия", постепенно, но неуклонно скатывался в «овощехранилище». Сначала его пытались усюветить, объявляли выговора. А потом и вовсе уволили за систематическое пьянство. Поначалу он пытался ещё где-то работать, но потом занялся рытьём могил, что, в конце концов, только всё и усугубило... Как-то имел с ним разговор: приходи, мол, Иван Иванович - в храм, может и остановишься. Но тот мне отвечал, что его же весь поселок знает, он хотя и бывший, но учитель, и неудобно ему в храме с неграмотными бабульками креститься, иконы «облизывать», он же ведь, все-таки интеллигент, «человек разумный»... Время шло, и года через два после нашего с ним разговора, где-то по весне, когда днем на улице уже пригревает солнышко и появляются лужицы, что потом замерзают ночью, мы обнаружили Иван Ивановича, лежащим возле нашего храма. «Вот тебе раз», подумал я, «что привело учёного человека в «обитель мрачных суеверий», как учили в своё время в пединститутах»? Учитель был не в состоянии дать мне вразумительный ответ. Пьян был, как обычно, но жалко человека, что он будет лежать в мокром снегу. Вышел я на дорогу, поймал проезжавшую мимо машину и упрямил знакомого водителя завести бедолагу в поселок. Каково же было моё удивление, когда часа через 3-4 я вдруг обнаруживаю Иван Ивановича, выходящего нетвёрдым шагом у нас из-за храма. Значит, он вновь, преодолев расстояние, вернулся к нам. Зачем? Что его влечёт? Почему ему нужно валяться именно у нас? Пока я размышлял, Иван Иванович сполз, держась за стену храма, и улегся рядом на мокрую отмостку. «Вот ведь, думаю, принесла его нелёгкая». Что же делать? Полицию не дозовешься, вытрезвителей нет, что делать? Вновь стал искать возможность перевезти учителя в посёлок, всё-таки полтора километра, пешком он такой не дойдет. Снова ловлю фургончик, грузим в него Иван Ивановича, и уже за денешки отправляем домой. Можно готовиться к вечерней службе. Каково же было моё удивление и возмущение, когда, придя вечером в храм, я увидел всё того же Иван Ивановича, лежащим на дорожке, ведущей в храм. Да что же тебе так наша земля приглянулась, мил человек? Ну, лежал бы где-нибудь в посёлке, там и места много и подъездов полно, и тех же лавочек, так ведь нет, всё к нам. Оттащили мы его на деревянное крылечко дома напротив храма. Снова нам забота, да ещё перед самой службой. И вновь меня выручили знакомые ребята. Я им уж говорю: «Привяжите его там к какому-нибудь дереву, что ли, замучил он меня. Не бросишь же в такую погоду человека валяться в снегу». Ребята посмеялись и обещали помочь. На следующий день, раненько утречком я спешил в храм на Литургию. Ночью зима возвращала отвоёванные весной позиции, лужи замерзли, и лёд хрустел у меня под ногами. Наш огромный белый храм стоит на возвышенности, величественно выплывая из-за речки навстречу идущему. Как всегда восхищаюсь его красотой! Вот я уже приближаюсь к калитке, и вдруг вижу всё того же учителя, лежащего в луже, с вмёрзшей в лёд головой, и неестественно вывернутой вверх окоченевшей правой рукой. Не Иван Иванович, а чисто - убитый немец из военной кинохроники боёв под Москвой в декабре 1941-го... Долго для нас оставалось загадкой, что же так тянуло к нам покойного. И только по лету, разбирая штабеля старых досок, мы обнаружили его схрон, в котором стояли ещё непочатыми две бутылки дешевой водки. Видимо копали ребята могилку, а рассчитались с копаками натурой, тогда, видать, и спрятал учитель свою долю у нас за храмом. Вот так и отдал Богу душу бывший педагог и интеллигент Иван Иванович... Удивительное дело, в храм придти человеку было стыдно, молиться стыдно, на колени встать перед святыми образами - не дозовёшься. А по канавам валяться - не стыдно, и от водки издыхать - тоже не стыдно. Какое, всё-таки, извращенное сознание - «человек греховный»...

Плачущий Ангел

Нет, что бы там телевизор не говорил, а кризисы нам нужны, очень нужны. Хотя бы иногда. Ведь кризис - это по-гречески означает «суд», а мы добавим «Божий суд». Бич Божий по нашим ледяным сердцам. Может, хоть так, через желудок, понемногу будем обретать потерянный нами Образ. Научимся смотреть друг на друга, и видеть в другом - человека, а может и сочувствовать начнем? А то ведь все забыли... Отмечали 65-летие снятия блокады Ленинграда. Дата значительная, Президент приезжал. Собрали блокадников, кто еще в силах, концерт им показали. Попытались на всю страну донести боль тех дней, да кто услышит? Разве можно понять блокадников, слушая по телевизору дневник голодной девочки, и ужинать, например? Да не поймем мы их, пока не испытаем голод на собственной шкуре. Сытый - голодному, как известно, - не товарищ. Лечу по поселку. Мне дорогу пересекает молодая женщина, мусор выбрасывать идет. Пакет прозрачный, а в нем булка (батон по-московски) белого хлеба. Хорошо живем, - и, слава Богу, что хорошо... Мой отец в семилетнем возрасте пережил голодомор на Украине в тридцать третьем. Дед мой крестьянствовал, мудрый был человек, молился постоянно. Может, это Господь ему и подсказал, он тогда весь хлеб закопал в огороде. Закапывали с бабушкой ночью, без детей, чтобы никто не проговорился. Когда пришли те, кто унес всю пищу из дома, то в печи в казане каша была. А как уходили, так эту кашу один из них на пол опрокинул, а потом на неё ногой наступил. - Зачем? Сейчас там во всем москалей винят. Не знаю, но грабили людей - свои же сельчане, и брали не только еду, но и вещи, - все, что приглянется. С папы моего, семилетнего ребенка, безрукавку сняли. Только ведь Бог поругаем не бывает. Хоть и лебеду, и кору ели, но всей семьей выжили, а из грабителей и их детей никого не осталось. Папа не любит об этом вспоминать. Как-то на мои расспросы, ответил: - Тогда много людей умерло. Утром встанешь, выбежишь на улицу, а по дороге трупы. Через

наше село много людей шло в город, думали там спасутся. Как-то раз утром проснулись, а у нас сквозь штахетник рука торчит, как – будто просит, а человек уже мертвый. Людей ели. Не хочу все это и помнить. Но если можно выкинуть что-то из памяти, но нельзя лишиться памяти голодавшую плоть, – такая память укореняется в подсознании и становится частью тебя. Я еще мальчишкой замечал, как кто к нам домой придет, кто бы ни был, – папа всегда предлагал гостям покушать. Как-то купили мы в одной деревне четвертушку туши свиньи, тогда с мясом было трудно. Набили морозилку, что-то засолили, а часть нужно было пускать в еду. Мама тогда нажарила целое ведро котлет. Мы их ели, ели..., смотреть я уже на них не мог. Говорю маме: «Не могу я их есть, надоели мне котлеты». Услышал папа, и повторил в задумчивости мою фразу. Не передразнил, а именно повторил, для того, наверное, чтобы понять. И говорит снова себе с удивлением: «Надо же – котлеты могут надоест». Ангел Прасковьюшка У меня много лет была помощницей в алтаре – бабушка Прасковья. Редко мне приходилось встречать людей такой кротости и смирения. Из церкви не выходила. Молилась Богу – как с другом разговаривала, и Он её слышал. Помню, пришло время, и отказали ей ноги. Просит: «Господи, как же мне без храма? Помогни». Помолилась, встала и пошла в храм. Затем новая напасть - ослепла. «Господи, как же мне батюшке помогать без глаз? Верни мне глазки». И зрение вернулось. Носила очки с толстенными линзами, но видела, и даже Псалтирь могла читать. Я называл её «мой добрый ангел, моя палочка выручалочка». До последнего времени, пока совсем не слегла, пекла просфоры. Когда уж совсем не смогла работать, сидела в просфорной, и пока другие работали, молилась. Когда пришло ее время уходить в лучший мир, Прасковьюшка отнеслась к этому спокойно и ответственно. Исповедовалась несколько раз, всю свою жизнь, как тесто, пальчиками перетерла. Но замечаю, что что-то гнетет мою помощницу. Спрашиваю её, а она и отвечает: – Грех у меня есть, батюшка, страшный грех моей юности. Плачу о нем постоянно и боюсь, что Господь меня, такую, не допустит к Себе. Мы знаем свои грехи юности, помоги нам Господи. Но чтобы такой церковный молящийся человек, как моя алтарница, до сих пор носила его в себе? – Неужто не каялась, Прасковьюшка? – Каялась, да все он мне о себе напоминает, так перед глазами и стоит. – Ну тогда вновь покайся, чтобы душа у тебя не болела. На исповедь Прасковья принесла листок бумаги с написанными на нем большими буквами двумя словами: «Я кусячица шпекулярка». Видать, язык у неё от стыда не поворачивался, чтобы произнести написанное вслух. – Это на каком языке написано, друг мой? – спросил я её. Я забыл сказать, бабушка говорила на своем деревенском наречии, в войну они жили недалеко от Муром, и видимо, там так говорили. Её речь изобиловала подобными словечками. Меня это постоянно забавляло и умиляло. Все хотел записать, да так и не собрался. В ответ она расплакалась и призналась, что это её самый страшный грех. В годы войны, когда отца забрали на фронт, в семье остались пятеро детей, из которых Прасковьюшка была старшей. Вот тогда они узнали, что такое голод. Жесточайшей экономией удалось набрать денег и купить в Муроме на рынке буханку хлеба. Дрожащими руками голодный двенадцатилетний ребенок разрезал хлеб на десять кусков и шел продавать его на станцию солдатам из воинских эшелонов, что шли на фронт. На вырученные деньги она уже могла купить больше хлеба, часть домой, и буханку, вновь на продажу. По нашим временам, какой же это грех? Нормальный бизнес. – Они же, солдатики молоденькие, сами голодные, на фронт умирать ехали, а я на них «шпекулярила». – И плачет, плачет человек по-детски горько, размазывая по щекам слезы своими старческими кулачками. Как нам понять их, это поколение стариков, которое вынесло столько страданий, и сумело остаться на такой высоте кристально нравственной чистоты? Как же так получилось, что вырастили они нас, поколения сытых и равнодушных. Смотрим на них, штурмующих почту в очереди за нищенской пенсией, или часами просиживающих в больнице в надежде на бесплатный прием, и кроме раздражения, ничего к ним не испытываем... Пришел однажды старенькую бабушку причастить. Прощаюсь уже, а она и говорит мне: – Жалко сейчас помирать. Жить-то как хорошо стали. Вон, мы в обед за стол садимся, так целую буханку хлеба кладем. Целая буханка хлеба для старушки – критерий счастливой жизни... Нет, что бы там телевизор не говорил, а кризисы нам нужны, очень нужны. Хотя бы иногда. Ведь кризис – это по-гречески означает «суд», а мы добавим «Божий суд». Бич Божий по нашим ледяным сердцам. Может, хоть так, через желудок, понемногу будем обретать потерянный нами Образ. Научимся смотреть друг на друга, и видеть в другом – человека, а может и сочувствовать начнем? А то ведь все забыли... Иду, смотрю на молодую женщину, что несет хлеб на помойку, а вижу не её, а моего кроткого и смиренного ангела (Прасковьюшку), плачущего невидящими глазами в очках с толстенными линзами, с его такими сегодня смешными и неуместными «кусячила» и «шпекулярила».

Милость Божия

Как зарядил со вчерашнего дня дождик, так и льёт. А я сегодня, невзирая ни на что - на велосипед и в лес. Вся душа изболелась смотреть как люди грибы несут, почитай уже недели две, а у меня ни одного свободного дня. Так что, если бы сегодня даже ливень пошёл, всё одно бы поехал, просто, другого времени нет. Вымок, конечно, зато в лесу благодать, никого. Душу отвёл за весь год. Потом к нашей прихожанке бабушке Рае в деревню. Её дом в самом конце, родительский ещё. Снаружи весь покосился, а изнутри вполне ещё приличный, и главное - отличная русская печка имеется. Вот в этой печи она мне грибочки и высушит, а потом я их детям отдам. Тётя Рая перебирает на столе грибы и всё не нахвалится: - Ах, грибочки какие, заглядение. Вот просто брал бы сырьём и ел, такие они хорошие. Я смеюсь, а она: - Ой, батюшка, припрёт не только грибочки, а кору жевать станешь. Мы, помню, после войны в 46 - 47, ох как голодали. Пять человек детей у мамки, отец без вести пропал. Как сейчас перед глазами стоит, Пасха 47-го года. В доме ничего нет съестного, ну, вообще, ничего. Сорок шестой сам по себе голодный, неурожай, а ещё и картошка не уродилась. В доме ни крошки, мы с меньшим братом уже пухнуть начали. Всё у

мамки хлеба просим. А она так руки развела и говорит, не кричит на нас. а говорит: - Нету у меня ничего, нате, ешьте меня саму. Спряталась от нас в подклеть, а нам страшно, мамки нету. Где ты, мамка? Ищем плачем уже в голос. Тут средний брат её в подклети увидал и кричит нам: - Вон, вон она! Не бойтесь, нашлась наша мамка! Сколькo радости была, мамочка нашлась. Выходим на двор, глядь, а на крыльце целый узел еды. Открываем, а там, куски хлеба какие недоеденные, даже от пирога кусок. Главное, много так. Потом-то мы догадались, что это тётя Валя Кузюкина с нами поделилась. Они побираться ходили, а мы нет. Мамка гордая была, не могла просить. Да и кого побирать, говорила, у всех детей человек по пять - шесть, и мужиков никого. А тётя Валя, вишь, пожалела нас, поделилась. Мы сейчас вона как Пасху встречаем, праздник праздников, и на столе чего только нет. За стол садисься берёшь кусок кулича, так он прямо - таки во рту тает. Только как бы он ни таял, а ведь вкуснее как с теми объедками никогда я больше Пасху не встречала. Потом повела руками по белым грибочкам: - Какая красота, батюшка, пахнут-то они как, а? Вот она, милость Божия. Знаешь что, поставлю сейчас твои грибки в печку. а сама рвану в лес. Ну и что, что дождь, это всё пустяки. Ты мне своими грибами нутро зажёг, страсть до чего самой пособирать захотелось.

Старики и мы

В пятницу соборовал и причащал старенькую-старенькую бабушку. Ей уже за 90, ходить - не ходит, но сердце крепкое и кушает хорошо. Старческие болезни наступили уже давно, мучается человек и никак не помирает. Сама страдает, и дочь устала. Бабушка эта когда-то была нашей старейшей прихожанкой, поэтому все священнодействия я совершал с особым чувством... Кто знает, может, я её в последний раз причащаю? Уже на выходе мне ее дочь и говорит: - Спасибо тебе, батюшка. Ты так хорошо все сделал, теперь - то уж она точно умрет! Совсем телевизор народ испортил, уже и священника в киллеры записали. Не понимают, что соборуют мы людей не для того, чтобы они умирали, а чтобы исцелялись душевно и поправлялись телесно. Нет в последовании Таинства Соборования, или Елеосвящения ни одного слова о смерти. - Не верят... давай, батюшка, «мочи» бабушку... Старость, болезни - это страдания как одних, так и для других. Долгая жизнь, действительно, благословение или проклятие? Вопрос о страданиях - краеугольный вопрос нашего бытия. И не знаешь для кого страдания важнее. Для тех, кто мучается и умирает, или для тех, кто находится рядом с умирающим. Сегодня мы все чаще и чаще слышим об эвтаназии. На самом деле она у нас давно уже действует, только нелегально. Как удобно, укольчик бабушке сделали, и нет проблем! Помолились, конечно, поплакали, как положено, а все ж как удобно. Ты не видишь страданий близкого человека. Ты не видишь его боли, тебе не нужно сопереживать... И с практической стороны, смотрите: 1. высвобождается жилплощадь для внуков, - раз; 2. не нужна сиделка, - два; 3. ты свободен и волен планировать свое время; 4. и масса других удобств. 5. А государству какая польза! Нет нужды платить пенсии, инвалидные, выделять бесплатные лекарства. А дома престарелых, забыли? Сплошная экономия... Все чаще и чаще по телевизору ведется непрямая, но последовательная агитация за введение у нас эвтаназии. Увы, общество стареет, и другого выхода не видит. К середине века на каждого работающего будет приходиться по одному пенсионеру. Но есть здесь и другая сторона. Вот, у дочери нашей старосты парализовало свекра. У них самих квартирка двушка, одна комнатка проходная, сами, да еще двое детей. Если брать деда, то куда девать шкаф, стол? Советуется с матерью, вот мол, его дочь отказалась, и нам тоже некуда. Мать отвечает, ничего, на кухне устройтесь, а деда берите. Послушались, взяли. Больше всех деду обрадовался внук Санька, он не отходил от старика, рассказывал ему новости, читал сказки, рядом с дедом даже уроки делал. Короче говоря, тому деваться было некуда, быстренько поправился и бегом домой. - А вот теперь, дочка, - говорит мама, - твои дети точно знают, как поступать с вами в такой же ситуации. Не оставят умирать в больнице на чужих руках. Вот так вырабатывается поведенческий алгоритм, или инстинкт. Вспомните академика Павлова с его собачкой. Человечность воспитывается. Однажды, как-то, женщина плакала в храме: мать у нее уже совсем из ума выжила, под себя ходила, а потом по стенке рисовала, как ребенок. - Устала, - говорит, - от нее, довела меня до белого каления. И уж не знаю, как это у меня вышло, но ударила я её, батюшка, а в ночь она у меня умерла. Как будто специально все было подстроено... Не хочу никого осуждать, ухаживать за больными родственниками - это крест. И в тоже время, все, что Господь нам посылает, - посылает для нашей же пользы. Ведь нам надо так жизнь прожить, чтобы на выходе Человеком стать. А для этого, нужно сперва в себе Кощея победить, а потом уж и лягушачью шкурку жечь. Это не просто. Вот кается человек перед смертью, плачет, говорит, что сожалеет о грехах прошлого, но этого мало. Чтобы быть сродным Небу, нужно еще и опыт небесной жизни иметь. Разве станешь Человеком, не преодолев в себе грех, разве научишься чему-либо без многих трудов? Подвиг нужен. Рай и ад начинаются на земле. Личность не формируется вне отношений с Богом. Ухаживая за старыми и немощными, мы, прежде всего, сами становимся сильными, терпеливыми, милосердными, самоотверженными. А если начнем подрезать стариков и больных, то и не заметим, как все это душегубство на поток поставим. В кого же мы тогда превратимся? Посмотрите, реклама нам вдалбливает: живи для удовольствия. А что, разве жизнь сплошное удовольствие? И цель жизни только в кафе? Тогда идеал жизни - это наркоман с глазами под лоб... Жизнь - вещь крайне жесткая. Из нее все больше уходят чувства, способность сопереживать, способность жертвовать чем-то значительным для других. Христианство и поиск удовольствий - понятия несовместимые. Мы привыкли к удобствам. Мне кажется, когда придет антихрист, ему будет достаточно отключить в домах недовольных свет и воду, и мы на коленях к нему поползем. Чтобы быть способным на протест - нужно быть Человеком. Посмотрите, как разворачивается логика событий. В течение последней сотни лет нас методично подводят под какой-то усредненный знаменатель. Пытаются вместить в

прокрустово ложе одинаковости. Личность, как таковая, становится нежелательна, сегодня торжество середнячков. Общество рационализируется и подчиняется закону конвейера. Все детали должны становиться строго на свои позиции, любое отклонение от среднего – брак. Не общество, а работающий механизм, где изношенные гайки выбрасывают, потому, что они – ничто. Вспомните, до революции были разные сословия, и люди разных сословий отличались друг от друга. Перейти из одного сословия в другое было непросто. В первые десятилетия советской власти еще можно было узнать в толпе – учителя или врача, по военной выправке угадать казенного человека. Сегодня невозможно понять, кто есть кто. Отличаемся только по стоимости одежды и автомобилей, вот и ломай голову – кто перед тобой, предприниматель или бандит, нищий или педагог. Серая ограниченная масса, отсутствие индивидуальностей. Думаю, что это одна из причин, почему наш Владыка требует от нас, своих священников, отличаться внешним видом, чтобы мы были узнаваемы и без облачения. Есть такая секта «Богородичный центр», в ней для вновь иницируемых – обязательное условие: ударить мать, а если её уже нет – нагадить на её могилку. После этого ты становишься отморожком, ты на все способен... Нам же предлагают, – мать вообще убить, – ради её же блага и нашего удовольствия. Неслучайно общество сегодня разделяется на тех, кто уже способен убить свою мать, и тех, кто этого не сделает ни при каких обстоятельствах. Пришел к одной женщине, ее старенькая мама уже совсем впала в детство, и десять месяцев лежала и ходила под себя. Все это время её дочь каждый день после работы бежала в дом матери: убирала, стирала, кормила, подмывала, а потом домой – там семья. И так все десять месяцев, без выходных. Я спросил её, а почему бы тебе не сдать мать в дом престарелых? Сдашь – и ни каких забот. – Ты что говоришь, батюшка! Это же моя мать, сколько времени она за мной ходила, как же я ее сейчас предам? Мой вопрос, видимо, тоже был для её души каким-то рубиконом, потому что через несколько дней бабушки не стало. Пишу и вспоминаю разговор с этой женщиной, её усталые глаза, натруженные руки с набухшими узелками вен. Время прошло, но до сих пор, вспоминая нашу встречу, у меня не исчезает желание, возникшее тогда, поклониться и поцеловать эти руки.

Большой Гена

Было это давно, году в 2001-ом. Помню, в храм пришел пожилой сухощавый мужчина высокого роста. Пришел в воскресенье, день для нас самый напряженный. В воскресенье мы и служим полдня, и многие специально приходят пообщаться со священником... Пришел он без всяких предварительных договоренностей и просит его крестить. Говорю ему: – Отец, может, в другой день встретимся? А он: – Нет, батюшка, крести сейчас, я так долго собирался духом, что боюсь, этого духа мне на большее и не хватит. Чтобы крестить Большого Гену (это уж мне потом сказали его прозвище), нужно было затратить не меньше сорока минут. Значит, кому-то придется ждать. Гена принадлежал к тем людям, которые, крестившись, больше в церковь не приходят. Вроде и крестить его без дальнейшего продолжения не имело смысла, но и возраст Гены внушал уважение. Не окрещу его сейчас, потом, глядишь, вообще не придет, а помрет, так я себе потом места не найду, совесть замучает. Это же не игрушка, – душа человеческая, – с меня же за нее потом спросят. И пришлось мне крестить Большого Гену в воскресный день, хотя и сердце мое было к этому не расположено. И вот, когда уже завершал таинство, я бросил взгляд на Гену, а он одевает на себя новенькую белую маечку и крестик рукой к груди прижимает. Потом, смотрю, жена подходит и подает ему свежую белую рубашку. Вот только тогда я поверил Гене. Понял, что его поход в церковь, действительно, дался ему большим усилием. Он по-своему готовился к нему, и крещение принял трепетно и как-то по-детски торжественно. Его встреча с Богом состоялась. Никогда больше я не видел, чтобы взрослый человек себе крестильную рубашку готовил, или из темной в белую одежду переодевался. Белый цвет – символ душевной чистоты, наступающей после Таинства, и Гена это понимал каким-то наитием. Недооценил я его порыва. Мне стало стыдно, что с самого начала отнесся невнимательно к этой душе. Мы потом с ним еще говорили, рассказал ему как надо молиться, приглашал приходить на Литургию, но, как и предполагал, в храме я его больше не видел. Не думаю, чтобы он куда-то в другое место ездил. Потихоньку я уже было стал забывать о Большом Гене, как вдруг он вновь напомнил о себе. Мы тогда четыре года подряд, Великим Постом, ходили по квартирам в поселке и собирали пожертвования. Во-первых, была нужда восстанавливать храм, приводить его в Божеский вид, а, во-вторых, и это было, на самом деле, главная цель наших походов, – постучать в каждую дверь и сказать: «Посмотри, вон там, на горе – храм. Подними глаза, задумайся о вечности и приходи». Перед тем, как отправлять сборщиков по квартирам, мы их долго готовили, специально отбирали людей постарше, к ним больше уважения. Молились о них и с ними. В каждый дом ходили только те, кто в нем и жил. Жители домов должны были знать церковных ходяков в лицо. Ходили по двое, как в Евангелии (Господь посылал Апостолов на проповедь). Независимо от размера пожертвования, сборщики переписывали имена всех крещеных насельников квартиры, а потом священник поминал этих людей на Проскомидии. Четыре года подряд мы поминали поименно почти всех жителей поселка. Денег, правда, собрали немного, но зато достучались до каждой семьи, а уж решать каждый должен сам. По сотне душ каждый год отпеваем. За четыре года это четыреста человек. Может, кто-нибудь из них и услышал. Что только не испытали на себе наши апостолы. И прогоняли их, и оскорбляли. Не понимаю я: ну не хочешь жертвовать, так закрой тихонько дверь, или дай десять копеек для смеха, но зачем обижать пожилых людей, ты же с ними в одном дворе живешь. Как потом в глаза им смотреть будешь? А кричать зачем? – Наверно, чтобы себя же и уверить в своей правоте. Возвращается к тебе такой сборщик и говорит со слезами: «Батюшка, уволь, не могу больше! Сил нет, все это выслушивать!» А на другой день подойдет и вновь просит благословения продолжать: «Кто им еще о Боге скажет? Иеговисты? Да и не все нас обижают, далеко не все, многие благодарят, что пришли, чаем угощают.

Дальше пойдём». Смотришь на ведомости пожертвований и удивляешься, - самыми скарредными оказываются люди самые зажиточные. Значительные предприниматели. Жертвовали они в основном рублём по десять, редко кто давал двадцать. Бедняки – сердечнее. Самый богатый человек в поселке, в первый же год, вышел из квартиры, развернул моих апостолов лицом к лестничному пролету и предупредил: «Придете еще хоть раз, скину головой вниз». Может потому он и такой богатый? Хотя, наверное, я впадаю в осуждение. К людям состоятельным и без нас много просителей приходит, надоели... Но, возвращаюсь к Большому Гене. В его дом пришли мои проповедники. Гена открыл им дверь, обрадовался и пригласил войти. Он был один, хозяйка ушла на весь день. На просьбу сборщиков отреагировал без колебаний. Достал заветные десять рублей и сказал: «Мне жена на пиво выдает по десятке на два дня, остальные прячет. Так что это все, что у меня есть, можно я их отдам»? Рассказывают: отдал и так обрадовался, что даже прослезился. В ту же ночь Большой Гена умер. Он не болел ничем и не собирался умирать. Но, видимо, Господь на самом деле забирает человека в самый подходящий для него момент. На максимуме каком-то, что ли. На максимуме добра или зла. И у каждого он, максимум, – свой. Для Большого Гены в его отношениях с Богом, в тот день, наверное, наступил момент истины. Он как та вдовица, отдал свои «две лепты», все, что имел, – и его заметили (призрел Господь)! Много воды утекло с тех пор. Многие люди, кому мы безконечно благодарны, и на чьи жертвования восстал наш красавец храм, жертвовали с радостью, но больше, чем Гена, так никто в кружку и не положил. Царство ему Небесное. Я очень хочу в это верить!

Рабоведение

Батюшка читает мулле Нагорную проповедь из Евангелия от Матфея. Мулле все очень нравится. – Так почему же ты не в Православии? – недоумевает батюшка. – А вот если кроме слов, я еще увижу и твою жизнь в соответствии с этими словами, то тогда я смогу стать православным", – ответил мулла... Вы наверно думаете, что я сделал ошибку в заглавии, и должен был написать, какое-нибудь «рыбоведение»... Нет, «Рабоведение» – это новая сфера знаний, наука о рабах (нужно будет термин запатентовать). Время, говорят, по спирали движется, вот мы и приехали. Вам приходилось покупать человека как вещь? А мне пришлось. Лет несколько тому назад – покупал человека за наличный расчет. Так что вот вам небольшой опыт для будущего учебника (сегодня вспоминаю об этом случае, как о курьезе, а тогда было не до смеха). Думаю, ни один храм в провинции, да и в столицах, наверняка не обошелся в своей новейшей истории без мозолистых рук наших братьев-мусульман из Средней Азии. Когда у нас в России появилась необходимость строить, то оказалось, что в бывших союзных республиках только и делали, что готовили специалистов для нашихстроек. Поток азиатов пошел лавиной, их рабочая сила была дешева и востребована. Пару сезонов потрудились узбеки и на строительстве нашего храма. Они нас тогда здорово выручили. С одним из них, бригадиром строителей по имени Файзула, мы даже подружились. Файзула человек грамотный, с высшим образованием, учился в Москве. Безусловно – интеллигент, и по своему внутреннему устройению человек порядочнейший. У него – пятеро детей. Четверым он уже дал высшее образование, девочек выдал замуж, младшенького, естественно, самого любимого, готовит для учебы в медресе (исламском религиозном учебном заведении). Регулярно держит пост, много задавал вопросов по христианству, рассказывал о своей вере. Остальные ребята-строители – молодежь, такие же, как и наши: смешливые и глупые. Немногие из них могут говорить по-русски. В этом есть сложность – договариваться приходилось через бригадира, с ним же и работу принимали. Кто-то работал очень хорошо, кто-то филонил, но это уже была не моя проблема. Деньги им распределял бригадир, и дисциплина у них была как у американцев в Гуантанамо. Штрафовал беспощадно, не взирая на то, что молодежь эта, по большей части, приходилась ему родственниками. Ни капли спиртного, и разных других нарушений, к нашему удовольствию, в бригаде мы не замечали. Отбой в десять, подъем в шесть. Файзула говорил: «Не будет дисциплины, я эту молодежь в течение рабочего сезона в узде не продержу, а мне их еще и родителям вернуть нужно, – в целостности и сохранности». Понятное дело, что при таких порядках будут недовольные. На следующий год несколько вольных племянников откололись от дядьки бригадира. Поехали в Москву самостоятельно – без языка, без денег и головы. Как остальные, не знаю, но одного из них в Москве на вокзале сцапали наши сотрудники милиции. Конечно, наша милиция нас бережет, но эти оказались, как сегодня говорят, «оборотнями в погонах». Из корыстных побуждений эти «оборотни» продали мальчишку, который в первый раз приехал в Москву, привокзальным таксистам, промышляющим работоторговлей. А вот уж когда ты попал к этим людям – твоя жизнь может весьма круто поменяться. Это уж настоящие бандиты. И у них не ищи сочувствия. Вообще, вся эта история напоминает мне фильм о маленьких черепашках, которые выводятся из яиц где-то там, на острове в Тихом океане. Выходя из теплого песка, а выходят они огромным числом, им чуть ли не сотню метров нужно бежать в сторону моря. Все хищники уже собрались и ждут этого часа – здесь и чайки, и вараны, и крабы, а в море еще и хищные рыбы. Так что из тысяч добегают сотня. Вот и эти работяги приезжали к нам, а их на вокзалах уже ждали – и оборотни в погонах, и таксисты-бандиты, а еще и свои "басмачи". Мудрый Файзула всегда нанимал милицию в сопровождение, а вот глупый племянник стал такой черепашкой, которую и съели. – Кто за тебя может заплатить? – спрашивают его, а тот только глазами хлопает. Судьба тех, кого не перекупят, плачевна. Наверно, сегодня этого уже нет, а тогда можно было вообще сгинуть. На счастье, у этого пацаненка, не знаю уж каким образом, оказался номер моего сотового. Дальше началась ну просто комедия. Мне звонят и спрашивают, вы не знаете такого, и называют имя, которое я и специально учив, не повторяю. Думал, кто-то меня разыгрывает, но потом прозвучало имя Файзулы. И я понял, что кто-то из его сродников попался в плен. Спросил сумму, мне назвали, мы поторговались, и я сказал: приезжайте. Все время, пока я ждал гостей, мне рисовались картинки того, как передо мной предстанет

ражий детина с бычьей шеей, на которой будет висеть, на соответствующей цепи, мой православный крест. Понятное дело, для него крест – только украшение, а для меня-то он – вся моя жизнь. Я представил, как этот бандит, с крестом на шее, будет мне, православному попу, продавать мальчишку-мусульманина, и мне стало удушливо стыдно. Что я потом скажу этому узбечу? Какими экономическими трудностями объясню, почему мы так оскотинились? Этот вопрос был тогда для меня столь труден, что я почувствовал, что меня бьет нервная лихорадка. «А может он увидит, что я священник и ему станет стыдно?» – думал я про бандита. «Бывают же такие случаи, наверно? Ведь, должна же и у него быть совесть?» Вот в таких мыслях я и коротал время. Наконец, подъехал черный автомобиль с шашечками на крыше, и из машины вышли: мальчик-подросток и здоровенный амбал, роста, правда, не такого уж и большого, но шея была именно такой, какой я её себе и представлял. Иду навстречу и вижу, что на толстой золотой цепи висит, что бы вы думали? Крест? Нет!! Полумесяц, это был мусульманин (хотя правильные мусульмане не носят на шее полумесяц, но откуда ему, бандиту, было это знать). И как я возликовал! Передо мной стоял татарин-мусульманин, который продавал мне узбекского мальчишка-мусульманина. Мое напряжение моментально улетучилось, и я готов был даже обнять бандита, так он мне стал симпатичен! Таксист с удивлением смотрел на меня. Во-первых, он не ожидал увидеть православного священника, во-вторых, не мог понять: чему это я так радуюсь? – Ты чему радуешься? – спросил он у меня. – Я радуюсь тому, что ты мусульманин, а не православный! Его ум, в отличие от шеи – был тонкий и острый. Ему больше ничего не нужно было объяснять... Я смотрел в маленькие черные глазки бандита и видел, как они начинают ненавидеть меня: – Если бы я знал, что ты поп, – сказал он, в сердцах, – то никогда бы не приехал к тебе. Он получил деньги, но взамен потерял все остальное. Я торжествовал – пускай теперь мой вопрос душит его, если, конечно, эту шею можно хоть чем-то продавить. Я не стал с ним торговаться, забрал мальчишку и документы. После нескольких часов изматывающего ожидания все разрешилось наилучшим образом. Душа моя пела: «Вот так, ребята-мусульмане, как мы вас, а? Потому, что мы выше, нравственнее, порядочнее вас!» Но потом, вспомнив Файзулу, почувствовал, как моя совесть начинает обличать меня, ведь и он тоже мусульманин. Я представил, что если бы мой родственник или друг попал в беду, где-нибудь там, на далеком юге, – неужто Файзула отказал бы ему в помощи, – сложись бы так обстоятельства? Да он последнюю рубашку бы с себя снял! Все куда проще: если ты бандит, или оборотень, или еще какой хищник, то, что бы ни висело на твоей шее – только обличит тебя. Живущий пред лицом Бога, – христианин ли он, или мусульманин, – всегда протянет руку помощи тому, кому она в данный момент нужна, не опускаясь до религиозных и национальных различий. Вера учит: быть самому человеком и видеть в другом – прежде всего человека. И потом, подлинно верующему творить добро так же естественно, как есть хлеб и дышать воздухом. И не нужна никакая благодарность!

Лучшая песня о любви

По соседству с нашим храмом уже лет шестьдесят стоит небольшой поселок, состоящий из нескольких дощатых барачков по две или четыре квартиры. Во время войны там располагалась воинская часть, потом военные ушли, а их землянки и бараки остались. В них поселились люди, потерявшие свои жилища. Когда селились, думали, временно, но оказалось – навсегда. Так возник поселок Снегиревка, по фамилии командира стоявшей там прежде части. У этих людей рождались дети, а потом и внуки, и жили они своим маленьким мирком в своем маленьком поселке. Мало кто из них вышел в значительные люди, но и те, уезжая, начинали стесняться прошлого и почти не привозили своих детей и друзей в бараки своего детства. В одном из таких домиков жила молодая красивая женщина по имени Алена. В жилах ее текла кровь южных славян. Как это нередко случается с симпатичными девчонками, не все у нее ладилось в личной жизни. К тому времени ей уже перевалило за тридцать, а изменений к лучшему все не предвиделось. Алена была женщиной доброй, способной отозваться на чужую беду и прийти на помощь. Однажды летом, уже за полночь, лихой мотоциклист из соседнего городка на большой скорости решил промчаться по Снегиревке, но, не справившись с управлением, вылетел из седла и сильно разбился. Придя в сознание, он еще долго ползал грязный, в крови, с перебитым позвоночником от одного барака к другому, но никто на его крики и плач не отозвался. Только Алена, находясь дома одна, не побоялась так поздно отворить дверь незнакомому человеку, ответить на его мольбу. Не открой она тогда, мотоциклист вряд ли бы выжил, а сейчас у него уже свои дети подрастают... И вдруг — любовь. Страстная и взаимная. Она пришла совершенно неожиданно. Свалилась как снег на голову. Такая любовь, о которой любая женщина может только мечтать. В соседнем городе открылось иностранное предприятие. Тогда у нас это было еще в новинку. К нам приехали немцы. Они привезли с собой старенькое оборудование начала шестидесятых, смонтировали его и заставили варить шоколад. Одним из тех, кто этим занимался, был швейцарец Питер. Потом на фабрику стали набирать местные кадры, взяли и Алену. И, как в сказках говорится, они встретились, чтобы уже больше никогда не расставаться. Через какое-то время молодые люди стали жить вместе, и Питер переехал в барак к Алене. Он научился ладить со своей будущей тещей, перезнакомился со всеми снегиревцами. Как они находили общий язык? Непонятно. Ведь Питер не знал русского. С Аленкой они изъяснялись на странной смеси из нескольких языков, сопровождая ее выразительными жестами. Пришло время окончательно определяться в дальнейшей жизни, и они решили пожениться. Для того чтобы венчаться по православному обряду, Питер принял православие. Крестившись, швейцарец стал русским, и, более того, он стал снегиревцем. После окончания командировки Питер должен был возвращаться в Европу, но Алена не захотела уезжать, и ее муж остался в нашем городе. Так, вместе, они прожили около года. Через какое-то время Питер уехал за границу по делам фирмы. Жена стала его ждать. И вдруг тревожная весть: перед Новым годом

Аленка пропала. Ее искали везде, но только через неделю мать нашла ее в морге в одном из городов соседней области. Оказалось — несчастный случай. Никому ничего не сказав, она уехала за подарками. Дорожки были скользкими, Алена поскользнулась и упала на спину, ударившись головой о бордюр. Смерть наступила мгновенно. До Питера не дозвонились. Как оказалось, никто толком не знал ни его швейцарского адреса, ни срока командировки. Алену похоронили без него. Питер спешил на Рождество к любимой жене, а приехал к ее могиле. Не буду описывать его тоски, я все равно не смогу этого сделать. Он приходил в храм, молился, как мог. Все время, свободное от работы, Питер пропадал на кладбище. Долго так продолжаться не могло. Видя, как человек страдает, близкие Алены стали уговаривать его уехать из России. Питер понимал, что они правы, и стал готовиться к отъезду. Он получил новое назначение и паковал чемоданы. Был уже куплен авиабилет. Буквально накануне отъезда Питер вдруг не пришел ночевать. Утром снегиревцы вышли прочесывать заснеженные окрестности и первым делом пошли на Аленкину могилку. Там его и нашли... С детства помню иллюстрации к сказке Аксакова «Аленький цветочек». На одной из них было изображено чудище лохматое, сердце которого не выдержало тоски по купеческой дочке. Мне всегда было жалко смотреть на него, лежащего бездыханно и обнимающего огромными лапами ненаглядный цветочек. Вот точно так же лежал и Питер на могиле своей жены. Его руки обнимали дорогой его сердцу бугорок ледяной земли, а самого его уже почти занесло снегом. Как потом установили, сердце не выдержало разлуки и остановилось. Отпевали Питера в доме, где они жили вместе с его Аленкой. Наши русские женщины плакали по нему точно так же, как плачут по своим близким людям. Стояли и родственники Питера, прилетевшие из Швейцарии, но на их лицах за все время молитвы (а я украдкой наблюдал за ними) не дрогнул ни один мускул. Когда потом, по окончании отпевания, я через переводчика выразил соболезнования его матери, та только кивнула в ответ, ничего мне не сказав. Хотя кто знает, что творилось в это время в ее материнском сердце? Может быть, швейцарцы, в отличие от нас, просто умеют хорошо скрывать свои чувства? Тело Питера не стали увозить на родину, он так и остался навечно в нашей земле и в нашей памяти. Сейчас на их могиле стоит камень с православным крестом — один на двоих. Бывая в тех местах по делам службы, я частенько захожу к ним и здороваюсь, словно с живыми. До сих пор у меня перед глазами стоит тот день, когда мы прощались с Питером, плачущие по немцу русские женщины и лежащий на журнальном столике, уже никому не нужный билет на самолет с завтрашней датой вылета...

Кузьмич

После войны мужчины в наше село возвращались по одиночке и в разное время. Возвращение каждого из них становилось праздником для всего села. Девятое мая каждый год праздновался у нас как Великий день. С утра все ветераны, надев ордена и медали, уходили в соседний поселок, где установлен памятник тем воинам, которые не вернулись с полей сражений. Там обычно проходил митинг, а потом бывшие солдаты пешком возвращались в село. На подходе к крайнему дому, по заведенной традиции, накрывался стол и все сельчане, те кто не воевал, но ждал своих все эти четыре года, вместе с детьми, а потом и внуками, стояли и встречали мужчин. Каждому подносили по стопке водки, и потом кто-нибудь из молодых говорил благодарственное слово. Ветераны расходились по домам и начинались застолья с песнями и танцами. Веселилось все село. Время шло, и с каждым годом ветеранов становилось все меньше и меньше. Раны, контузии и годы делали свое дело. И, в конце концов, последним солдатом Великой войны в нашем селе остался Иван Кузьмич. Кузьмич — человек судьбы удивительной. Это человек-везунчик. Представьте себе: во время войны он умудрился дважды выжить в авиационных катастрофах! Он служил во фронтовой авиации, летал на тяжелых бомбардировщиках стрелком-радистом. Дважды его самолет сбивали немцы, и он падал на землю, дважды погибал весь экипаж, — все, кроме Кузьмича. Вернувшись домой после войны, бывший летчик решил в корне изменить свою жизнь и несколько раз порывался уехать из села. Собирал чемодан и, не считая нужным поставить в известность об очередном вояже даже свою супругу, отправлялся в путь. Ему, как мужчине ладному и привлекательному, несомненно, удалось бы начать новую, светлую жизнь в каком-нибудь городе. И если б не пристрастие Кузьмича к выпивке, то осталась бы его Анна Ивановна соломенной вдовой. Но проходило время, и возвращался Кузьмич, как правило, без вещей, с пустым чемоданом, а порою и без него. Старая, Кузьмич стал трепетно относиться к собственному здоровью: перестал употреблять крепкие напитки и перешел на пиво, позволяя себе не более одной бутылочки в день. Он дотошно допытывался у врачей о способах лечения без таблеток. И через какое-то время односельчане обратили внимание на то, что Кузьмич практически перестал болеть. Все старики помирают, а Кузьмич — как заговоренный. Много ходил по лесам, работал на огороде, косил и заготавливал сено, держал коровку. Любил плести корзинки, и у многих они остались как память о нем. В свои 90 лет он без видимого напряжения обкашивал вокруг храма гектар наших церковных площадей. Как-то увидел его хромящим и спросил участливо: — Заболел, Иван Кузьмич? — Нет, — отвечает, — на гвоздь наступил. Уже все ветераны войны упокоились на кладбище, а Кузьмич знай себе пивко попивает, причем как молодой, — на ходу! Захожу в магазин в поселке, а старичок наш с молоденькими продавщицами балагурит. Почтенная Анна Ивановна была на 8 лет моложе мужа, уже давно не вставала с постели, а Кузьмич надумал в дом отдыха ехать, да в последний момент что-то не заладилось, — и не решился. На все мои призывы задуматься о возрасте, зайти в храм и покаяться, ну хотя бы в сквернословии, Кузьмич неизменно отвечал: — Нас, батюшка, в детстве этому не научили. И хоть кол ему на голове теши! — Кузьмич, а чему тебя учили? — спрашиваю как-то. И тот, разоткровенничавшись, рассказал мне следующее: «Мы жили в одном селе, рядом с которым издавна стоял монастырь. В двадцатые годы, когда я ходил в школу и стал пионером, наша пионервожатая на уроках труда водила нас на территорию монастыря

бить там окна. Вот этому мы и учились, и преуспели так, что скоро ни одного целого окна в обители не осталось. Учились иконы жечь и вообще, всему самому, как тогда считалось, полезному». Спустя какое-то время я волею случая попал в тот самый монастырь, о котором мне рассказывал Кузьмич. Школа в селе уже была новая, но стояла в аккурат на месте прежней. Так что до монастыря оказалось рукой подать. Встретился с настоятелем обители (мы с ним хорошие знакомцы) и рассказал о Кузьмиче, который когда-то хулиганил в этом древнем монастыре, учрежденном еще до старообрядческого раскола. Наместник монастыря очень обрадовался моей информации. Историк по образованию, он работал тогда над новейшей, самой грустной главой из истории древней святыни. Сожалел, что живых свидетелей разгрома монастыря в двадцатых годах уже не осталось. А тут такой подарок – непосредственный участник тех событий, да еще и наделенной прекрасной памятью. – Отче, жди, на следующей неделе постараемся быть! И действительно, монахи приехали, как и обещали. Мы нашли Кузьмича во дворе его дома. Увидев монахов, да еще идущих к нему, он оробел. А когда я ему радостно сообщил, что это – монахи с его малой родины, той самой, где он с другими малолетними «кузьмичами» рушил древнюю святыню, участник событий понял: – будут бить. Сперва он, было, решил убежать от нас, но потом, осознав, что мы его все равно догоним, напустил на себя вид выжившего из ума человека: – Ничего, дескать, не знаю, ни о чем не помню, – пустив слюну, запричитал. Сколько я ни взывал тогда к совести Кузьмича, все было напрасно. Разочарованные монахи уехали, и я спросил старика: – Ты чего, дед, цирк устроил? Люди к тебе издалека приехали, их история разгрома монастыря интересует, а ты – единственный живой свидетель. Кто им еще чего расскажет? – Ошибаешься, батюшка. Я – не свидетель, я – участник. Вот ты сам посуди. Той училки-пионервожатой уже давно на свете нету. Да и из всего моего класса, почитай, никого не осталось – один я. А кто-то ведь должен за все это отвечать? Я бы им сознался во всем, а они на меня в суд бы и подали, и плати им до конца дней своих! Через какое-то время, проходя мимо деревенской общности, я слышал, как дед бахвалился, что обвел монахов вокруг пальца. – Ничего они у меня не получат! – радостно восклицал он. Кузьмич, после визита к нему монахов, прожил еще год и умер в возрасте девяноста двух лет. Перед смертью не болел ни дня. Пришли к нему утром, а он лежит на диване уже холодный. После отпевания старика я с грустью сказал: – Так ты, Кузьмич, и не покайся. И куда ты теперь? Думал, что про себя говорю, а оказалась, что – вслух, и меня услышала его бывшая соседка: – Ты, батюшка, за Кузьмича не беспокойся, он и не из таких передрыг выходил. Так что выкрутится, ему не впервой! – с полной уверенностью успокоила она меня.

Суд совести

Как-то пригласили меня освятить одну квартиру у нас в посёлке. Звонили по телефону, хотя я обычно прошу, чтобы человек, прежде, чем приглашать священника на дом, сперва сам пришёл в церковь (если он, конечно, в состоянии это сделать) и пообщался со мной. Ведь он же должен понимать, зачем к нему в дом придёт священник. Может быть, для начала и нужен такой разговор. Ведь, прежде чем чистить стены, хорошо бы почистить души. Уйдёт священник из дома, где стали чистыми шкафы и диваны, а источник грязи в сердцах человеческих остаётся. И что же? Снова через год освящать? Звоню в дверь, мне открывает уже седой, но ещё достаточно крепкий мужчина. Его лицо показалось мне знакомым. Где бы я мог его видеть? Конечно, в посёлке с населением в семь тысяч человек, все, хотя бы мельком, видятся друг с другом. Но его лицо было мне не просто знакомо. Имея хорошую память, я стал вспоминать, где же я с ним пересекался. И вспомнил. Я видел его на фотографии среди воинов интернационалистов. Вспомнил, что обратил внимание на его многочисленные боевые награды. Среди них орден Боевого Красного знамени и два ордена Красной звезды. В наше время такие ордена просто так не давали. Хозяин квартиры оказался военным лётчиком. И в своё время совершил, как это сегодня принято называть, несколько командировок в Афганистан. А попросту говоря, воевал в Афгане. Геннадий, так звали офицера, был пилотом бомбардировщика. Он вылетал на позиции, указанные ему командованием, и бомбил места концентрации войск противника. Бомбили и позиции душманов, ну и, естественно, деревни, или аулы, где эти люди жили. Хотя у противника не было своей авиации, зато были переносные зенитные комплексы. С их помощью афганцы научились ловко сбивать наши самолёты. Так что во время полётов всегда приходилось иметь в виду, что ты в любой момент можешь быть сбит. Отсюда и риск, а соответственно и те боевые награды, которыми отметили бывшего бомбардировщика. – Что вас заставило пригласить священника? – спрашиваю его. Вы человек верующий? – Да не так, чтобы очень верующий, скорее, как говорится, Бог у меня в душе. У меня проблемы со здоровьем, батюшка. Пока воевал, всё было хорошо, никаких жалоб, а вот сразу же после войны в организме начался какой-то странный процесс. Мои кости стали истончаться, перестал усваиваться кальций и другие необходимые элементы. Сначала меня списали с лётной работы. А потом и вовсе вынужден был уволиться в запас. Самое главное – непонятна причина заболевания. Меня смотрели многие, более-менее значимые специалисты в этой области. Ничего не могут найти. Болезнь есть, а причины болезни нет. Каждый год кладут в госпиталь, поддерживают лекарствами, но это скорее так, для очистки совести. Изучать меня изучают, но всё без толку. Может, какая порча? Пока Геннадий говорил, я вспомнил рассказ моей мамы о том, как в 41-ом немец бомбил подмосковный городок Павловский-Посад. На железнодорожную станцию сбросили три бомбы. Мама тогда ещё в школе училась. Когда бомбы рвались недалеко от их дома, то было так страшно, что она в поисках убежища забежала в туалет, что стоял у них во дворе, и голову спрятала в то самое отверстие. Когда пришла в себя, то всё удивлялась, почему посчитала туалет самым безопасным местом? Зато потом всегда говорила: – Уж, я-то точно знаю, что означает «потерять голову». – А может быть причина в другом? – Спросил я его. – Может у тебя сперва душа заболела, а уж потом и тело? Ведь ты же

бомбил не только боевиков, но и мирное население, всё тех же детей и женщин. Проклятия матерей, потерявших своих детей, и плач сирот, - они ведь просто так, без последствий, - не проходят. И поразить могут лучше любого "стингера". - Война есть война, - отвечал он мне, - ты же знаешь: «лес рубят - щепки летят». Всегда при таких делах будут жертвы среди невинных. Я и предложил ему для начала покаяться в гибели по его вине вот этих самых невинных «щелок». Он обещал подумать... Через какое-то время мы с ним случайно встретились. - Что, - спрашиваю, - надумал? - Не могу! - говорит. - Покаяться - это значит считать себя неправым. Значит, то, что я делал, должно считаться неправильным? И что же получается, что я прожил жизнь впустую, и должен теперь её стыдиться, крест на ней поставить? - Всякая прожитая жизнь - это школа души. У тебя было много доброго, но и не обошлось и без злого. Пока есть силы покаяться, покайся в неправде, и, на сколько хватит отпущенного тебе времени, делай добро... Вон, начни хотя бы заботиться о каком-нибудь сироте из нашего детского дома. Всё ж зачтётся... В храм он так и не пришёл, при каждой встрече мы сухо раскланиваемся и расходимся, - каждый в свою сторону. Но, я надеюсь, что главный наш с ним разговор ещё впереди... В прошлом году вся страна отмечала годовщину Сталинградской битвы, говорили, естественно, и о военачальниках, мудрость и хладнокровие которых во многом стали залогом этой самой победы. Звучало и имя легендарного генерала Ч., тогда командующего одной из армий. Я тогда старался найти время и посмотреть, хотя бы немного, кадры военной хроники. На одном из телеканалов наткнулся на интервью, взятое в те дни у сына того генерала. И вот, что меня поразило в его словах. Он рассказывал о последних месяцах жизни отца. И отец, вспоминая, обращаясь к сыну, говорил: - Я закрываю глаза и вижу эти бесконечные маршевые роты. Солдаты идут мимо меня сплошными колоннами. Идут умирать. Это всё те люди, которых я посылал в бой. Но разве я виноват в их смерти? Сынок, я же исполнял свой долг командующего, почему же они всё идут и идут перед моими глазами? Когда всё это прекратится? Я же не виноват!..

Мы много и справедливо воздаём должное памяти наших славных маршалов и генералов, ставим им памятники. Но забываем, что они точно такие же люди, как и все остальные, что им тоже когда-то пришлось подводить итоги своей жизни. Но о том, как они умирали, мы ничего не знаем... Как-то в метро, лет десять назад, я видел старенького генерал-полковника, дважды Героя Светского Союза, он куда-то шёл на костылях, еле передвигая ноги. Когда-то он был в силе, когда-то его возили на машине, соответствующей должности. А теперь он немощный старик, который нужен, в лучшем случае, только своим детям, да очередным историкам, пишущим свои очередные диссертации. И ему точно так же, как и рядовому солдату, подошло время отвечать за свою жизнь, и за свои награды, - одному единственному Судии. И предваряется этот суд, - судом собственной совести. И этот суд есть милость Божия, зовущая к покаянию. Но порой оказывается, что не каждый способен вынести даже этот суд... Да что о военачальниках!.. А сколько приходится священнику выслушивать запоздалых слов раскаяния и видеть слёз женщин, которые должны были стать, но так никогда и не стали матерями не родившихся детей. Что может быть страшнее, чем убить ребёнка? Несколько лет назад в одной из газет прочёл о том, что у немецкого нациста №2, Мартина Бормана, - был сын, который носил точно такое же имя. Мальчик практически и не видел отца. Его воспитанием занимались другие люди, но когда фашизм в Германии был разгромлен, отец вспомнил о сыне и велел одному из офицеров своей охраны застрелить мальчика, чтобы он не достался победителям, всё-таки, крестник самого Гитлера. Но офицер пожалел мальчишку и отвёз его куда-то в Австрию, к своим родственникам. Интересно, что со временем соседи догадались, что Мартин Борман, который жил рядом с ними, - есть сын того самого наци, и тем не менее, мальчика никто не обижал. Когда он вырос и узнал о злодеяниях нацистов, и в частности о роли во всех этих делах его собственного отца, то решил стать католическим священником, чтобы хотя бы в какой-то мере принести покаяние за преступления своего родителя. И вот он вспоминал. Уже в начале 60-х к нему в храм пришёл бывший немецкий солдат. Он воевал в Польше и принимал участие в подавлении Варшавского восстания. Как известно, у поляков во время войны было правительство в изгнании, которое находилось в Лондоне. Когда наши войска уже подходили к Варшаве, то это самое Лондонское правительство решило поднять восстание. Но поляки не стали согласовывать свои планы с советским руководством. Сталин знал о начале восстания, но не поддержал восставших. Немцы жесточайшим образом подавили сопротивление. И потом по всему городу поляков беспощадно отлавливали и убивали... Во время одной из таких облав, вспоминал тот солдат, они с офицером попали в какой-то подвал, и когда шли по нему, то внезапно, испугавшись их, из укромного местечка выбежала девочка лет шести. Сначала она пыталась убежать, но те её быстро догнали. Тогда ребёнок повернулся к солдату, и умоляюще смотря ему в глаза, протянула к нему свои ручки и попросила: «Не стреляй!» Солдат вопросительно посмотрел на офицера, а тот махнул рукой, давай, мол, бей. И солдат выстрелил... Прошло почти двадцать лет с тех событий, и солдат, которому повезло остаться в живых и вернуться домой, стал каждую ночь с неумолимой постоянностью видеть один и тот же сон. Маленькая девочка смотрит на него широко открытыми умоляющими глазами и просит: «Не стреляй!» Отец Мартин Борман искренне хотел помочь бывшему солдату, ставшему убийцей, но как он не пытался, к сожалению, ничего не смог сделать. В конце концов, человек всё-таки не выдержал и покончил с собой. Тот выстрел, что прозвучал тогда, в Варшавском подвале через двадцать лет всё-таки догнал свою жертву...

Пять минут

Говорят, что те, кто так и не собрался покаяться в своих грехах при жизни, лелеют там единственную мечту - вернуться хотя бы на 5 минут вновь в тело и совершить покаяние. Потому что это можно сделать только здесь. Человек может и не верить Христу, прожить жизнь как стрекоза, которая не задумывалась о грядущей зиме, а встретившись лицом к лицу с Небом, испытать великое разочарование. Вступив в вечность, человек, который её

отвергал, вынужден менять свою точку зрения. Для него наступает период знания, а вот период веры и надежды уже не наступит никогда. А там в цене – только вера, расцветающая Любовью, а не знание с его констатацией факта. При этом можно сослаться на авторитет святителя Игнатия Брянчанинова и других учителей Церкви, но у меня имеется опыт и несколько другого порядка. Вот о нем я и хочу рассказать. * * * Как-то, зимой, года 2 назад, после окончания всенощного бдения (то есть после 8-ми часов вечера), когда мы уже собирались уходить, в храм зашли мужчина и женщина, оба лет сорока. – Не сможешь-ли, батюшка, окрестить нашего отца? – спросили эти люди, оказавшиеся родными братом и сестрой. – Он умирает и просит совершить Таинство немедленно. – Конечно, – ответил я, – куда едем? – Он хочет совершить крещение в храме. «Странно, – подумал я, – здоровые до храма никак не дойдут, а тут умирающий собрался. На руках они его, что ли, понесут? Хотя, это их личное дело». – Хорошо. Я буду вас ждать. Через полчаса в церковь, сопровождаемый своими детьми, бодро вошел пожилой мужчина в синем спортивном костюме. «Что-то он не очень похож на умирающего», – подумалось мне. Дело в том, что в таких случаях мы крестим «по скору», – это специальный чин для того, чтобы успеть окрестить человека, когда его жизни что-то угрожает. – Постойте, – говорю, – ребята, ваш папа, чувствует себя достаточно бодро, может, отложим крещение до следующего раза, согласно расписанию. Мы подготовим человека и окрестим его торжественно большим чином. Но мои собеседники были непреклонны: – Батюшка, отец только кажется таким бодрым, он уже было умер, и потом вдруг, пришел в себя и потребовал вести его в церковь. Пожалуйста, крести, мы потом тебе все объясним. Я подошел к старику и спросил: – Скажи, отец, ты сам хочешь креститься, или они, – я показал в сторону его детей, – заставляют тебя? – Нет, я сам хочу принять крещение. – А ты в Христа, как в Бога, веришь? – Теперь верю, – ответил он. После совершения Таинства старик без помощи детей покинул храм. На следующий день мы служили Божественную Литургию, и в конце службы, как и было условлено, старика привезли на Причастие. В храм вчерашний наш знакомец уже не вошел, а его под руки тащили дочь и сын. Человек принял Причастие и перекрестился. Потом его привезли домой, положили на кровать, он потерял сознание и окончательно умер. Перед отпеванием брат и сестра рассказали мне следующее: Старик, я уже не помню его по имени, был всю свою жизнь ярым коммунистом. Ни о какой Церкви, Боге и прочей «чепухе», он, естественно, никогда и не думал. Когда дети просили его креститься, он вынимал свой партбилет, показывая профиль Ильича, и говорил: «Вот мой бог!» Даже заболев неизлечимой болезнью, отец отказывался креститься. Человек он был добрый, в семье его любили и хотели молиться о нем и в дни его болезни, и после кончины. Умирал он у них на руках, уже перестал дышать, лицо начало приобретать соответствующую бледность. Вдруг, отец вновь задышал, открыл глаза, сел и потребовал: «Крестите меня немедленно!» Что с ним произошло, почему вернулся к жизни? Он так никому и не рассказал.... * * * В нашем поселке жил ветеран Великой Отечественной Войны дядя Саша. Маленький, с темными густыми бровями и неизменной улыбкой на лице. Ходил он в одном и том же костюме серого цвета. Жил вдовцом, дочери разъехались, но внешне старик всегда выглядел аккуратно. Любил дядя Саша выпить, но никогда я не видел его пьяным. У него была соседка Люся, женщина неопределенного возраста, и тоже любитель выпить. Видимо, на почве одиночества и общего интереса, между ними завязалась дружба. Вот эта Люся звонит мне и требует: «Дядя Саша говорит, что ему дали 5 минут, приходи немедленно». Ветеран уже помирал, вызвали дочерей. Понятное дело, что ни о каком священнике не шло и речи. Он никогда не заходил в храм, а встречая меня на улице, провожал взглядом так, как если бы пересекся возле своего дома с каким-нибудь папуасом в боевом раскрасе. Он не здоровался со мной, даже если я и совершал попытки его поприветствовать. Видимо мои приветствия ставили его в тупик, – как если бы тот же папуас заговорил с ним на чистейшем русском языке. Но мне он был симпатичен, а на лацкане его пиджака висел орден «Отечественной войны». Я уважаю ветеранов. Встретишь такого старичка, возится он там у себя на даче, или возле дома, дощечку прибавляет, или деревце обрезает. И думаешь, – ты уж копошись потихоньку, займи себя чем-нибудь, но только живи, не умирай. Вы нам нужны, старички, без вас нам будет плохо. Без вас мы станем на первое место, и нам придется принимать главные решения, а так еще хочется иметь мудрых, идущих впереди... Когда я пришел к нему, дядя Саша сидел на кровати в черных штанах и майке. Мы впервые поговорили с ним. И я понял, почему он всегда был мне так симпатичен. Он рассказывал мне о своей юности, о войне, на которую ушел в первый же день. О тяжелейшем ранении в живот и лечении в госпитале, где и встретил Победу. О том, как вернулся с войны инвалидом, женился, родил двух дочерей. Вспоминал как его, после войны, со многими наградами и инвалидностью – никто не брал на работу, и как практически голодали всей семьей. А главной и мучительной страницей его жизни оказалось то, что во время войны ему приходилось убивать. Убивал всякий раз, переживая сам факт убийства человека, словно в первый раз. «Мне всегда было тяжело убивать немцев, тем более, что они лучше нас». Это его слова. Когда пришло ему время умирать, его там не приняли. Он ясно услышал требование: «Покайся», и еще ему сказали: «У тебя 5 минут». Правда, дядя Саша прожил еще целую неделю... Когда я отпевал старого солдата, а отпевание проходило в его доме, пьяная Люся заявила, что она не верит в эти самые поповские сказки, а дядя Саша просто блажил напоследок. Мне пришлось сказать ей приблизительно следующее: «Меня не интересует: веришь ты, или нет, ведь не тебя же отпеваем. А вот когда помрешь, тогда мы тебя и спросим». Люся задумалась над моими словами и замолчала. В тишине я смотрел на лицо этого большого ребенка, который прожил долгую и грустную жизнь, вырастил детей, познал одиночество, был обижаем и пренебрегаем, но не озлобился и не потерял веры в людей. Безстрашный солдат, с первого до последнего дня прошедший войну, но который так и не научился убивать. Он многое испытал, и многое пережил, ему не хватало только вот этих самых пяти минут, которые Небо ему и подарило.

Лоскутки

№1. История про Раю, которая никого не съела, ее кота Барсика и других кошачьих. Наша Рая не ест мяса. У нас в общине есть люди, которые достигнув преклонного возраста, отказываются от мясной пищи. На общей трапезе они, как правило, сидят с мученическим видом и демонстративно мусолят в руках кусочек хлеба или морковку. Их обличающее присутствие за столом невыносимо. Но Раиса к таким людям не относится. Просто она вовсе не ест мяса, и не помнит, чтобы когда-нибудь ела. Даже с рыбой у неё довольно сложные взаимоотношения: какую-то приемлет, а какую-то нет. В салатах сразу же распознаёт курятину и отставляет от себя тарелку. Причём, и в голодные военные годы мать не могла заставить её проглотить хотя бы маленький кусочек сала. Хотя сало, это такой универсальный, и я бы даже сказал, внеконфессиональный продукт, который можно есть всем, даже мусульманам. Помню, во время службы в армии к нам в роту прибывали ребята из Средней Азии. Как правило, они сразу же заявляли, что свинину не едят, и на все наши предложения угоститься белорусским салом отвечали принципиальным отказом. Но это «стояние в вере» продолжалось до тех пор, пока они помнили вкус домашней пищи. Уже через месяц они оставляли свою принципиальность и уплетали сало наравне со всеми. Дни, когда в роту приходили посылки из дому, становились для нас праздничными днями. Из Белоруссии и Украины шло сало, из среднеазиатских республик – грецкие орехи и сушёные дыни. Так что, мы и ели сало вприкуску с орехами. Где-то за месяц до окончания срока службы наши мусульмане с сожалением вспомнили, что сало для них – продукт запретный, и снова от него отказались, хотя орехами делились по-прежнему щедро. Разумеется, что Рая, которая за всю свою жизнь "никого не съела", – человек по природе очень добрый. За много лет нашего с ней знакомства я не припомню случая, чтобы она раздражалась на кого-либо или выказывала какой-то протест. Не осуждает никогда никого и до самозабвения любит кошек. Хитрые животные чувствуют, что Раиса – не мясоед, пользуются этим и даже вьют из неё верёвки. В её собственной квартире, всякий очередной прибившийся кошка со временем ставит хозяйку в иерархии семейных отношений несравненно ниже себя, а она всё терпит... Помню, она рассказывала, как однажды, возвращаясь домой, увидела своего кота, сидящим перед подъездом на лавочке. И, чтобы котик не утруждал лапки, взяла его на руки и понесла к себе на четвёртый этаж. До двери узурпатор терпел, но как только она внесла его в дом, набросился на хозяйку. Он царапал и кусал ей руки, разорвал одежду, а потом ещё долго бросался изнутри на дверь в комнате, куда Раисе удалось-таки загнать дебошира. Я поинтересовался: – Чем кончилась это побоище, обидчик был изгнан из квартиры с позором? – Нет, батюшка, что ты! Мы с ним помирились. Я пару раз заглядывала к нему в комнату и предлагала пойти на мировую, но в ответ Барсик только шипел, и я оставила его в покое. Лишь к вечеру кошачий гнев остыл. Кот пришёл к хозяйке и забрался к ней на колени. Она его гладила рукою, обклеенной бактерицидным пластырем, а потом они вместе ужинали молоком. Приходим как-то утром на службу, а соседская кошка сидит и ждёт старосту с отчётом о проделанной работе. Как правило, каждое утро она ловит мышь и приносит её нашей хозяйке. Знает ведь перед кем выслужиться! Так вот, несёт кошка мышку, а та ещё жива, кошка только слегка придушила её. Кладёт мышь перед старостой Ниной и отходит, а мышка пришла в себя и побежала. Спрятаться ей сейчас особо негде, на дворе – осень. Вокруг пожухлый газон и нас несколько человек, пришедших на службу. И мышка (как уж она её вычислила?) побежала именно к Раисе, и, спрятавшись под длинным плащом, прижалась к её башмакам. Кошка, попыталась было вернуть беглянку, но Рая не позволила обидеть мышку. Наклонилась к маленькому зверьку, открыла ладошку, и тот сам забрался к ней на руку. Странное существо человек! Сколько лет служу в храме, столько и воюю с мышиним народцем, а в тот момент радовался, что мышка спаслась...

№2. Жизнь Тамары. Сталинград. Сталин. Муж Врангель и потомки Романовых. Ее пес Малыш: нет на земле у человека более преданного друга, чем собака. Животные, живущие рядом с нами, умеют различать нас, и отличают добрых от злых. Причём делают это всегда безошибочно. Они могут верховодить человеком, пользуясь тем, что их любят, а могут и сами, в ответ на проявленную любовь, воздать ещё большей любовью. Году, этак, в 2001-м во время Великого Поста я познакомился в храме с женщиной. Вернее, она сама подошла ко мне на следующий день после соборования. Худенькая, маленькая росточком, на вид лет шестидесяти. Приятное лицо и страдающие умные глаза, смотрящие на меня снизу вверх: – Батюшка, я хочу Вас поблагодарить. Вчера во время Таинства я почувствовала, как заколола одна из моих болячек, а потом, она словно оторвалась и растворилась. Сегодня я целый день трогаю больное место, и опухоль, действительно, не прощупывается. Так мы познакомилась с Тамарой. Через какое-то время она пригласила меня к себе в гости. Её семья жила в Москве, а Тамара, тяжело заболев, фактически перебралась в наш городок. Они с мужем ещё раньше купили у нас на окраине дом и перестроили его на свой вкус. Её муж, достаточно известный спортивный журналист, практически всё время проводил в редакции, а сын уже вырос и женился. У всех была своя жизнь, свои заботы и проблемы. И Тамара решила, что её болезнь отныне будет только её проблемой. Она не захотела менять привычный ритм жизни своей семьи. Ей даже хотелось, чтобы близкие заранее смирились с исходом болезни, и как бы вычеркнули её из жизни. Она была сильным человеком и не терпела когда её жалели. Тамара собрала вещички и переехала к нам. С того времени она и стала нашей прихожанкой. Я вспоминаю Тамару, как одного из самых интересных людей, с которыми пересекался в своей жизни. Себя она отчётливо помнила, начиная с пяти лет. Дело в том, что свои пять лет она встречала в военном Сталинграде. Её отец, главный инженер строительной организации, обслуживающей местные подземные коммуникации, – не эвакуировался, а остался и во время боёв в городе. Я так и не понял, почему он не отправил в тыл свою семью. Во всяком случае ярко запечатлелась одна картина из военных воспоминаний Тамариного детства, когда немецкие солдаты поднимают на штыках их соседку по подвалу. Потому со времени Сталинградской битвы, – она не могла слышать немецкую речь. Нет, к самим немцам она относилась неплохо, но

когда те начинали что-то говорить, и она слышала ту самую их речь, тогда всю её начинало трясти. После войны отца перевели в Москву и даже приблизили к Кремлю. Они жили в доме, где вместе с ними жили члены ЦК партии и ответственные работники аппарата правительства. Тома называла мне громкие имена своих одноклассников, но я их не запомнил. Рассказывала, как отец одного из её именитых одноклассников взял Тому в Кремль на ёлку для детей высокопоставленных родителей. Ей тогда было лет 10-12. Ёлку нарядили в большом зале, было много детей, известные артисты пели и танцевали вместе с ними. Накрыли и стол с угощением, лишь одного не предусмотрели устроители – забыли о туалетах. Было весело. Дети напелись и наплясались. Потом наелись сладостей с лимонадом, и, не знаю как другие, но Тома захотела в туалет. Сперва она искала его в зале, но не нашла. Тогда она решила выйти, и искать его в коридоре, но везде за портьерами, прикрывающими двери, находились люди в форме, которые не выпускали ребёнка из зала. Сам зал был большой, в нём было много дверей и возле каждой из них охрана. Дитя уже прыгало на одной ножке, так ей уже было невозможно. И вдруг, случилось чудо, одна из портьер внезапно приоткрылась, и военный незаметно вытолкнул ребёнка в коридор, указав рукой, нужное ей направление.

Выйти-то, она вышла, а куда идти не поняла. Главное, что и спросить ей было не у кого. Ребёнок стал, чуть ли не бегом искать по коридору отхожее место и натолкнулась на одинокого пожилого человека небольшого роста со знакомыми рыжими усами. – Дедушка, – чуть не плачет дитя, – где здесь туалет? – Ты как сюда попала, девочка? – Я пришла на ёлку, и хочу в туалет. – Пойдём, я покажу тебе дорогу, – сказал дедушка и повёл меня вдоль кабинетов. Когда мы подошли к нужной двери, то я, наконец, узнала в этом человеке всеми нами любимого товарища Сталина. И уже входя в туалет, отсалютовал ему пионерским приветствием, с чувством произнесла: – Спасибо, товарищ Сталин! После того, как я, продолжая оставаться под впечатлением встречи с вождём, вновь оказалась в коридоре, то увидела перед собой человека в военной форме. Он ждал меня провести в зал с ёлкой. Когда мы подходили, военный спросил: – Скажи, девочка, из какой двери тебя сюдапустили? Я хотела показать, но запуталась, потому, что дверей было много, и я не запомнила конкретно человека, который меня пожалел. Сейчас-то понимаю, – говорила она, – что охрана имела приказ никого не выпускать в коридор. И из-за нарушения приказа человека могли бы наказать самым жесточайшим образом, но я, к счастью, его не запомнила. Кстати, о мясе. Тамара рассказала мне забавный случай (показывающий влияние еды на помыслы человека) о том, как она одно время увлеклась мясом диких животных. В Москве она называла адрес магазинчика, где в 1960-х годах продавалась дичь, лосятина, кабанятина, и что-то ещё (это были магазины потребительской кооперации, единственной сферы, где остался частный сектор в советские годы. Дичью в Москве торговала сеть магазинов "Дары Природы". Например был такой магазин на Комсомольском проспекте около кинотеатра "Горизонт". Там даже продавали т.н. "вино" – ужасную яблочную "бормотуху" производства города Покрова, ныне из бывшего уездного центра – ставшего подчиненным городком в славном Петушинском районе - Прим.Паломника). – А потом, мне, как постоянному клиенту, предложили попробовать медвежатину, и я с радостью согласилась. Правда, меня предупредили: "Будьте осторожны с этим деликатесом!" – Мясо медведя мне очень понравилось, и я стала постоянно его заказывать. Буквально через год после того, как я "подсела" на медвежатину, со мной случилось происшествие, после которого я навсегда отказалась от мяса хищников: Однажды летом еду в трамвае. На одной из остановок в вагон заходит молодая красивая девушка в лёгком платьице. Девушка садится на сиденье и в это время порывом ветра задувает её платье и оголяет ноги. Я вижу её бёдра, и мне приходит мысль: – Вот оно, отличное мясо, и наверняка без жира. Ловлю себя на этой мысли и мне становится страшно. Получается, что то, что ты ешь, со временем воздействует на твоё подсознание и формирует такие странные гастрономические приоритеты. Первым браком Тамара вышла замуж за правнука барона Врангеля, – того Врангеля, который всю жизнь путешествовал, и в честь которого назван остров: – В то время, когда я выходила за него, он носил другую фамилию, это сейчас он вновь вернул себе родовое имя. Интересно: – Почему же ты от него ушла? – Твоя пролетарская сознательность не позволяла тебе именоваться баронессой Врангель? – Нет, вовсе не поэтому. Мой барон был человеком совершенно невозможного воспитания. Представь себе, он никогда не повышал голоса, никогда не ругался с моей мамой, всегда обращался к ней на «вы» и только по имени-отчеству. И со временем я поняла, что мы с ним люди совершенно разных миров. И потом, самое главное, – он не мог иметь детей. А я не могла изменить такому порядочному человеку, чтобы родить ребёнка. Но оставить барона одного на произвол судьбы я тоже не могла. Поэтому и решила передать его в надёжные женские руки. И я «передала» его в руки моей подруги Галины. Вот эти двое были действительно, что говорится, «два сапога – пара», и идеально подходили друг другу. А я вышла за своего журналиста, и у нас родился сын. Разумеется, я не выпускаю из внимания своего первого супруга, периодически бываю у них дома и помогаю им решать разного рода бытовые проблемы. Не так давно в гости к моим Врангелям приехали из Англии потомки бывших Романовых. Галина позвонила и попросила меня показать им Москву, поводить по Святыням. Ну, батюшка, скажу я тебе. Я думала, что людей, более неприспособленных к жизни, чем мои Врангели, не существует. Оказалось, что Романовы в этом отношении ещё хуже. Мало того, что попрошайки выцганили у них все наличные деньги, так один из царских потомков готов уже было кому-то из них отдать своё пальто. Если бы я его вовремя не остановила, и не разогнала бы эту братию, то наших гостей точно бы раздели. Когда Тамара заболела, то, как я уже говорил, уехала из Москвы и от одиночества взяла себе собаку. Она взялась выхаживать огромного бойцовского пса, выбракованного после собачьих боёв. Пёс проиграл три схватки из пяти и должен был умереть, но Тамара его выкупила. Малыш (так она назвала своего друга) всё понимал, и был благодарен хозяйке безмерно. Забавно было, приходя к ним в дом, видеть такую дружбу человека и животного. Пёс всё понимал даже не с полуслова, а я бы сказал, с полувзгляда хозяйки. Когда Тамаре стало уже совсем плохо, то пёс спал рядом с ней и грел её постоянно мёрзнувшее тело. Как-то уже в последние дни Тамаре удалось, мобилизовав все силёнки, придти в храм на вечернюю службу. Но, когда она

пришла, то силы её окончательно оставили, и женщина в изнеможении опустилась на лавочку. В это время я шёл по храму и совершал каждение. Когда стал подходить к Тамаре, она продолжала сидеть. Недалеко от неё какая-то бабушка попыталась было достать нарушительницу своей клюкой, но не дотянулась. Тогда старушка, прицелившись, ловко метнула в Тамару свою палкой. А та, съевшись, всё сидела, только глаза её умоляли: "Защити меня, батюшка!" Как мне хотелось взять эту самую палку и метнуть ею обратно в бабу, но я не решился. Ибо, как известно, "что простится бабушке, не простится батюшке". Незадолго до кончины Тамары (а приходил причащать её я ежемесячно) мы сидели с ней за столом и ели то ли куропаток, то ли перепелов. Тамара специально заказывала своим в Москве что-нибудь экзотическое, чтобы угостить и удивить провинциального батюшку. Она не столько ест, сколько выбирает кусочки мяса и бросает собаке на пол, прямо на ковёр, который, возможно, когда-то принадлежал самому барону Врангелю. "Как бы я хотела вот так собрать за один стол всех тех, кого любила в своей жизни. Мы бы ели сами и бросали куски псам, которые непременно были бы с нами рядом. Потому, что нет на земле у человека более преданного друга, чем собака". Её жилище украшало множество натюрмортов из цветов и фруктов. Понимая, что Тамара скоро уйдёт, мне хотелось, чтобы она подарила мне какую-нибудь картину. Ведь лучшая память о человеке – это икона или картина, что висела на стене его дома. Ты смотришь на неё и вспоминаешь этого человека и молишься о нём. Как правило, священники раздают всё, что люди им дарят, поэтому если человек хочет, чтобы его подарок оставался надолго, он должен выбрать что-то очень красивое. Но я так и не решился попросить Тамару, и сейчас жалею об этом. Когда ей стало совсем плохо, родные увезли её в Москву. И я ничего не знал о Тамаре. Иногда звонил, но телефон молчал. Уже потом, узнав о её смерти, заехал летом по знакомому адресу. Нажал на звонок. Навстречу мне вышла молодая женщина с ребёнком на руках, а из калитки высунулась любопытная морда Малыша. Женщина пригласила зайти, но я не стал. Тамарина невестка рассказала как умерла её свекровь. Мне было вновь захотелось попросить что-нибудь о ней на память, и я опять не решился, – побоялся, что неправильно поймут... №3. История священнической кошки Тишуни и будущего героя котенка-подкидыша На днях, прихожу утром в храм, а у входной двери мяучит крошечный подкидыш. Точно так же когда-то начиналась история и нашей Тишуни, которая прожила у нас в доме целых 15 лет. Вместе с ней выросла и наша дочь. Когда-то мы, чтобы Тишуню не тревожили коты, возили её к ветеринару. Операцию она перенесла тяжело и потом долго болела. Выжить выжила, но с тех пор, что-то у неё в организме нарушилось, и кошка стала катастрофически часто линять. И всякий раз это сопровождалось такими страданиями животного, что, в конце концов, матушка решила усыпить кошечку. Я ни о чем не знаю, звоню ей, и слышу в трубке непонятные всхлипывающие звуки. А это плачет в голос моя бедная матушка. Только что от нас ушёл Иван Данилыч, наш незаменимый ветеринар... Беру котёнка на руки, он доверчиво утыкается носиком мне в ладонь и замолкает. Но нужно идти начинать службу, а ему холодно и он требует, чтобы и его взяли с собой. Куда бы пока тебя пристроить? Потом что-нибудь придумаем, а сейчас я спешу... Отнёс котёнка и посадил на веранде возле входа в трапезную. После службы выхожу из храма и направляюсь домой. И опять, всё тот же самый котёнок, наверное, помня тепло человеческих рук, бежит за мной, смешно семеня маленькими лапками. Ускоряю шаг, животное начинает кричать: "Подожди, человек, мне же тебя не догнать!" Я-то знаю, кошки – большие хитрецы. Сперва беспомощными котятками они требуют от нас милосердия, чтобы потом, пробравшись в наши дома, нами же и командовать. Продолжаю идти, и котёнок старается не отставать. Останавливаюсь, он настигает меня и прижимается к ноге. Что же мне с тобой делать, дружок? Ведь взять тебя к себе в дом, значит признать, что со временем ты тоже займёшь место в моей душе, будешь требовать к себе внимания и любви. А потом, спустя годы, заставишь переживать и горечь твоей утраты. У меня до сих пор стоит в ушах матушкин плач в телефонной трубке... Ведь, мы действительно должны отвечать за всех, кого приручаем, за всех, кто становится частью нашей жизни, и для кого мы, в свою очередь, становимся надеждой и опорой. И, как бы это ни было трудно, нужно помнить и любить всех, даже, если в память о них у тебя ничего не осталось, кроме благодарности за те немногие мгновения радости, когда ты оказался им нужен. Что же мне с тобой делать, малыш? Ладно, пойдём, раз уж такое дело, ты только не отставай...

Начало

Помню годы своего неопитства. Хорошее было время. Я только-только пришёл в Церковь. Удивительное дело, как тогда всё легко давалось. Какие-то трудности на работе, помолись, и всё наладится. Что? Автобус не ходит? Помолись, и он никуда не денется, придёт. Вообще проблем нет, всё разрешается, словно по мановению волшебной палочки. Неопит купается во внимании к нему небесных сил, его жизнь полна радостных мироощущений. Это потом наступают отрезвляющие будни, которые поэт сравнивал с тоннами руды, из которых добываются граммы полезных результатов. У неопитов всё просто. Порой складывается впечатление, что твой ангел, словно на цепь деревенского колодца вместо ведра посадил бесёнка, что мешал тебе жить, и примотал его к самой рукоятке. Жизнь твоя наполняется энергией. Тебе хочется молиться без остановок, перечитать всю аскетическую литературу, вызубрить наизусть слова Священного Писания. Это такую духовную конфетку тебе в ротик положили. Ох, как вкусно! Но, на одних вкусняшках далеко не уедешь, и ручка колодца постепенно раскручивается и враг на цепи, словно злой пёс, приближается к тебе. И начинается борьба, ибо цену имеет только результат победы, результат преодоления. Конфетки, даваемые нам авансом, в счёт не идут, а вот те, хоть и малые честно заработанные граммы, становятся твоим сокровищем, которое не отнимается и следует за тобой в вечность. Только они имеют ценность в глазах Неба. Замечу о цепи, она никогда не будет раскручена полностью. На высоком уровне борьбы ты

можешь почувствовать, даже запах из пасти врага, но никогда Бог не позволит ему вцепиться тебе в горло. Помню, как попала тогда мне в руки книжка «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу». Прочитал её и восхитился, оказывается, так просто стать святым: повторяй себе Иисусову молитву с утра до вечера и «небо у тебя в кармане». Следуя логике, для того, чтобы стать настоящим православным, необходимы чётки, раз, и монастырь, два. С чётками в те годы было сложно, и я по началу приспособил для этих целей цепочку от крышки для ванной, она состояла из множества маленьких шариков, но правда не соединялась в кольцо. А вот с монастырём дело обстояло сложнее, у меня ведь жена с ребёнком. Но духовные подвиги манили, как запах жареной картошки. Почитал про Серафимушку, как всё ему легко давалось, кушал себе травку «снуть» и капустку, и вот, он уже чудотворец. Да и преподобный Сергий чуть ли не через три года как в лес ушёл, уже братию собирал. Всего-то три года, и ты на коне. Но жена и ребёнок встали стеной на пути моего спасения. Помню, как несколько месяцев подряд, ложась спать, вздыхал глубоким трагическим вздохом: «Эх, плакала моя святость». Наконец, жене всё это надоело, и однажды она мне предложила: «ну уж, если тебе так приспичило, поезжай, поживи в монастыре, и если твои мечты совпадут с реальностью, то я не буду тебя удерживать, иди, спасайся». Понятное дело, что я сразу же стал её успокаивать, вовсе, мол, и не собираюсь я ни в какой монастырь, но где-то там, в глубине, у меня возликовало, что если я скажу «да», то меня держать не будут. Сотнями, а потом и тысячами, повторял про себя краткую молитву, очень скоро она стала постоянно крутиться у меня в голове. Я ел, пил, разговаривал с людьми, даже мог смотреть фильм по телевизору, а в голове независимо от всего постоянно шёл процесс. Однажды еду в электричке, перед моими глазами бирка с номером вагона, в котором еду. Всё молюсь, молюсь, а потом думаю: "дай ка прислушаюсь, что я там повторяю". И оказалось, что гоняю в своей голове этот самый номер вагона, в котором еду. Причём с таким же успехом это мог быть и обрывок случайно услышанной фразы или объявление по радио. Ничего себе, я то думал, что уже Иисусову освоил, а оказывается моя «молитва» превратилась в некую форму навязчивости, и я вовсе и не молитвенник, а попугай. Как важно, оказывается внимание. Однажды со мной произошло событие, на которое у меня и сегодня нет однозначного ответа. Как-то, перед ночной сменой, просматривал слово об Иисусовой молитве преподобного Паисия Величковского. Он писал о степени постижения молитвы, которая входит человеку в сердце и становится фоном его сердечного биения и дыхания. Я, уже будучи, «опытным» делателем усомнился: «как такое может быть? Что-то не то пишет святой человек». Потом отложил книжку и задремал на часок перед работой. И вот, поверите, просыпаюсь, а у меня идёт процесс молитвы в сердце и параллельно с дыханием. Это было потрясающе. Сейчас я уже не смогу описать подробно то состояние, давно дело было. Сначала обрадовался. Ещё бы. До такой степени в молитве, даже из монахов доходят единицы, а у меня процесс шёл сам собой без всякого усилия. Мне было очень легко и радостно творить молитву. В те дни я повторял не более ста молитв, с максимальным, как мог, вниманием, но через краткое время в сердце пришла боль. Как только начинаю молиться, болит сердце. Мне стало страшно, будь бы у меня опытный духовник, он бы наверно наставил меня на правильный путь, но духовника не было. Боль в сердце всё нарастала, и мне пришлось полностью отказаться от практики краткой молитвы. Я не понимал, что процесс усвоения Иисусовой должен идти параллельно с очищением сердца и души, а так, в нечистоте, молитва разрывала мне сердце. И я стал молить Бога о том, что бы Он отнял у меня дар, который я получил наверно в посрамление своих сомнений. И Бог меня услышал, правда, еще с полгода я мог по своему желанию возобновить этот процесс, и боль было уже не та. Сейчас я уж забыл то состояние, и боли нет, а вспоминаю с сожалением, как о чём-то таком высоком, и упущенном навсегда. Сегодня без духовника даже не пытаюсь повторить тот опыт, боюсь, да уже и не дерзаю. В скорости разрешилась и проблема с чётками. Приехали мы семьёй к моим родителям в Белоруссию, и, гуляя по родному городу, зашли в древний иезуитский фарный костёл. Красивейшее здание, строилось, чуть ли не два века, один алтарь чего стоит, его часами можно рассматривать, и оторваться невозможно. Мы любим посидеть в костёле на старинных скамьях, помолчать, мыслями переносясь в средневековую Европу. Сидим мы с женой, и вдруг, я замечаю на гвоздике, недалеко от нашей лавки висят католические чётки, «ружанец», или «розарий» из пятидесяти трёх камней-бусин. Я таких чёток больше никогда и нигде не видел. Бусины чёток из граненых топазов и чёрного агата, все металлические детали из старинного золота 99-й пробы, а само распятие, прикреплённое к большому золотому кресту, из белого металла, видимо платина. «Смотри, - показываю супруге на чётки, - мои висят». «С чего ты взял, что это твои?» - резонно поинтересовалась она. «Ну, ты же знаешь, что я ищу чётки, вот Бог мне их и послал». Моя жена из «бывших», знает цену драгоценностям. «Если бы это было от Бога, то чётки были бы скромнее, а здесь на гвоздике «Жигули» висят, если не больше, 18 век. А потом, подумай, ведь кто-то их обронил, а кто-то поднял и на гвоздик повесил. И это, заметь, наверняка сделал католик. Ты всё повторяешь, что мы православные, более духовны, и вот тебе картинка: православный «подвижник» зашёл в храм к католикам и стащил у них драгоценные чётки. Как-то некрасиво всё это выглядит». Замечание супруги меня отрезвило. И действительно, в подтверждение её слов в тот же день Господь осчастливил меня целой парой весёленьких чёток из зелёных и голубых пластмассовых бусинок. Вернувшись домой, я всё-таки съездил в монастырь на разведку. Поговорить с отцами, посоветоваться о духовном делании. В монастыре я быстро сошёлся с одним иеромонахом из вдовых священников, моим ровесником. Он взял меня с собой послужить в один из приписных приходов, относящихся к их монастырю. Я собирался причащаться и ждал своей очереди на исповедь, мне не было резона спешить, потому к аналою подошел последним уже часам к одиннадцати вечера. Каюсь батюшке, мол, в том и том грешен, и вот, кроме всего прочего, люблю своими зелёными чётками невзначай похвалиться. И о своих тысячах Иисусовой молитвы рассказал, и о мечте монашеской жизни. Священник меня внимательно выслушал, а потом спрашивает: «А тебе кто, вообще, благословил чётки? И Иисусову творить тысячами кто разрешил»? Здесь-то я и услышал, что, оказывается, в Церкви

бывает такое слово «благословил», или «разрешил». «Слушай, - продолжает, монах,- вы как с матушкой живёте? Ругаетесь?» «Нет», - отвечаю. «Может, она тебе изменяет?» «Нет». «А дети есть?» «Дочь». «Так я понимаю, что вы, между собой хорошо живёте?» «Душа в душу». «Так чего ты тут у нас в монастыре забыл? – потом, помолчав, продолжил, - У тебя в армии какое было звание?» «Капитан». «А у меня сейчас в соответствии с Петровской табелью о рангах – подполковник. Так что, господин капитан, слушай мою команду. Завтра причащаешься и домой к жене и дочери, шагом марш. И выброси всякую дурь из головы. Понял?» «Так точно». Утром я возвращался домой, духовно повзрослевший и отрезвевший. Вот так Церковь и не получила в моём лице «подвижника исихаста». А как всё хорошо начиналось: одна тысяча Иисусовых в день, две тысячи Иисусовых...

Посвящение

Не удалось мне посмотреть интронизацию Святейшего (патриарха Кирилла), поскольку она проходила, утром в воскресный день. В это время у нас, как и во всех храмах нашей Церкви, шло служение Божественной Литургии. Только вечером по информационной программе увидел маленький кусочек. Смотришь со стороны, – вроде простое дело, – ну подумаешь, подошли к патриаршему месту, трижды подняли и посадили на престол человека, и объявили новым предстоятелем Церкви. Но ведь до этих действий человека именовали Избранным и Нареченным, а только уже после них – патриархом. Значит за этим нехитрым обрядом стоит что-то большее, что-то с ним сопрягаемое, и то, что мы не можем увидеть? Кто-то может подумать, вот так просто вручается в руки человека огромная духовная власть. Но, оглядываясь на нашу историю, понимаешь, что Русские патриархи не только принимают власть, но и одновременно восходят на Крест. Таково их Служение. И не человек его выбирает, а его самого выбирает Небо. Смею вас уверить, что каждый священник, наблюдая за чином поставления в ту или иную степень священства, вспоминает конечно же и собственное рукоположение. Не помню, чтобы кто-то из священства писал об этом, а жаль. Рискну немножко приоткрыть завесу таинственности. Начну с того, что я не собирался быть священником, и, честно говоря, не хотел. Принял сан по послушанию. Куда больше меня привлекала научная деятельность (в русле богословия), ведь я заканчивал Московский Свято-Тихоновский богословский институт. Учился хорошо, моя светская работа меня вполне устраивала и не мешала мне заниматься любимым делом. Когда я стал диаконом, то испросил у владыки благословение на продолжение моей учебы, я заканчивал пятый курс, и работы в прежней должности. А самое главное, мне нужно было привыкнуть к моему новому положению в Церкви, поскольку сан диакона был предложен мне неожиданно. Владыка понял тогда мое внутреннее состояние, и не стал настаивать на моей священнической хиротонии (за что я ему сегодня крайне благодарен). Но пришло время становиться священником, отказаться от всех своих прежних планов и окунуться (уже далеко не мальчиком), в совершенно новое для меня делание. До этого я 10 лет подвизался на клиросе, ходил к заключенным, вел школу для взрослых прихожан, но не предполагал себя в роли пастыря. Скажу честно, ехал на хиротонию (рукоположение), как на казнь, малодушествовал и унывал. Как мне хотелось, чтобы автобус, который вез меня в область, вдруг остановился и шофер объявил, что дорогу смыло внезапным паводком, или началось неожиданное извержение вулкана. Но, вулканов у нас отродясь не было, а паводка в 27-ми градусный мороз ожидать было глупо. Ехал один, жалко было брать с собой матушку в такой холод (матушками, по обычаю, называют жен священников). На вечернем служении стоял и молился в алтаре. Помню как Владыка сочувственно, посмотрев на меня, сказал: «Не волнуйся, все будет хорошо». Ночевал я в пустынном помещении семинарии, все учащиеся были тогда на каникулах. Мне постелили в гардеробной, что оказалось очень удобно, поскольку я смог развесить все свои вещи на множестве крючков для одежды. До сих пор не могу понять: удалось ли мне тогда заснуть, или нет? Скорее я дремал, чем спал, поминутно приходил в себя, смотрел на часы, и снова проваливался в неглубокий сон. Как сейчас вижу: дверь в гардеробную резко отворилась, и в комнату вбежал маленький, отвратительного вида карлик. Таких карликов-шутов часто держали при дворах средневековых государей. На его уродливой голове с огромным носом была рогатая шапка с колокольчиками. Он прыгал вокруг меня, а мне становилось все хуже и хуже. Внезапно в комнату вошел монах с длинной белой бородой. Лица я его не видел. Раньше на месте семинарии был монастырь, а гардеробная, как и все другие помещения, построенные, еще в 17 веке, служили монашескими кельями. Монах посмотрел на меня, указал на карлика и сказал: «Это бес уныния, это он мучает тебя. Отгоняй его крестом», и показал мне как это делать. Я проснулся, в комнате никого не было. «Привиделось», – подумал я, – и снова задремал. И вновь тот же карлик, и вновь его прыжки, и эти бубенчики. И снова я увидел монаха, который повторил мне свою фразу: «Запомни. Отгоняй его крестом». Утром на службе я, конечно же, волновался. Все улыбались, старались приободрить, но в тот момент я чувствовал себя очень одиноко. Настал мой час, я вышел из алтаря, в сам храм, под руки меня держали двое протоиереев. Мой взгляд скользнул по лицам прихожан, и я неожиданно увидел свою матушку, и она улыбалась мне. Кто бы только знал, как я тогда был ей благодарен! Почти в тридцатиградусный мороз она приехала за столько километров, чтобы поддержать меня. Я увидел родные глаза, и мое напряжение сразу же улетучилось. И когда прозвучали возгласы: «Повелите. Повели», и священство повело меня в алтарь, я шел уже куда спокойнее. Затем хождение трижды вокруг престола, прикладывание к нему и целование богослужебных одежд владыки. Потом я встал на колени и прижал голову к престолу, а епископ, возложив на меня руки, читал молитвы. Но перед чтением молитв произошло то, чего я никак не ожидал. Владыка наклонился ко мне и вдруг тихо-тихо назвал меня так, как называла меня в детстве моя мама. Никто, даже самый близкий мне человек, моя жена, никогда не называл меня этим именем, – только мама. Потом, так же тихо, он произнес: «А теперь молись, как только можешь». Он повел молитву, а я мог только просить о милости Божьей.

Потом меня подняли на ноги, и я почувствовал всем своим разумом и каждой клеточкой своего тела, что стал священником. Непокколебимая уверенность в этом и покой разлились по всей моей сущности. Я стал священником из-под руки моего владыки, и обрел второго отца. Мой первый отец подарил мне жизнь и научил меня быть человеком, а второй – дал право служить у Престола. Могу добавить только то, что на следующий день, проснувшись рано утром, я увидел мой священнический крест, висящий в гардеробе на вешалке, и, вспомнив события вчерашнего дня, по привычке было загрустил. Но внезапно, словно кто-то в слух напомнил мне: «Отгоняй его крестом!» Я, еще лежа в постели, перекрестился, и уныние (скорее – печаль) покинуло меня. И до сегодняшнего дня, свидетельствую это, уныние меня не посещает. Через несколько дней служения в главном соборе епархии, я стал чувствовать неудобство и боли в области сердца. Сначала относил их на счет одного священника кафедрального собора, который, как я считал, постоянно придирался ко мне, делал замечания. Сегодня я понимаю, что это он так учил меня, а тогда я скорбел. Через многие годы в разговоре с одним из батюшек услышал, что по рукоположению он по первости не мог служить Литургию: «Только начинаю службу, а у меня сердце схватывает». Он даже к врачу ходил в больницу, в которую обращаются многие священники. Врач, улыбаясь, узнав, что батюшка еще только начинает служить, сказал ему: «Не волнуйтесь, батюшка, боль скоро пройдет. Это Благодать обустроивает в вашем сердце место для себя». Когда Дух Божий посещает подвижников, то он входит в уже очищенное место. Входя в нас, священников, Он совершает это не по чистоте наших сердец, а для того, чтобы дать нам силу для исполнения предназначенного Служения. Дух вынужден Сам обустроивать себе место, отсюда и боль.

Шла интронизация Святейшего патриарха. Рядом с ним стояли все епископы и множество священников. Патриарх совершал действия чина спокойно, внешне не проявляя никакого волнения. Но священство знало, что в это время происходит в сердце патриарха, можно сказать, ощущало его бешеное биение. И молилось, о том, чтобы это сердце отныне было способно вместить в себя все радости и скорби своего народа, смогло безошибочно услышать волю Господню и провести Церковь как хрупкий корабль единственно правильным путем сквозь мели и рифы искушений и бури всяческих соблазнов, к тому единственному маяку, имя которому – Христос.

Пересечения

«Как поверите, если буду говорить вам о Небесном»? (Ин. 3:12) Я никогда не ездил к старцам, хотя имена их слышал и знал людей, считавшим своим долгом побывать и благословиться у подвижников. А вот я не ездил. Мне один знакомый рассказывал, как он посетил покойного уже отца Бориса в Иваново, а тот ему и дал некое благословение. А вдобавок ещё и наказал: «Исполнить обязательно!» Выслушал я моего знакомого и сделал для себя вывод: как хорошо, что я не мотаюсь без дела по старцам! Но однажды в один солнечный осенний день на меня неожиданно обрушилось предложение стать диаконом. Вот тут-то я и завертелся волчком. Ладно бы если я этого хотел, так ведь нет, как раз-то наоборот! Только-только поступил в Свято-Тихоновский институт. Мне учиться нужно, а здесь такое... Можно было бы, конечно, и мимо пройти. Но вдруг – это воля Божия? А я пройду мимо неё? Что делать? Ведь не жребий же тянуть, правда? И приходит мне в голову замечательная мысль: такой сложный вопрос может разрешить только старец. А где его взять? К тем, о ком уже слышал, прорваться невозможно, а раз так, то к ним я и не поеду. Вот если укажут мне обстоятельства такого подвижника, к которому я смогу попасть, тогда я и отправлюсь в путь, а если нет – извините, мое рукоположение отменяется "по техническим причинам". Никогда не забуду: весьма довольный собой, иду принимать ванну, а моя будущая матушка, тогда ещё ни о чем не подозревавшая "просто жена", в это время с кем-то разговаривает по телефону. Лежу в ванной, наслаждаюсь найденным решением и теплой водичкой. Входит супруга и говорит: – Звонила Н., и представляешь, она побывала в Пафнутьево-Боровском монастыре. А в нём, оказывается, подвизается человек высокой духовной жизни, его имя схиархимандрит Власий, и многие почитают его за старца. Кстати, и попасть к нему несложно... От неожиданности я чуть было не захлебнулся в воде. Пришёл в себя, отдышался. Ничего не поделаешь, надо ехать – адрес указан! Имея в запасе два выходных дня после ночной смены, я поехал в Калужскую область. Не стану рассказывать как ехал, но в монастырь я оказался что-то около пяти часов вечера. Это сейчас у дверей старца нескончаемая очередь, а тогда было проще, ну человек двадцать от силы. А когда я приехал, – и вообще никого не было. На двери кельи старца на гвоздике висел картонный треугольничек с надписью: «не заходить». Ладно, уселся рядышком на скамейку, достал акафист Пресвятой Богородице и принялся читать. Минуты через три дверь открывается и из-за неё выходит, как мне показалось, совсем еще нестарый человек в подряснике и унтах, и с интересом смотрит на меня. – Что не заходишь? – Да вот же, батюшка,.. – показываю на треугольничек. – Это не для тебя, радость моя, заходи! Батюшка разговаривал со мной, и одновременно облачался в схиму. Оказалось, он спешил на вечернюю службу. Мой вопрос разрешился в течение минуты, но мне отчего-то так захотелось побеседовать ещё хоть немного, и я напросился к нему на следующее утро. Пришли в храм (по-моему, святителя Митрофана), расположенный на втором этаже соседнего корпуса. На службе отец Власий почему-то не пошёл в алтарь, а молился вместе со всеми. Я стоял немного поодаль и краем глаза рассматривал старца. Я молился рядом с таким человеком, и мне было очень хорошо, просто от того, что он стоял поблизости. После службы и вечернего правила подумал, а где же я буду спать? Оказалось, что свободных мест нет. Ничего, решил я, одежда у меня тёплая, могу и в коридоре где-нибудь на лавочке подремать, тем более, что накануне ночь у меня выдалась бессонная. Неожиданно подходит ко мне старенький монах с необыкновенно таким добрым лицом и говорит: – Тебе негде спать? Пойдём ко мне в келью. Мой сосед уехал в Калугу, и у меня есть место. Я поспешил за добрым монахом. Оказалось, что звали его отец Нил. Вот если можно было бы воплотить в чём-то материальном такое эфирное

духовное начало, как доброта, так вот отец Нил и был её живым воплощением. Мы проговорили с ним до четырёх часов утра, а потом я просто упал и уснул. Как сейчас я жалею об этом! Мы лежали в своих кроватях и разговаривали, словно мальчишки в каком-нибудь пионерском лагере. – Ты знаешь? .. – А ты знаешь?.. На мой вопрос, действительно ли отец Власий – старец, батюшка Нил ответил: – Точно не знаю, но люди говорят, что да. Я ведь с ним раньше служил в одном храме, он был священником, а я – псаломщиком. Представляешь, он подарил мне как-то иконку Нила Столобенского, а ровно через 20 лет меня постригли в монашество в честь преподобного Нила. Так что я советую, – ты исполняй, что тебе батюшка Власий велит! Он был так прост и по-детски доверчив, что я и не заметил, как в какой-то момент стал разговаривать с ним наставляющим тоном студента богословского института. Я со знающим видом поучал его каким-то тонкостям по Службе, а тот и взглядом не выдал, что все это ему хорошо известно. Какой же я был глупец, целую ночь провёл рядом со старцем, и ничего не заподозрил! Всё хотел потом к нему приехать, посидеть с ним рядышком, да так и не собрался, а потом узнал, что отец Нил уже ушёл от нас. До слёз обидно, что уже не встречу его больше. Когда на некоторое время отец Власий уходил в затвор, то ведь люди шли к Нилу, и он для них находил нужное слово. Как он умел посмотреть человеку в глаза, как он растворял человека в своём зоре! В то утро перед Литургией он (отец Нил) зашёл в храм, обошёл всех паломников. Каждого о чём-то спрашивал, дотрагивался до рук, лица, благословлял. И смотрел, каждому пристально смотрел в глаза, словно хотел взглянуться человеку в душу и оставить ней частичку своей Любви. Молимся на Литургии. Снова стою рядом с отцом Власием. И вдруг меня осеняет мысль: а ведь он слышит всё, о чём я думаю. Мама дорогая, как же я стал усердно молиться! Во время службы старец (Власий) стоял со склонённой головой и ни на кого, казалось, не обращал внимания. Заходили в храм люди, ставили свечи, писали записки, а он стоит, как столбик. Заходит пожилая женщина в привычной "православной униформе": длинная юбка, бесформенная куртка тёмного цвета, башмаки на шнуровке и на высокой платформе, за плечами рюкзачок. Вдруг батюшка сходит со своего места, подходит к этой женщине, и, не говоря ни слова, разворачивает её за плечи и выводит из храма вон. Потом такая же участь постигла ещё одну старушку. Смотрю, заходит девушка в коротенькой юбочке в туфельках на шпильках. Девушка идёт по храму, и цоканье её каблучков звонко разносится вокруг. Ну, думаю, милая, сейчас ты вылетишь птичкой со второго этажа. Но отец-схимник даже и глазом не повёл её сторону. Только лет через десять я снова попал в этот монастырь. Очередь к старцу (Власию) была уже фантастически огромна, но меня, как священника провели вперёд и поставили человек за десять до входа в его келью. Перед самой дверью старца люди снимают обувь, разулся и я. Думаю, а ведь сейчас батюшка посмотрит на меня своими глазами рентгенами и скажет: "Почему же ты так нерадиво живёшь, отец Александр? Что я тебе говорил тогда? Что ты мне обещал?" Да ещё и выгонит, как тех старушек. И стало мне так страшно, что даже коленки затряслись. А потом и другая мысль: "Это ты человека испугался, а как же ты будешь перед Христом стоять? Его, почему не боишься?" К счастью батюшка меня не прогнал, и даже не укорил ни в чём. Меня он, правда, не вспомнил, но подарил иконочку Угличских святых. Долго я потом голову ломал, почему именно Углич? Но когда наша дочь привезла к нам с матушкой на смотрины молодого человека из Углича, я сразу понял, что перед нами – будущий зять. Вообще, я заметил, что люди по-настоящему высокой духовной жизни никого не обличают, и требовательны только к себе, а о других – молятся. Таков закон Любви. В третий и последний раз я ездил в монастырь вместе с нашей старостой Ниной и её внуком Санькой. Мальчик в 11 лет захворал непонятной болезнью. После того, как ребенка укусил домашний кот, у него стала внезапно и резко подниматься температура – свыше сорока градусов. Жар держался час-другой, а потом также неожиданно спадал. И так повторялось по несколько раз в день. Врачи уже разложили мальчика на маленькие кусочки, всего просмотрели, изучили, но так, ни к какому выводу и не пришли. Санька проболел с полгода и дела его всё ухудшались. Нину я уже ни о чём не спрашивал. О состоянии внука говорили её печальные, заплаканные глаза. – Слушай, – говорю, – а давай съездим к отцу Власию, попросим его молитв. На тебя уже смотреть невозможно! Только не сообразили и поехали 8-го марта. И так к святому человеку не попасть, а нас угораздило собраться в монастырь в выходной день. Что делать? С такой температурой мальчишку здесь на несколько дней не оставишь. Подошёл к охраннику, попросил его помочь. Тот только развёл руками, смотри, мол, народу сколько, и каждый со своей бедой. – Попроси людей, отче, может и пропустят. Вышел я перед людьми, рассказал про мальчика и стал просить пропустить, решил, если нужно будет, то и на коленях просить буду. Только не понадобилось. Люди, что дожидались здесь уже по несколько дней, пропустили. Сказали: раз батюшка просит, значит действительно надо... В мире, где каждому есть дело только до самого себя, православные не потеряли способность сострадать. И снова во мне эта мысль: любить может только тот, кто в смирении переносит страдания. В благополучии человек способен на подачку, а в страдании вырастает до самопожертвования. Чтобы действительно сочувствовать, – нужно соучаствовать. В келью Санька зашёл с родителями. Пока подходил к батюшке (Власию), тот посмотрел на него и сказал: – Всё пройдёт, это возрастное. Взял кисточку и помазал ребёнку маслом нужные места. На всё про всё – три минуты. Сам я к отцу Власию не пошёл, неудобно было отнимать у него время. Возвращаемся назад, Нина говорит: – Раз святой человек сказал, что болезнь пройдёт, значит так и будет. В этот день у мальчика температура не повышалась вообще. На следующий день один раз поднялась до 38°, и то только на полчаса. Через неделю приехали они к нам в храм и соборовались всей семьёй. С этого дня температурные волны полностью прекратились, а Санькины родители пришли в Церковь. Настоящий подвижник никогда не трубит о себе. Народ сам его находит, а они люди скромные, и везде стараются быть последними и незаметными. Помню, приехали мы как-то в Дивеево. Люблю приезжать туда в будние дни, когда людей поменьше. Подойдёшь к раке преподобного Серафима Саровского и застынешь возле его мощей. И так на душе хорошо, стоял бы и стоял. Но, рано или поздно к тебе, как правило, подходит матушка-монашенка и просит

помочь в алтаре. Идёшь вынимать просфоры. Монастырь-то женский и священников в нём мало, а просфор много, и даже очень много. Вот и поминаешь живых и усопших, а что делать? Кто-то же должен эту работу исполнять... В боковом алтаре нас тогда собралось священников – человек шесть. Стоим, вынимаем частички. Имена записываются в большие общие тетради, и таких тетрадей там много. Просфоры подносят мешками, наподобие наволочек. Ещё перед поездкой в монастырь хотел исповедоваться. Когда священник служит один на приходе, то исповедь для него становится проблемой. Причащаться можно и без исповеди, а душу-то всё равно чистить нужно. До принятия сана я ведь тоже с грехами воевал, если можно, конечно, так сказать. Думал, что многое уже в себе поборол, могу жить спокойно и пожинать заслуженные плоды. Да не тут-то было. Чем дальше в лес, тем больше дров. Став священником увидел, что те страсти, что считались мной окончательно разгромленными, неожиданно стали вырастать из тоненьких росточков в толстые стволы эвкалиптов. И я понял, что борьба, на самом деле, ещё только начинается. Потому и исповедь нужна священнику, как воздух. Думаю, кого бы из отцов попросить меня поисповедовать. Все так усердно молятся, неловко людей от дела отрывать. Смотрю, заходит к нам в помощь старенький согбенный батюшка. Я подумал, что это кто-то из старичков, уже, будучи на покое, доживающих свой век здесь при монастыре. Встал он напротив меня, взял копие и тоже поминает. Только, поминал он медленно. Имя прочитает, вынет частичку, подумает, потом уже положит на тарелочку. Нет, думаю, отец, мы так с тобой каши не сварим, вон какие наволочки просфор подносят. В этот момент к нам подошёл ещё один молодой батюшка и стал помогать. И вдруг, старичок обращается к нему и говорит: – Накрой меня епитрахилью и прочитай разрешительную молитву. – Батюшка, Вы хотите, чтобы я Вас исповедал? – Нет, ты только прочитай надо мной молитву. Пока молодой батюшка молился, я подумал: – Попрошу я этого дедушку меня исповедать. Ему, наверное, даже приятно будет, что я к нему обращусь, а не к молодым отцам. Поэтому и говорю старенькому батюшке, так, слегка покровительственным тоном: – Отец, поисповедай меня. Тот в ответ, молча, кивнул головой, и принял привычную позу исповедующего. Я встал на колени и стал каяться. – Вот такой грех, говорю, меня больше всего мучает. Согрешаю, батюшка, помолись обо мне. Он помолился, посмотрел на меня сверху вниз и сказал: – А ты брат, больше не грехи. Отошёл я от него и думаю: "Действительно, как всё просто, не грехи больше, и всё тут". Вдруг, из главного алтаря к старичку спешит целая делегация из местных служащих отцов и матушек-алтарниц: – Батюшка Илий! Батюшка Илий! Мы Вас потеряли. Матушка игуменья велела нам Вас найти и подобающим образом принять. С видимым сожалением старенький священник отложил копие, и последовал за ними из алтаря. Но прежде чем положить копие, он поднял на меня глаза, и вновь повторил: – Ты просто не грехи, – вот и всё. Я смотрю вслед уходящему старичку и спрашиваю молодого батюшку: – Отец, кто это? – Как?! Ты не узнал? Это же старец Илий Оптинский! Уезжал я из Дивеева в приподнятом настроении. Ехал к преподобному Серафиму, хотел душу почистить, – и он, преподобный, свёл меня с отцом Илием. Хорошее место Дивеево. Приезжаешь туда, и, кажется, вроде ничего не изменилось, хотя на самом деле, всё там другое, и вода, и земля, и воздух. И понимаешь это только когда уезжаешь. Переехал какую-то невидимую черту, и всё. Всё другое. Как велик может быть человек! Через преображение его души преображается и весь окружающий мир. Прекрасна душа – радуется и природа. Когда это понимаешь, то перестаёшь удивляться, почему мы так загадили нашу землю. Кстати, та страсть, в которой я тогда каялся перед отцом Илием, порой еще поднимает голову, но всякий раз на помощь приходит взгляд старца и его слова: «А ты просто не грехи». И грех отступает.

Машинка времени

С Сергеем мы познакомились, лет, эдак, 15 назад, хотя может, и больше. Помню, мы ещё вместе с ним в Лавру ездили и там встретились с епископом Василием (Родзянко). Была Светлая Седмица и в Лавре вокруг Трапезной после службы ходили крестными ходами, вот во время такого хода мы и шли рядом с Владыкой. Я его в лицо хорошо знал, он в те годы по телевидению вёл передачи, а Серёжа телевизор не смотрел и, понятное дело, святителя не узнал. Я ему шепчу: – Серёга, смотри, владыка Василий (Родзянко), бежим благословиться. Он меня по ходу пытается расспросить, – мол, кто это? – Серёга, не отставай, я тебе после расскажу. Владыка, не смотря на то, что вокруг него были люди, сердечно благословил нас, и даже поговорил с нами. И Серёжа долго потом ещё вспоминал нашу поездку к преподобному Сергию Радонежскому. Сергей работал вместе со мной на одной железнодорожной станции, только я был составителем поездов, а он путейцем. Мы и познакомились с ним зимой в одну из ночных смен. Зима в том году была снежная, стрелки то и дело заметало, и их периодически приходилось чистить. Вот его к нам и прислали. Он уже слышал обо мне, что я человек верующий, и очень обрадовался встрече. Сам он тогда уже ходил в церковь, и старался не пропускать воскресных служб. В разговорах с ним я понял, что Серёга мало что знает о православной вере. И в тоже время, меня поражала в нём непоколебимая уверенность в том, что Бог существует, и что Ему есть дело даже до самого последнего человечка, пусть даже это будет какой-нибудь распоследний конченный пьянчужка. Мне было интересно: – Серёжа, скажи, откуда в тебе такая уверенность, в том, что Бог есть? По началу, мне не удавалось из него что-либо вытянуть. Как правило, он старался отделаться от меня малозначащими фразами. И только после того, как наши отношения переросли в дружбу, он рассказал мне потрясающую историю... Серёга по природе человек простодушный. Внутри он настолько прост и незатейлив, что то, о чём он рассказывал, он не стал бы сочинять. Ему бы, просто, в голову не пришло так нафантазировать. Впервые он услышал этот голос, когда ему было всего шесть лет. Малыш стоял на лужке рядом с домом и отрывал жуку крылышки. Занятие так захватило ребёнка, что он даже и не понял, откуда прозвучал этот голос: – А ведь жуку больно. – Но жук ведь не кричит, что ему больно, – возразил мальчик. – И в этот момент я услышал крик, крик

был столь пронзителен и страшен, что я заплакал, – вспоминал Серёжа. – С тех пор я уже никогда больше не мучил ни животных, ни насекомых. После этого голос исчез и не появлялся несколько лет. Я уже стал забывать о нём, и даже сомневался, действительно ли слышал его? Вновь он объявился, когда мне исполнилось девять лет. И задал мне вопрос: – Кем ты хочешь стать? И сразу же: – Я предлагаю тебе стать моим девственником. Мне хоть и было всего 9 лет, но я уже понимал, что мне нужна будет женщина, я уже думал о женщинах. И никаким девственником становиться не хотел. К тому времени мы с братом уже два года занимались боксом, и голос снова спросил меня. – Хочешь, ты станешь чемпионом по боксу? – А, что я буду от этого иметь? – Это в девять-то лет я уже был способен на такой вопрос! – Ты будешь много работать, малыш, достигнешь высот в спорте, твоё имя станет известно, но никаких богатств ты иметь не будешь. – Нет, ответил Серёжа, тогда мне это тоже не подходит. Я уже точно не помню, что ещё предлагал голос мальчику, но, ему было сделано ещё одно предложение. Серёга мог достичь высот, по-моему, во врачебном искусстве, но и от этого он бы не разбогател. А ему хотелось денег... – Понимаешь, наша семья жила очень бедно, ютились вшестером в одной комнате. Мы с братом занимались боксом, и если бы тренер нас не подкармливал, то мы бы элементарно голодали. Все мои мысли, уже тогда, ещё совсем маленького мальчика, крутились вокруг одного – где бы раздобыть денег. Наконец, голос спросил меня: – Чего же ты сам хочешь, мальчик? – Я хочу выиграть в лотерею машину. – Хорошо, ты выиграешь машину. Голос назвал мне точную дату, когда я выиграю в денежно-вещевую лотерею автомобиль «Москвич» стоимостью в семь тысяч четыреста рублей. Это ещё были советские годы. Сергей к тому времени уже женился, и как у всякой молодой семьи, перед ними стал вопрос о собственном жилье. Его жена, женщина мягкая и кроткая, настраивала супруга: – Серёжа, нам нужно что-то думать о жилье. Ведь у нас скоро появится ребёнок, мы не сможем долго жить с родителями. В ответ она неизменно слышала слова: – Не волнуйся, дорогая, на следующий год я куплю лотерейный билет и выиграю машину. Мы возьмём деньги и купим кооператив. Вообще-то, это такой нормальный ответ для идиота, но Серёжа не был идиотом. Хотя, представляю, что тогда о нём думала его бедная Катя. Серёжка понимал, что жена ему не верит, тогда он при Кате обратился к своему брату Косте, и просил его подтвердить, что он не разыгрывает её, и что его словам можно доверять. Костя в ответ только развёл руками, потому что и ему слова брата казались безумными. Когда Сергей выиграл в назначенный день машину и пришёл к жене с лотерейным билетом в руках, та обрадовалась, но тот факт, что муж предсказывал выигрыш, она не помнила. Не мог вспомнить об этом и брат. Их память оказалась вычищенной. Много необычного ещё рассказал мой товарищ, но больше всего меня поразил его рассказ о путешествии во времени. Однажды голос предложил ему: – Хочешь ли ты побывать в другом времени? – Конечно, хочу, живо ответил Серёга. И сразу же подал заявку: – Я хочу увидеть своё будущее. Голос, если так можно сказать, замялся и отказал. Хотя потом Серёжа однажды упоминал, что впоследствии ему удалось видеть какой-то эпизод из будущего, но он предпочитал об этом не распространяться. – Ну, если нельзя в будущее, то покажи мне моё прошлое. – Ты не можешь быть в прошлом и настоящем одновременно. Выбери прошлое другого человека, и я покажу тебе его. – Покажи мне прошлое моего отца. Перенеси меня в то время, когда ему было пять лет. И я увидел себя проходящим сквозь стену деревянного деревенского дома. Вхожу и вижу – в доме все спят. Прямо передо мной маленькая кровать, а на кровати – маленький мальчик. Лунный свет падает ему на лицо. Мальчик не спит, и всюду смотрит на меня широко открытыми глазками. В них нет страха, а только удивление и восторг. Ты представляешь, я стоял и смотрел на маленького мальчика и понимал, что это мой отец. Мне очень хотелось обнять и расцеловать этого мальчика, но я не решился нарушить тишину. Ещё хотелось с ним о чём-нибудь поговорить, но о чём? Мы просто смотрели друг на друга, и нам было хорошо. Потом я прошёл дальше, и, выйдя через противоположную стену, очутился в своём времени. После этого случая, приходя в дом к отцу, мне всякий раз хотелось рассказать ему о нашей встрече в его детстве, но я не рисковал заводить разговор на эту тему. Я помнил реакцию жены и брата на мои слова о лотерейном билете, они же тогда реально думали, что я болен. Время не стоит на месте, и я вслед за женой пришёл в Церковь. Общение с этим «некто» никогда не позволяло мне усомниться в существовании высших сил, просто для того, чтобы придти в Церковь, человеку нужно созреть. Как-то разговорились с отцом о Боге. Я стал доказывать ему существование Творца, но отец неожиданно прервал меня и сказал. – Нет-нет, мой мальчик, никогда в своей жизни я не сомневался в том, что Бог есть, потому, что я Его видел. Я видел Бога в далёком детстве, мне было тогда всего пять лет. Просто, раньше я об этом никому не рассказывал. Была ночь и все уже спали, но я вдруг проснулся и увидел, как прямо передо мной из стены выходит старец с белыми длинными волосами, и такой же бородой. Он подошёл ко мне и стал внимательно меня рассматривать. И ты знаешь, в его глазах было столько любви, что мне захотелось вскочить и прижаться к нему. Потом он пошёл дальше и ушёл в противоположную стену. Я знаю, это был Бог, и никогда я больше не видел в человеческих глазах столько любви и участия. – Как мне хотелось закричать: «Отец, а ведь это был я!» Но чтобы он тогда обо мне подумал? Что я сумасшедший? Не берусь судить о природе происхождения этого голоса. Серёжа уверен, что это был кто-то из числа светлых сил, потому, что со временем он предупредил, что, если Серёга не захочет, то больше он к нему не придёт. От бесов так легко не избавиться. Не знаю, но есть во всём этом рассказе некоторые смущающие меня обстоятельства. И одно из них то, что голос не стал показывать Серёже будущее. Голос мог моделировать будущее мальчика, но не повёл его в это самое завтра. Может, его знание о завтрашнем дне ограничивалось каким-то пределом? То, что существует знание о будущем, не секрет, для Бога нет времени. Просто, для кого-то вход в эту область открыт, а для кого-то, нет. В неё не входят обычные люди, такие, как мы с вами, и не входят бесы. Бесы не могут касаться будущего, если только не закладывают его в дне сегодняшнем сами (влагая помыслы в "распустивших уши" доверчивых людей или внушая через гадалок/экстрасенсов). Они реально не могут заглянуть далеко вперёд. На днях смотрел фильм о подобных путешествиях во времени, сейчас у нас, в связи с ростом

интереса к оккультизму, таких передач много. Так вот все подобные видения ограничивались только событиями из прошлого. К будущему причастны святые и ангелы. К будущему причастны и монахи. И это, я думаю, оправдано, ведь они живут совсем иной, по сравнению с нами, жизнью. И ещё, известны факты явления ангелов и святых среди диких, по нашему мнению, народов Сибири и Алеутских островов. Эти факты принимались даже такими известными святыми, как святители Филарет и Иннокентий Московские. Так святитель Иннокентий узнал от ангелов через некрещеного алеута всю свою будущую жизнь. Кстати, помню, как приехал к отцу Власию в Пафнутьев-Боровский монастырь. Для меня было важно получить из уст праведного человека благословение на то, чтобы кардинально изменить образ жизни, и стать священником. Я приехал узнать о себе волю Божию, хотя и не хотел становиться священником, по крайней мере, в тот момент. Когда-то, очень давно, в юности, я действительно, мечтал о священстве, но время прошло. Старец, велел мне немедленно ехать к Владыке и дать согласие. И тогда я, чувствуя себя неготовым, стал просить его об отсрочке на пять лет. Но он не разрешил, тогда я стал просить год, он вновь не разрешил. Я уже буквально канючил, ну хотя бы до нового года, но, отец Власий был неумолим. Ехать, и немедленно. Что мне оставалось делать? Поехал. Владыка меня тогда принял, внимательно выслушал и ...отказал. Честно сказать, я был ошеломлён. Он меня не вспомнил. Только что мне было сделано предложение стать диаконом, и вдруг, всё отыгрывается назад. И никто из тех, кто был тогда с Владыкой, не мог меня вспомнить. Я пересказывал подробности разговора, состоявшегося всего две недели назад, его обстоятельства, свидетелей, но они всё напрочь забыли. События, происшедшее тогда со мной, стали для меня таким потрясением, что домой я уже вернулся больным. Прошло пять лет, тех самых пять лет, которые я когда-то выпрашивал у старца, и мне, даже не спрашивая моего согласия, неожиданно назначают дату рукоположения в диакона. И вот ведь что поразительно, меня начинают узнавать те, кто пять лет назад, не мог вспомнить ни меня, ни сделанного мне предложения. Что же тогда произошло? Может быть, меня разыграли? А, собственно говоря, кто я такой, чтобы меня разыгрывать? Старец ошибся? Но он даже указал мне место, где я буду служить, что впоследствии и подтвердилось. Возможно, мне позволили окончить богословский институт. Получается, что старец видел волю Божию, но не увидел временных границ, в какие она должна была состояться? Пишу, а на память приходит ещё один диалог. Тогда он мне был непонятен и неприятен, но с высоты опыта дня сегодняшнего, я уже по-другому отношусь к нему. Как-то, ещё задолго до моего рукоположения, приехал в Троице-Сергиеву Лавру и решил сходить на исповедь в надвратный храм. И вот наступила моя очередь, подошёл к незнакомому мне молодому монаху. Он внимательно слушал мою исповедь, время от времени поднимая на меня глаза, и вдруг неожиданно спрашивает: – Ты священник? – Нет, и я замолчал. – Ничего-ничего, продолжай. Я вернулся к прерванным мыслям и продолжил исповедь. Но ещё через какую-то минуту он вновь повторил свой вопрос, или, скорее, заявил полуутвердительно: – Ты священник. – Нет, батюшка, ответил я ему, досадуя на то, что он вновь не по делу прерывает меня. Уже в конце моей исповеди, когда монах накрывал меня епитрахилью чтобы прочитать разрешительную молитву, он даже с каким-то недоумением, словно возражая кому-то, в третий раз задал мне всё тот же вопрос: – Ты действительно не духовное лицо? Сейчас-то я понимаю, что, исповедующий меня монах, возможно, сам того не осознавая, вошёл каким-то образом в ту самую область знаний о будущем. Но будущее в его представлении совпадало с настоящим. Может быть, он видел меня священником, даже с какими-нибудь элементами облачений? Не могу сказать, как приходит это знание, но то, что оно приходит, это, несомненно. Однажды я и сам увидел себя в будущем. Дело было в Липецке. Я переодевался у себя в рабочем кабинете. На улице было холодно, и я надевал на себя телогрейку и чёрную овчинную шапку ушанку. Мой взгляд случайно краешком скользнул по большому зеркалу, и я остолбенел. На меня из зеркала смотрел я, но только в рясе и чёрной камилавке. Видение было мгновенным, но настолько отчётливым, что навсегда осталось в памяти. И в тот миг я вновь вспомнил о своей сокровенной юношеской мечте. А, может, мне тогда о ней специально напомнили, чтобы не забывал? PS Сергей долго шёл в Церковь, но никогда о ней не задумывался. Он настолько прост, что его мысль не поворачивалась в нужном направлении. Кроме того мой товарищ экстраверт, что тоже не способствует духовной жизни. Сейчас он молодец – голос по соглашению с ним ушёл!

Чудеса (Запах бездны и говорящий кот)

Рождество и Крещение Господне, словно специально даны нам для соприкосновения с чудесами. Здесь и святочные гадания, и ряженые, и в прорубь мы окунаемся всей страной, порой даже в тридцатиградусные морозы. С чего бы такая массовость? Да сказки нам хочется, чудес ждем, и чем старше человек, тем эта тяга сильнее. Вспомните многочисленные рассказы о паломничестве на Святую Гору Афон. Начитаются про разные проделки бесовские – и в путь. Приедут, и давай всего бояться, любой шорох за духовный вызов принимают. Услышат, как мышка скребется, и дрожат, словно малые дети: «Ой, боюсь! Боюсь!». За другим, видимо, на Афон и ездить неинтересно, "экшн" нужен, адреналин. Без приключений скучно... №1. Мой-то, оказывается, бесноватый! Жизнь с ним прожила, - и даже не подозревала! Так и у нас. Приходит бабушка с полиэтиленовым баллоном из-под газировки, литра на полтора. – За крещенской водичкой, – говорит, – пришла. – Так ты же брала совсем недавно. Неужели уже все выпили? – Да нет, – интригуяще улыбается старушка. – На духовную борьбу все ушло. Дедушка-то мой, оказывается, бесноватый! Всю жизнь с ним прожила, и даже не подозревала. Дедушка её – добрый человек и великий труженик, до последних сил скотину держал. Всякий раз из поселка варево хрюшке возил, потом на курочек перешел, – тяжело уже было. Как совсем ослабел, так уж только ходил – собачку подкармливал у себя на даче, и в конце концов слег – возраст. Когда мы встречались с ним где-нибудь, – всегда, помню, остановимся,

поговорим. А потом, к великому сожалению, моего знакомца обезножило (отказали ноги). Приходит его бабушка в праздник домой с крещенской водой и давай по квартире ходить – кропить. "Дай-ка, думает, окроплю я и деда, – как он, интересно, отреагирует? Вон, по телевизору все про бесноватых показывают, как они от освященной воды орут". А дедушка в это время мирно дремал на кровати, не ожидая от своей супруги никаких терактов. За что и поплатился: бабушка, подкравшись, окатила беднягу ледяной крещенской водой. Потом она рассказывала мне: – И такое беснование с дедом началось! И руками замахал, сам ругается всячески, и в меня все чем-то кинуть хочет. Пришлось на него все полтора литра и вылить. Вот пришла за новой... Представил себе эту картинку и умоляю старушку: – Мать, – говорю, – Христом Богом прошу, оставь деда в покое! Если кто из вас двоих и бесноватый, – то явно не он. Бабушку-то я отругал, а ведь ее рассказ обличил меня в одном не очень благовидном поступке, или, если можно сказать, в озорстве, в результате которого, я неожиданно соприкоснулся с чудом. №2. Разговор с громадным кошаком. История сродни сказкам. Но ведь все так и было! А дело было так. Пригласили меня в дом к тяжело больному человеку, исповедать его и причастить. Уже собрался уходить, да чувствую, – в доме их от страданий очень уж тягостно. Достал я крещенской водички и думаю: «Пройдусь немного по квартире, окроплю, нужно эту тугу в доме хоть немножко ослабить». Я многократно замечал, что после окропления помещения святой водой, воздух в нем свежее, словно легкий морозец по дому прошел, и на душе становится светлее. Только начал кропить, смотрю, а на диване в другом конце комнаты спит здоровенный котяра. Прежде я такого гиганта только один раз и видел, – в московском метро мальчишка на коленях держал. Вот уж, действительно – кот Бегемот... Вот на этого-то кота я взял, да и ливанул водичкой. И явлено мне было чудо. Кот поднял голову, посмотрел на меня недоуменно и русским языком спрашивает: – Ты чего, поп, совсем с ума сошел? Тебе что, больше делать нечего? Встал, спрыгнул с дивана и направился к хозяйке. – Мать, что в нашем доме творится? Что это за хулиган? Ладно, если бы я его трогал, а то ведь ни за что ни про что взял и водой облил! Хозяйка ему отвечает (я не шучу!): – Ну ладно, ладно! Он не со зла, случайно, видать, получилось. Больше не будет. Котище нехотя вернулся на прежнее место, внимательно посмотрел на меня своими глазами-плошками и протянул: – Больше так не делай! – и снова задремал. Я остолбенел. Язык мой «прильпни гортани моему». Вспоминая сейчас этот разговор кота с хозяйкой, думаю, что наверно он все-таки мяукал по-кошачьи, но я почему-то все понимал, а уж хозяйка – тем более. Перечитал написанное и задаюсь вопросом: если коту достаточно было заговорить на человеческом языке, чтобы поставить на место хулиганствующего батюшку, то на каком языке должен был возопить бедный старик, чтобы уgomонить свою старушку? №3. Отпевание старушки. Запах из бездны. Не забывает он нас, – всегда рядом... На этой неделе произошло чудо и у нас в храме (или не чудо, не знаю, как и назвать) только не смешное, а грустное. Лучше бы о нем забыть, но, как говорится, осадочек-то все равно остался... Отпевали бабушку лет 80-ти. Условились, что тело принесут к часу дня, поскольку в храме с утра шла уборка, и, чтобы никому не мешать, решили отпевать именно в это время. Старушку привезли за 15 минут до назначенного срока и в храм до поры пока не занесли – ожидали за оградой. У меня еще оставалось время, и я решил сбегать перекусить. Выхожу из самого храма в пространство под колокольной (притвор называется), и чувствую тонкий запах тления. Еще в первый год своего священнического служения, я по неопытности и глупости отравился такими испарениями, и запах этот чувствую очень остро и даже болезненно. «Крыса, что ли, в подвале сдохла? – подумал я. – Нужно будет все тщательно осмотреть!» Пока трапезничал, тело занесли в храм. Бегу назад – и опять эта вонь, только резко усилившаяся. Зашел в сам храм – вроде все в порядке (тело сразу из морга привезли) – никаких запахов. Приступил к отпеванию. Смотрю, мои помощницы забегали, а матушка, так та вообще за горло держится. Она ведь – бывший химик, у нее обоняние, как у парфюмера... Через какое-то время я остался один на один с неутешными родственниками, а мои в это время прочесывали сантиметр за сантиметром притвор, и даже на колокольную поднимались, пытаюсь определить источник запаха, но все было тщетно. Запах стоял именно в притворе, где вообще ничего кроме стен и каменных плит под ногами не было. После отпевания я отпустил всех, а сам уехал на требы. Через какое-то время староста звонит мне и сообщает, что оставила ключи в храме. Пришлось ей меня ждать. С треб меня привезли лишь в половину четвертого, староста меня дожидалась на месте. Открыли двери. Запах, который, как мы надеялись, за полтора часа уже выветрился, – лишь только усилился. «Что-то здесь не так», – дошло до меня, – «это не простой запах». Набрал крещенской воды, мы вместе со старостой под пение тропаря Крещению Господню обильно окропили притвор. Я тогда вспомнил, что, окропляя храм на сам праздник Богоявления, забыл освятить эту часть храма, притвор. Спустя несколько минут, мы с помощницей вышли из храма. В притворе стоял чудесный запах морозца. И тогда я понял, что запах тлена, по-видимому, исходил от того, кто приходил за старушкой. Пришел из бездны и ушел с добычей, а присутствие своё обозначил. Вот так наверно там и пахнет... Не забывает он нас, всегда рядом, «аки зверь рыкающий», страшный и беспощадный. И раньше случались явления в притворе, но чтобы такие, как вчера, – право, не припомню. Вот такие чудеса...

Плоть едина

И сказал: посеку оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. (Мф.19:5-6) На днях прочитал, что в Африке несколько католических священников отделились от своего Папы. И по причине вовсе не догматической, а по самой что ни на есть житейской: отцы заявили, мы хотим иметь жён, и жить с ними в законном браке, как и все остальные нормальные люди. Разумеется, что эти чернокожие ксёны уже имеют жен, живут с ними, но открыто не афишируют. Начальство об этом знает, но закрывает глаза, понимаем, мол, вас, наши африканские братья, нелегко

вам там, в такой жаре, бороться с искушениями. Только верующему человеку, а тем более священнику, так жить (против совести) нелегко. Нельзя самому нарушать принятые нормы благочестия и одновременно с этим учить паству нравственности, – вот и восстали. Тяжело нашим католическим братьям без матушек, раз решились ради них даже на раскол. Да и вообще, тяжело священнику одному, и не только когда он молод, но и во многих других отношениях... Вот, был у меня один знакомый целебатный батюшка, – сейчас связь, к сожалению, прервалась, а тогда я, ещё, не будучи священником, заезжал к нему на приход. Как-то приезжаю, и неожиданно попадаю на его день рождения. Захожу в церковный дом, а там... – яблоку упасть негде, и – одни женщины. Суетятся, готовят что-то на кухне, кто-то с тарелками бегают. Обстановка самая что ни на есть празднично приподнятая, женщины все в белых блузках, а под платочками угадываются тщательно уложенные головки. Потом вижу, как из духовки достают огромный корж и выводят на нём кремовые «38». Я служу уже десять лет, но мне наверно и на 120-летие такого торта не дожждаться, какой моему приятелю тогда испекли. Я видел глаза моего товарища, когда вся эта орда тётенок в белых блузках наступала на него с тортом наперевес и с дружным многократным пением: «Happy birthday to you!». Поверьте, это были глаза мученика! («Хэпи бэздеи ту ю» – с Америки этот странный обычай к нам идет – вместо того, чтобы просто сказать: "Поздравляем с днем рождения, дорогой батюшка!"). Да-да, матушка нужна священнику ещё и как каменная стена, за которой он может в любой момент спрятаться от таких вот почитательниц, а их бывает много, особенно у отцов молодых и видных собой. Ведь в храм приходит множество женщин, оставленных своими мужьями или любимыми. Нередко в семьях между супругами не хватает тёплого человеческого общения, да и других нестроений полно. А батюшка по роду своего служения должен их выслушать, поговорить с ними, обнадежить. Он никогда не будет на тебя зло кричать, и, тем более, не ударит. Вот и создаётся у женщины иллюзия, что этот священник и есть тот самый "единственный долгожданный Принц", который тебя поймет. Вот он нашёлся – цель и смысл горькой, несчастной и нереализованной бабьей судьбы! И женщина начинает действовать. И иногда такие действия принимают совсем нешуточный оборот. Порой даже присутствие законной матушки не спасает... Однажды, ещё диаконом, после службы, разоблачаемся в ризнице с моим отцом настоятелем. Снял он с себя облачения, привёл в порядок волосы перед рукомошником, а потом достаёт из куртки пистолет и кладёт его в карман подрясника. Я с удивлением смотрю на оружие. Он перехватывает мой взгляд и говорит со вздохом: – Не подумай чего, – газовый. Не знаю уже что и делать. Ты не обращал внимания на такую большую девушку, обычно стоит возле левой колонны? – Это такая здоровенная, типа метательницы молота? – Вот-вот, она самая. Проявляет ко мне, как говорится, – повышенное внимание... Подойдёт на исповеди и давай: – мол ты мой избранник, и будешь моим, а я, если что решила, то привыкла своего добиваться. Ты на мне должен жениться! – и всё такое прочее. Объясняю ей, что у меня жена есть, дети, а она мне – это мол не проблема. "Жена – не стена, пожила с тобой, поживёт и без тебя". Стала подлавливать после службы, а на днях неожиданно напала. Я, вообще-то мужик не самый слабый, но она меня обхватила, приподняла над полом и впилась в губы. Я трепыхаюсь, как рыбка на крючке, а освободиться не могу. А она мечтательно: "Какие у тебя многообещающие губы..." Вот, купил пистолет, может, испугается... Дома телефон приходится отключать, перед матушкой стыдно!.. Я сразу же вспомнил историю про одного знакомого батюшку, он служит вторым священником в митрополии, в старинном храме. Храм стоит почти в центре города, на улице, идущей параллельно главной. Однажды утром он готовится к поздней Литургии. И вдруг слышит звон разбитого стекла и видит большой камень, влетающий в алтарь. Батюшка подскакивает к разбитому окну, и видит пьяного, – у них там, напротив храма, питейное заведение. Здоровенный амбал стоит, никуда не убегает, нагло улыбается и показывает батюшке фигу. Но это мне можно фигу показать, но не моему товарищу. Он пришёл в семинарию после окончания военного училища, и, не переставая ощущать себя военным человеком, окормляет до сих пор наших ребят из ОМОН, воюющих время от времени на Северном Кавказе. Имея многолетнюю привычку носить при себе оружие, ещё с чеченских кампаний, в которых принимал непосредственно участие, он всегда имел с собой большой газовый пистолет, – точную копию боевого ТТ. Без лишних слов он сбрасывает с себя фелонь (священническую ризу) и со своим огромным чёрным пистолетом выбегает из церкви. Пистолет хоть и газовый, но палит, словно настоящий. Бьюсь об заклад, что хулиган в своей жизни никогда так не бегал. А народ, думаю, долго ещё вспоминал эту необычную картину – батюшка в подряснике и с пистолетом в руках, молча преследует улепётывающего от него и истощно вопящего мужика... Но окна в храме после этого случая бить перестали, и фиги тамошним батюшкам больше никто не показывал. И я представил моего кроткого отца-настоятеля с пистолетом в руке, преследующего наглуую девицу, и долго потом ещё смеялся про себя... Трудное это дело – найти семинаристу настоящую подругу жизни и помощницу. Да и где? Не станет же он искать её по дискотекам и ночным клубам. Поэтому в нашей среде существует традиция сватовства. Завтрашний священник узнаёт, что у такого-то батюшки дочь на выданье и едет свататься. Вот и к нам как-то однажды, приехал один такой молодой человек – хотел с моей дочкой познакомиться. Пожаловал вместе со своим отцом-священником. Очень хорошая, потомственная священническая семья. Звоню дочери: так мол, и так, приходи – "купцы приехали". Та всё сразу поняла и отвечает: – Папа, прости, я не приду. Извинись за меня, но я матушкой становиться не буду. – Почему, дочка, ты же с нами в храме с младенчества? – Нет, папочка, я буду жить нормальной человеческой жизнью, буду иметь выходные и отпуска, а так, как вы с мамой: – всю жизнь в деревне руины восстанавливать, да пять – шесть человек детей растить, – не хочу. Что ж, всё правильно: быть настоящей матушкой – это подвиг, и не каждая девушка к нему готова и на него согласна. А иногда ребята идут к старцу, просят благословения на брак с тем, кого он им предложит. Какие порой трагедии происходят после подобных «благословений». Разве это дело монахов – благословлять на счастливый брак? После многих лет общения в священнической среде я вдруг сделал довольно неожиданный для себя вывод. Сколько бы мы раз не встречались, какие бы темы не обсуждали, но мы

никогда не говорим о женщинах. Тем более о матушках (о них, или только хорошо, или ничего). Не существует для нас такой темы. Поверьте, если где и собираются отцы на какой-нибудь праздник, а потом садятся за стол, то рядом с ними почти никогда не бывает женщин, а уж тем более чужих. Батюшек, конечно, можно упрекать, как и остальных людей, во многих грехах, но в изменах своим матушкам – практически никогда. Если священник "загулял", то это, как правило, от отчаяния – значит в семье его совсем плохо... Наверно это от того, что отцы очень дорожат своими подругами, ведь жениться нам можно только один раз! Здесь мы как те саперы-минёры, только минёр, если ошибётся – погибает на месте, а священник мучается всю оставшуюся жизнь. Да и познают женщину будущие священники только после брака, поэтому жены для нас всегда остаются единственными в нашей жизни. Даже после смерти подруги священник обречён на одиночество (второбрачие священникам не позволено). Помню, к нам на праздник из соседнего благочиния приехал пожилой уже протоиерей. Внешне батюшка очень походил на артиста Евгения Леонова, а поскольку родом он был из рязанской деревни, то и речь его была подчёркнуто колоритной. После службы за праздничным столом отец Геннадий выпил рюмочку и сразу же стал быстро и много говорить, – и всё про женщин, – и всё плохо. И такие они, и сякие, эти Евины отродья!.. Мне потом сосед за столом шепнул, что от батюшки, ещё совсем молодого, только назначенного в сельский приход, ушла горячо любимая им жена. И ушла к соседу в ту же деревню. Жила рядом, а над бывшим мужем потешалась. Периодически она возвращалась обратно, а потом снова уходила. Женщина постепенно деградировала, начала пить горькую, и при встрече с бывшим мужем могла крикнуть: – Что, блаженный, ты хочешь сказать, что ты нормальный мужик? Да настоящий мужик меня такую давным-давно бы удавил, а ты всё принимаешь и принимаешь... А он сам детдомовский, всю жизнь мечтал о семье, детях. И что-то в душе его, в конце концов, повернулось, – и он возненавидел весь женский род. Жил один, никому не разрешал себе готовить, и даже постельное бельё сам стирал. Я общался с ним всего несколько раз, а он, видя во мне благодарного слушателя, всё рассказывал байки из жизни священников в той епархии, в которой служил раньше: – Вот, был у нас, значиться, один батюшка, это ещё в советские годы. Хороший батюшка, основательный. Служил в одном селе, много лет отслужил, и решил, он, значиться, в конце концов, застрелиться. У меня от рассказов отца Геннадия начинало всё в голове путаться. Ну как можно быть основательным батюшкой, и, в конце концов, решить покончить с собой? В другой раз он мог начать рассказывать уже о другом священнике, который пришёл к выводу, что ему необходимо утопиться. Правда, все попытки суицида оставались нереализованными и заканчивались без смертоубийства. Через некоторое время я стал обращать внимание на то, что кроме меня батюшку никто больше не слушает. Поговорил с одним отцом из благочиния, где служил отец протоиерей. – Странная картинка у меня складывается от рассказов отца Геннадия, такое впечатление, что в епархии, в которой он служил ещё в советские годы, значительная часть отцов страдала каким-то маниакально депрессивным синдромом (МДП), и всё норовила свести счёты с жизнью. Мой собеседник грустно улыбнулся: – Всё, о чем он рассказывает, – это лишь его собственные мысли и переживания. Это он сам, впадая в отчаяние, думал с собой покончить. Его постоянно мучил вопрос, почему Бог с ним так поступил, почему попустил совершиться предательству? Он часто стоял на грани того, чтобы уйти из священства и вновь жениться, но такой поступок сам же считал изменой Богу, а кроме Христа у него никого больше не осталось. Мы к его рассказам привыкли и не обращаем на них внимания, а ты – человек свежий, вот он тебе и изливается. А вообще, так как отец Геннадий, у нас никто больше молиться не умеет, он ведь не просит, он вопиет Богу! В том же самом благочинии, откуда был отец Геннадий, служил и ещё один, уже маститый, протоиерей. На него посмотреть – так чисто русский богатырь, – косяя сажень в плечах, и кулаки, каждый по пуду весом. А матушка перед ним, – ну просто девочка, но, как мы заметили, слушается он её беспрекословно. Словно она у него генерал, а он так выше старлея так и не дослужился. И, наверное, понимая, что нас такое главенство женщины в священнической семье искушает, однажды сам рассказал удивительную историю их совместной жизни: – Я ведь священником стал ещё в семидесятые годы. Вспоминаю, как невесту тогда искал такую, – чтобы один раз и на всю жизнь. Познакомили меня с моей будущей невестой. Маленькая, стройная – словно берёзка. Вот, думаю, такая маленькая и будет жить со мной тихо и мирно, не станет мне указывать и поучать. А вышло-то всё, как раз, наоборот. Как стал я священником, принял приход, так и начала моя благоверная со мной спорить. Всё ей не так, что ни скажи, что ни сделай, – ну никак я ей не угожу. Я уж с ней и по-хорошему говорил, и голос на неё повышал, а она ни в какую, не уступает и всё тут. И вот, однажды, не выдержал я и вздумал погугать её кулаком, а не рассчитал – она как раз на него и напоролась... Упала моя матушка на пол, лежит и не дышит... Я за голову схватился. Ещё бы, матушку свою убил! Ведь она хоть и вредничала, но меня-то, всё одно любила, и я в ней, честно сказать, души не чаял. И вот такой несчастный случай (а священник, если человека убил, даже если и случайно и не по своей вине, – служить у престола больше не имеет права). Закричал я тогда страшно, упал перед ней на колени, прижался к губам, а дыхания нет, – безчувственное тело. Поднял я её на руки, – а её руки свисают точно плети. Положил её на кровать, зачем-то пледом накрыл и поехал к владыке. Уже поздно к нему домой приехал. Доложили ему, он меня встречает: – Что стряслось, батюшка, почему такая срочность, ты что, до утра подождать не можешь? – Владыка, я матушку убил, не хотел, а убил, под руку она мне попала, а я силу не рассчитал. Снимаю с себя крест и кладу его перед архиереем на стол: – Не имею я больше права такого – оставаться священником. Владыка мне: – Ты, брат, не дури, возьми крест обратно, – только я могу решать: быть тебе у престола или не быть. Лучше давай ка о твоей матушке помолимся... А я развернулся и, ничего не говоря, в отчаянии выбежал на улицу. Еду в автобусе и думаю: "Подвёл я всех, всю Церковь подвёл. Теперь будут в советских газетах писать, что церковник-мракобес жену до смерти забил". Домой иду, а ноги не слушаются. В один день я потерял всё, и любимую, и право быть священником. Думаю, сейчас помолюсь и пойду в милицию сдаваться. Подхожу к двери, а она вдруг сама открывается, и моя ненаглядная

кидается мне на шею. – Ты где пропадал?! Ужин давно остыл, а ты всё не идёшь и не идёшь, не знала, что и думать. Стою, как вкопанный, и понять не могу: "Я что, сплю?" Ущипнул себя, а она не пропадает, улыбается мне. – Ты как себя чувствуешь, – спрашиваю? – Да, вроде ничего, только голова немного побаливает. Утром снова в область, к владыке, только уже в кабинет. Захожу, а у него на рабочем столе – мой крест. Я на колени, и ползу: – Прости владыка, матушка моя воскресла, и не помнит, что я её убил. Он берёт со стола мой крест, подходит ко мне, а потом размахнулся, и к-а-а-а-к перетянет меня по спине цепью. А потом спрашивает: – Больно? – Больно, – отвечаю. – Это хорошо. На всю жизнь запомни эту боль. И ещё запомни: никогда, и ни при каких обстоятельствах, не снимай с себя крест! Потом улыбнулся: – А теперь возвращайся домой к матушке, и терпи. Всю жизнь её терпи, – это твой второй крест. Вот так бывает, жизнь поворачивается... Года через два после нашего знакомства с отцом Геннадием, мне вдруг сообщили, что он скончался. Мы собрались на отпевание в храме, который он и построил. Оказалось, что батюшка в последний год своей земной жизни узнал от врача, что тяжело болен, и что ему необходима срочная операция, а иначе он умрет. – Операция? – спрашивает. – Какая еще операция?! Да, для меня эта болезнь – награда, Господь меня пожалел, и к Себе призывает. А ты хочешь, чтобы я и дальше страдал? Свой последний год он почти не выходил из храма, служил каждый день. Ездил на исповедь к отцу Иоанну Крестьянкину. Умер тихо и мирно, боли его не посещали. Утром совершил Литургию, причастился. Пришёл домой, почувствовал себя плохо, лёг на кровать и почил. На поминках хлопотали сердобольные старушки, кормили отцов деревенскими пирогами. Жалели отца Геннадия: – Отмучился, сердешный. Он, хоть, и не любил наш бабий род, но человек был добрый. Только мы никак понять не могли, отчего он нас так всё чудно попрекал? Как выпьет за праздничным столом рюмочку: – Вы, – говорит, – потомки Евы-искусительницы и предательницы, повадно вам Адама мучить, а то, что Адам страдает – вам, конечно же, всё равно! Махнёт рукой: "Э-э-эх!" – и заплачет. Он, хоть, и с чудинкой был, и женщин у себя в доме на дух не терпел, но как узнает, что в какой семье кормилец помер, так придёт и денег принесёт, да и потом не забывает, особенно если в семье малые дети. Очень уж он детей любил, а своих у него не было... Сегодня всё стало просто, захотели – сошлись, не понравилось – разбежались. Может, и остаются священнические семьи последними островками верности в напоминание миру о том, что Любовь и Преданность – это не выдумка, и если люди одумаются и снова захотят Любить, то им будет у кого поучиться...

Пророчество игумена Нафанаила

Один знакомый батюшка как-то рассказал мне анекдот... Хрестоматийная, вобщем-то, ситуация – католический ксендз и православный батюшка во время поста едут поездом вдвоём в одном купе. Пан ксёндз достаёт из сумки шматочек пахучего сала. Нарезает его тоненькими кусочками и начинает кушать. – Батюшка, – улыбается он, – пожалуйста, угощайтесь. В ответ наш православный пастырь, сглотив набежавшую слюну, самоотверженно отказывается: – Что вы, пане ксёндзе, как можно, мы же сейчас постимся и сала не едим. Католик кушает и посмеивается: – И напрасно, батюшка, напрасно. Сало, знаете ли, вещь хор-о-о-о-ошая. Доехали пастыри до конечной станции, прощаются. Батюшка берёт вещички и кланяется: – Всего вам доброго, пане, и прошу передавать от меня поклон вашей матушке. Ксёндз с удивлением переспрашивает: – Какой ещё матушке? Разве вы не знаете, что матушки нам не положены? И батюшка парирует, победно улыбаясь: – И напрасно, пане ксёндзе, напрасно. Матушка, знаете ли, вещь хор-о-о-о-ошая. Рассказал он этот анекдот Великим постом, и не зря видать рассказал. Как человеку понять, что он счастлив, что не нужно ему искать чего-то там далёкого и необыкновенного, если его счастье, на самом деле, всегда с ним рядом. Вот мы, православные, это знаем. Нашей маленькой радостью становится возможность просто сесть после поста за стол и покушать с друзьями того же самого сальца. Для других это будни, а для нас праздник... Если бы не посты, разве стали бы мы по-настоящему ценить тех, кто живёт с нами в одном доме, делит стол и ложе? Был бы этот человек тебе всегда желанен? А как здорово сознавать, что и ты ему дорог точно также, такой же единственный и на всю жизнь. Нет, определённо, священнику без матушки не спастись. Матушка – это второй крест на его шее и постоянный ограничитель. Только и слышишь: – Куда пошёл? На кухню после восьми не входить! Мне что, на холодильник замок вешать? Это уже давно, когда ещё на железной дороге работал, просыпаюсь дома ночью и чувствую сильнейший голод. Работали мы посменно, и ночь для меня перестала отличаться от дня, и от этого есть хотелось круглосуточно. Встаю и потихонечку иду на кухню. Поставил чайник, намазал хлеб маслом, сверху ещё и мёдом, сию пирую. И матушка даже во сне услышала, поняла недоброе и ринулась спасать. Приходит, а я уже разохотился, второй бутерброд готовлю. И ведь не стала ругаться, убедила, что не надо мне этого вовсе! Столько лет спасала и продолжает спасать. А что прикажете делать, если нервы напряжены до предела, или тебя посетил источник вдохновения, ну как не пожевать в такой момент кусочек колбаски? Ну как?! И тогда высокой степенью искусства становится проскользнуть к холодильнику так, чтобы никто не заметил и ничего не услышал. В этот момент даже какой-то азарт появляется, словно ты пробираешься в стан к противнику. Дойдешь на этот раз или нет? Иногда и во время поста по привычке проберёшься, правда тогда хлопаньем дверцы всё дело и ограничивается, холодильник-то всё одно пустой. Так только, чтобы навык не утерять. В последнее время всё чаще приходится жить врзъ, матушка – то за стариками уезжает ухаживать, то внучку присмотреть, и всё чаще остаёшься в доме один. Думаешь, вот и славно, отдохну от постоянного и «всевидающего ока». А уезжает, и время останавливается. Ты перестаёшь жить и, словно впадаешь в анабиоз, до тех пор, пока она вернётся. Оглядишься вокруг и думаешь, а зачем мне эти комнаты, вполне хватит и одной. Убираешь всё, что можно спрятать, чтобы не пылилось, закрываешь двери в другие комнаты, зачем убирать лишнюю площадь. Пытаешься честно наводить порядок на кухне, моешь посуду, вытираешь стол. А всё равно прямо кожей

чувствуешь, как всё вокруг покрывается противной жирной плёнкой. И от этого ещё больше растёт чувство заброшенности, неуюта и одиночества. В углу большой комнаты сиротливо высится холодильник, его практически не открывают, разве только морозилку, чтобы забросить пару очередных пачек с пельменями. Кому он нужен, если к нему можно подойти когда угодно? - Неинтересно! - Я же тебе всего наготовила, - возвращаясь, удивляется матушка, - ты так и не притронулся к котлетам. А суп! Ты что, всю неделю не ел первого? Нет, вроде что-то ведь ел, хотя точно и не помню что. Ах да, покупал кильку в томате и варил пельмени. Как же это я котлет не заметил, странно... Думал, что это только со мной такое, а недавно уезжал на несколько дней, матушка провожает меня и вздыхает: - Ты уезжаешь, я остаюсь одна, и зачем мне все эти комнаты? Посмеялся я тогда над анекдотом, а потом представил себе жизнь этого католического батюшки у нас в России и пожалел его. Личная жизнь священника традиционно замыкается на семью и на дом, у него практически не бывает друзей... В церкви священники общаются, как правило, с верующими мирянами, а исполняя требы на дому - соответственно, с теми, кто пригласил. И как бы люди тебе не нравились, но всё равно ты собираешься и уходишь домой. Куда идти одинокому ксёндзу? Наши отцы периодически съезжаются на совместные праздничные службы, навещают друг друга. Есть возможность пообщаться, разрешить недоуменные вопросы, а ему с кем душу отвести? Его собрат в лучшем случае находится в соседнем областном центре. Вот и начинают они тянуться к православным отцам. Знаю, в одной епархии отец ксёндз неизменно участвует в крестных ходах с православными, потом идёт с отцами за праздничный стол, прогонять его никто не прогоняет, зачем обижать человека? А как-то при случае, разговорился я с одним таким католическим пастырем, он служит в соседней с нами епархии. Порядочный и верующий человек, приехал к нам в самом начале 1990-х. Прежде чем ехать - долго готовился, учил наизусть Евангелие, думал, если арестуют, так будет на память читать Слово Божие. Не пригодилось, никто этого батюшку не арестовывал, и вообще, никто у нас на него внимания не обращает, а ему одиноко. - Может, мне в православие перейти, а? - спрашивает он меня. - Как ты думаешь? Время уходит, а я никому не нужен... Всё верно, человек приходит в этот мир, чтобы испытать, или лучше сказать, пережить любовь и самому ощутить эту самую нужность кому-то. Церковь учит, что Бог есть Пресвятая Троица, пребывающая в единой Сущности. Тайна этого единства человеку недоступна, но зато нам открыто, что Троица непрестанно пребывает в состоянии любви каждой Ипостаси друг к другу. Всякая характеристика, касаемая Бога, понимается нами, как абсолютная, потому и человек, испытывая Любовь, в разной степени приближается к познанию главной Тайны. Только та высокая Любовь с обывательской точки зрения для нас недоступна и непонятна, потому, что она жертвенная, а на жертву мы чаще всего не способны. Но где-то там, в глубине души человек всё одно догадывается, что истинной может быть то, за что можно осмысленно жертвовать: деньгами, временем, здоровьем, жизнью. Потому она завораживает, мир останавливается перед ней, не переставая в душе восхищаться, и даже иногда, пытаюсь подражать. Но если обычный человек способен испытать чувство любви и нужности в своей семье, то как же тогда спастись монаху? У него никогда не будет ни жены, ни детей, кого ему любить? Кого любить тому же одинокому ксёндзу, и кто полюбит его? Ведь и любовь имеет утешение, когда она ответна... * * * Прошло уже почти четверть века с тех пор, когда трое друзей, тогда ещё совсем молодых ребят, приехали в глухое село, в храме которого служил старый опытный архимандрит. После службы он ласково принял юных алтарников, говорил с ними на разные темы, и только после, как бы, между прочим, ответил на главный вопрос, ради которого они и ехали: - Тебе и тебе - быть протоиереями, езжайте поступать в семинарию к преподобному Сергию Радонежскому, а тебе, - он посмотрел в сторону третьего, - тебе быть монахом, это твой путь! Так будущий отец Нафанаил узнал свою судьбу, которую поначалу даже было пытался избежать. - Ну, не хотел я жениться, никогда не хотел, не видел себя в качестве мужа и главы семейства. Говорил он так, скорее всего, потому, что рос сиротой, не знал отца и не представлял себя в этой роли. - Но и монахом я себя никогда не видел. Пока друзья учились в семинарии, будущий отец Нафанаил примерялся к новому для себя образу жизни, ездил по монастырям, подолгу трудился на послушаниях, и, в конце концов, пришёл к владыке за благословением об определении на жительство в один из епархиальных монастырей. Владыка к тому времени уже знал и его самого, и о желании молодого человека стать монахом. Потому вскоре совершил над ним постриг, а через несколько месяцев рукоположил в первый священный сан. Приблизительно тогда же, закончив учёбу в семинарии, и женившись, стали священниками и двое его друзей... Хотя будущего отца Нафанаила я знал ещё мирянином, но по-настоящему мы подружились, когда он пробыл в монашестве уже где-то около семи лет... Батюшка часто восклицает: - Да какой я монах, - настоящие монахи постоянно пребывают в молитве, а я в строительстве. Те умной молитвой мир спасают, а я молюсь о кирпичах да гвоздях. К тому времени, действительно, благодаря его незаурядному уму и кипучей энергии возобновилась монашеская жизнь одного из старинных русских монастырей, основанных ещё до раскола. А потом его благословили в наших местах строить храм и детскую школу. Вот тогда мы с ним и сошлись. Ещё задолго до моего священства, помню, ехал из Москвы электричкой, а рядом со мной сидели и разговаривали между собой двое мужчин, как я потом понял, возможно, это были монахи, или монастырские послушники. Говорили они громко, и я невольно слышал их разговор: - Нет, ты знаешь, я был уверен, что отец Аристарх не встанет, так болеть, так болеть, - изумлённо покачивая головой, дважды повторил один из собеседников. - А, вот, подишь ты, встал и снова служит. А батюшка Лука, а отец Варсонофий? Ну, ты посмотри, что не монах, так обязательно больной. Страдает, кажется, вот-вот, помрёт, а Господь держит на земле и не отпускает. Видать, любит он нашего брата. А поскольку тому, древнему монашеству нам не уподобиться, вот, Отец Небесный и смиряет нас сегодняшних через болезни. Видать, таков уготован нам путь спасения - через страдания. Когда мы подружились с отцом Нафанаилом, я и припомнил тот разговор в электричке. За несколько лет в монашестве, он и так человек некрепкого здоровья, серьёзно заболел. Возможно, из-за постоянного поста в его организме что-то нарушилось и,

буквально в течение года он, будучи склонным к полноте, сильно располнел, и периодически вынужден был ложиться в больницу. Я видел как батюшка питается, большую часть его рациона составляют таблетки, он ест их горстями. Лишний вес заставил моего друга отказаться от активного образа жизни. Ему тяжело ходить, подниматься по лестницам. Садясь, он нередко засыпает... И параллельно с этим я наблюдаю в нём удивительные изменения. Наверно от того, что он смиряется со своим положением, постоянно подшучивая над собой, в нём всё больше и больше проявляется какая-то детскость. Не в плане неразумности или неадекватности поведения, а в отношениях к миру и людям. Мы (я сужу по себе и по его друзьям) стареем, нас больше заботят семейные проблемы, наши дети. А отца Нафанаила беспокоят проблемы кого угодно, только не его собственные! Помню, как навещал его в гастроотделении областной больницы. Он обрадовался моему приходу, стал было расспрашивать о новостях, но поговорить по-хорошему, не отвлекаясь, нам так и не удалось. Постоянные звонки: - Батюшка! Мы узнали, что вы в больнице, а как же быть с тем, о чём я вас просила, - и начинается разговор про чужие болячки, лекарства, о том, где добыть денег на операцию такому-то. Отец Нафанаил то и дело сам кому-то перезванивает, просит какого-то врача принять такого-то больного. У кого-то, тысячу раз извиняясь, просит денег ещё для кого-то, ему наверняка даже незнакомого. Болезнь моего друга, в глазах многих звонящих просто досадная помеха к тому, чтобы батюшка как можно раньше решил их проблему. Прощаясь, мы обнимаемся, и на выходе он суёт мне в руку целый список имён: - Так некстати заболел. Уж не сочти за труд, на Литургии помолись об этих людях, им очень нужна молитвенная поддержка. - Батюшка, а сам что? Ты же монах, твоя молитва куда как выше. - Так когда я ещё в храм попаду, да и какой я монах, - отмахивается отец Нафанаил, - настоящие монахи те постоянно пребывают в созерцании своих грехов и плачут о них. А я, ты же видишь, совсем осуетился... Всякий раз, когда отца игумена переводят с одного места служения на другое, вместе с ним едет и его старый школьный товарищ Лёшка. В своё время Алексей, как и многие наши соотечественники, с огромными сумками в руках рванул за кордон в поисках счастья и дешёвого ширпотреба. В этом поиске судьба забросила его аж в Южную Корею. Забросила и оставила на десять лет по приговору тамошнего суда. Лёшка страсть как не любит говорить на эту тему, особенно о том, что он там натворил, зато однажды он рассказал мне о корейской тюрьме... Камеры там по большей части одиночки, мебель самая обычная, дверь зарешечена, что-то наподобие, как мы привыкли видеть в американских фильмах. Но восточные люди изменили бы себе, если бы не привнесли в тюремную жизнь некий свой непередаваемый восточный колорит. Все окна из камер смотрят во внутренний тюремный двор. Во дворе, в самом его центре стоял эшафот с виселицей. И хотя он не помнит ни одного случая публичной казни, верёвку на виселице регулярно меняют и периодически проверяют механизм, при помощи которого открывается люк под ногами осуждённого. Всякий раз, когда человеку хочется посмотреть на небо, перед его глазами постоянно маячит, развивающаяся на ветру верёвка. Кран, из которого можно было пить воду, устроен очень оригинально. Какой-то корейский шутник придумал разместить его прямо в унитазе. Причём так низко, что для того, чтобы попить или умыться - голову приходилось засовывать чуть ли не в унитаз. В душевую не водили, и помыться из-под такого крана тоже невозможно. Вентиляция работает плохо, специально или нет, непонятно, зато через некоторое время всё тело осуждённого начинает покрываться болячками. У Лёшки, не знаю каким образом он к нему попал, был маленький кусочек резинового шланга. Он натягивал его на сосок от крана и периодически обливал себя холодной водой. Есть давали один рис и часто били. Поэтому, хотя людей официально и не казнили, случаи самоубийства происходили постоянно. Он помнит, как однажды, сговорившись между собой, в разных камерах одновременно удавились семеро китайцев. - А я хотел выжить, - продолжал Лёшка, - мечтал вернуться сюда, на родину. И именно там, в далёкой Корее, впервые задумался о Боге. Почему-то человек так устроен, что пока он сам себя мордой в унитаз на засунет, молиться не начнёт. В обмен на улучшение условий содержания от меня постоянно требовали признаться в каких-то несовершенных мною преступлениях. В ответ я требовал свиданий с консулом и пересмотра моего дела. На родине про Лёшку, такого же сироту, как и отец Нафанаил, все давно забыли, все, кроме его старого школьного приятеля. Батюшка оббивал пороги высоких учреждений и постоянно писал запросы в разные ведомства и министерства с просьбой помочь его другу. Наконец, - вспоминает Лёшка, - меня вывели из камеры и провели в допросную. Корейский тюремщик снова стал предлагать признаться во всех грехах, которые я не совершал. И потом, после моего молчания объявил, что дело моё пересмотрено, и вместо, положенных десяти лет, я приговариваюсь к трём годам заключения, которые уже отсидел. Потому, меня немедленно освобождают из-под стражи и выдворяют из Кореи. Когда наш самолёт прилетел в Москву, в аэропорту меня встречал отец Нафанаил. Я был измождён настолько, что самостоятельно идти уже не мог. Тогда он взял меня на руки, словно ребёнка, и понёс. Я представил себе эту сцену, жаль тогда ещё не было принято снимать на мобильник, можно было бы продать запись телевизионщикам, или запустить в интернет как отличную шутку. Бородатый толстый монах, потев и отдуваясь, несёт на руках худого длинного Лёшку. Пузырь и соломинка - ну разве не повод похихотать? Теперь Лёшка шофёр и первый помощник отца Нафанаила. Иногда я езжу вместе с ними, и с интересом наблюдаю как они общаются друг с другом. Едем, а вдоль дороги народ торгует грибами. - Лёшь, чего-то так грибного супчику захотелось. Давай возьмём, а? Ты как, поддерживаешь? - Можно, батюшка, давай возьмём, сегодня как раз среда, можно и грибочков. Только, чур, я сам буду покупать, - и, оборачиваясь ко мне, комментирует, - Моего батю каждый норовит обмануть. В прошлый раз ему ведро червивых грибов всучили, а он и взял. Ведь видел что червивые, и всё равно взял. Говорит: «может этому человеку детей кормить нечем». А тем всё одно кого обманывать, хоть попа, хоть диакона. Отец Нафанаил, точно ребёнок радуется, когда Лёшка остановит машину и купит у бабушек бидончик ягод. Он тут же начинает всех угощать и благодарит шофёра, словно благодетеля. Я знал одного, к сожалению, ныне уже покойного архимандрита. У него в качестве келейницы жила старенькая монашенка, неправдоподобно

маленького росточка, ну может чуть больше метра. Отец архимандрит, прежде чем что-то сделать всякий раз спрашивал разрешения у своей келейницы. Садимся за стол, а мы с собой привезли замечательную домашнюю наливочку. – Фросьюшка, – спрашивает батюшка у маленькой монашенки, – благослови рюмочку с гостями выпить. Та отрицательно качает головой. – Фросьюшка, голубушка, ну, только одну. Перед ребятами неудобно, они же специально ехали, чтобы батюшку порадовать. – Сказала нельзя, значит, нельзя, – как отрезала Фросьюшка. Старый монах поворачивается к нам и виновато разводит руками, мол, извините, видите какая она у меня строгая, не могу послушаться. Видать и отец Нафанаил пошёл тем же путём. Он же сластёна, я его знаю. Помню, как однажды Лёшка сам по собственному почину взял и привёз в трапезную большущий арбуз, так наш отец игумен от радости чуть было в пляс не пустился. Мы, белые священники, живущие по мирским обычаям, с течением времени всё больше и больше отличаемся от отца Нафанаила, и не всегда его понимаем. Он запросто при всех может сказать нечто такое сокровенное, что, может, и не стоило бы говорить вслух. Как-то мы хоронили одного священника. По традиции после отпевания тело усопшего обносится вокруг храма, в котором он служил, а потом погребается самими же отцами. После похорон мы собрались в трапезную помянуть собрата. Батюшка сидел задумчивый, о чём-то вздыхал, а потом и говорит. – Знаете, отцы, мне вот какая во время отпевания мысль пришла. Вы детей рождаете, воспитываете. Вам их ещё до ума вон как долго поднимать придётся. Так что вам ещё нужно жить и жить. А я свою программу минимум на земле выполнил, монастырь поднял, храм построил, болею вот всё время. Да, и кроме Лёшки никому я больше на этом свете не нужен. Видать, и мой час подходит перед Господом предстать, вы уж меня тогда не забываете в своих молитвах. И, расчувствовавшись, он смахнул набежавшую слезу. Слушая батюшку игумена, отцы оценивающе рассматривали его фигуру, и потом кто-то сказал: – Нет уж, отче, пощади, живи долго и не вздумай помирать раньше нас. В следующий раз, как тебе что-то такое в голову придёт, сперва представь, как нам придётся тащить тебя вокруг храма. Видимо отец Нафанаил действительно себе это представил, махнул в нашу сторону рукой и улыбнулся. Говорят, сродное тянется к сродному. Вполне возможно. При новом храме, который поднялся старанием батюшки, были устроены несколько классов начальной школы с православным уклоном. Не знаю, чему больше радовался отец игумен, освящению самого храма или долгожданному открытию школы. Как сейчас помню, однажды захожу к ним в храм и спрашиваю: – Где отец Нафанаил? Мне отвечают, мол, ищи на территории, где-то он здесь. А в школе как раз перерыв между уроками, детвора высыпала на улицу и с криками носится вокруг храма. Иду и слышу, за углом раздаются какие-то непонятные звуки. Заглядываю, а это батюшка стоит себе скромно в уголочке, сцепив пальцы обеих рук на животе. Наблюдает за играющими детьми и сам смеётся, словно ребёнок, только очень большой и бородатый. Увидев меня, немного смутившись, неожиданно сказал: – Я не жалею, что стал монахом, и никогда не жалел, что у меня нет жены, но очень жалко, что у меня нет детей и никогда не будет. – Что делать, отец, – как могу, успокаиваю друга, – таков твой путь, уподобиться ангелам. – Ангелы, отец Александр, живут на небесах и о горнем помышляют, а я, грешник, никак от земного не отстану. Помню в то утро, когда мы с матушкой узнали о рождении внучки, я ехал к соседям на праздничное богослужение. В храме собралось множество отцов, ждали владыку. Приезжаю, а меня радость так и распирает, славното как, появилась на свет моя кровиночка. С кем из отцов ни поделюсь, те меня сразу же поздравляют, кто обнимет, кто за руку трясёт. Скажу кому из монахов, а те, словно не слышат, будто я им ничего и не говорил. Меня тогда это даже обидело немного, и только потом я сообразил, что для монаха дети и семья самая больная тема. Я делюсь с ним моей радостью, а он в мыслях снова возвращается к своему самому главному вопросу, так часто терзающему монаха: – А может ещё не поздно, может, взять и вернуться в мир? У меня ещё могут родиться дети. Это очень трудно, отказавшись от собственного счастья, полюбить весь мир. Но зато уж, если возлюбил, так эта любовь дорого стоит, и переоценить её невозможно. Наверно нет такой православной компании, которая собравшись за столом, не стала бы рассуждать о чудесах, пророчествах и прочих интересных вещах. Вот и мы так однажды общаемся, а отец игумен всё молчит и молчит. Наконец, когда речь зашла о юродивых, батюшка востепенно сказал: – Как сейчас помню, приезжаем мы с Лёшкой в Дивеево. Иду я, значит, по территории монастыря, и слышу, как кто-то меня окликает. Оборачиваюсь, вижу, нищий сидит, подавание просит. – Батюшка, – говорит он мне, – подай копейку, а я тебе что-то полезное скажу. – Ладно, – отвечаю ему. – Но у меня сейчас мелочи нет. Вот разменяю, и на обратном пути подам. На обратном пути я его нашёл и положил ему в шапку несколько рублей. А он так внимательно смотрит на меня, потом поднимает вверх указательный палец и как крикнет: – Макарончики, батюшка, макарончики! Голос у отца Нафанаила, и без того могучий, в этот момент прозвучал столь торжественно и громкоподобно, что ни у кого не хватило духа спросить батюшку что значило это пророчество. Он смотрит на нас и словно чего-то ждёт, а в комнате наступила всеобщая тишина. Потом уже, я как-то не удержался и спросил его: – Отче, прости мою тупость, но я так и не понял того пророчества про «макарончики». Что тот юродивый имел в виду: переходить тебе на макароны, или полностью от них отказаться? Батюшка глубоко вздохнул и обречённо произнёс: – В том-то и дело, всякий раз, рассказывая о том случае, жду, что кто-нибудь, в конце концов, растолкует мне его слова... Тут, в рассказах, вся – Вера, биография и личная жизнь Александра Дьяченко, иерея (священника) Бога Всевышнего Тут, в рассказах, вся – Вера, биография и личная жизнь Александра Дьяченко, иерея (священника) Бога Всевышнего Сейчас отец Нафанаил вместе с Лёшкой, хотя, правильно уже говорить, не с Лёшкой, а с отцом Антонием, уехали возрождать очередную древнюю святыню, и видимся мы теперь очень редко. Я бы и забыл тот рассказ о юродивом, если бы моя матушка однажды не сварила целую кастрюлю отличнейших макарон. Ещё она поджарила мелко порубленные баклажаны и смешала их вместе. Возвращаюсь я домой после каких-то дел, голодный захожу на кухню и обнаруживаю на плите всю эту красоту в сковородке под стеклянной крышкой. С удовольствием, предвкушая, как я сейчас славно покушаю, накладываю себе полную тарелку, беру ложку и уже готовлюсь отправить первую порцию

по назначению. И вдруг, словно гром среди ясного неба, матушкин голос: - Макарончики, батюшка, макарончики! Не увлекайся, они очень вкусные. И я немедленно вспоминаю тот наш разговор за столом и понимаю, - вот он миг, в который вершится история: толкователь нашёлся! Ещё минута и, наконец-то, миру откроется таинственный смысл пророчества батюшки Нафанаила.